



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

8

Выпуск (876)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

8
Issue (876)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023





ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 8 (876)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)



VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 8(876)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Репрезентация здоровья как ценности во французской социальной рекламе БЫКОВА О. А., ДЕДЮРИНА Е. Ю.	9
О сложности разграничения языков и их диалектов (на материале монгольского языкового ареала) ГАНБААТАР ЦЭНД-АЮУШ	16
Прикладные лингвопрагматические технологии: словарь семантических орбит ДЖУНКОВСКИЙ А. В., ЦВЕТАЕВ Е. Ю. (на англ. яз.)	22
Актуальное состояние корпусной лингвистики: тенденции и перспективы ИЗЮМСКАЯ В. В.	27
Особенности французского театрального произношения (сравнительный анализ) КОГАЛОВА Е. А.	34
Опыт изучения средств речевой агрессии в бразильских телеграм-каналах в период кризиса власти в 2022–2023 годах ЛЕШИН А. Г., ЛЮБЯНИЦКАЯ А. А., НЕЧАЕВА К. К.	40
Номинативное поле лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке МА ЛИЯ	47
Гербовые девизы крестоносцев как особый тип средневекового креолизованного текста МАНУХИНА А. О.	53
О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств МЕЛИНА А. Ю.	59
Семиотические основания риторического декодирования текста МОРИНА Л. А. (ГОЛЫШКИНА)	66
Стилистические и грамматические особенности средневековой латинской поэзии вагантов МУРАВЬЕВА А. И.	73
Семантика фазисных пассивных конструкций со связкой «оставаться» НЕКРАСОВА И. М.	80
Культурный скрипт «деньги» в литературном и кинематографическом контекстах: Л. Н. Толстой, Р. Брессон, А. Фархади ОВЧИННИКОВА Г. В. (на фр. яз.)	87
Восприятие мелодии народной песни как результат действий ментальных кодов ПЕТРОЧЕНКО Е. В.	93

СОДЕРЖАНИЕ

Автореференция в женском дискурсе начала XVII века:

«Апология в защиту той, кто пишет» Мари де Гурне

ТУЛУБЕЕВА Е. В.102

Опыт сопоставительного анализа прагматических коннекторов

(на примере французских коннекторов со значением резюмирования, пояснения, обобщения, вывода, завершения)

ТУНИЦКАЯ Е. Л.109

Планируемая непрямая коммуникация как способ программирования интерпретации смыслов

в американском политическом дискурсе (на материале инаугурационных речей президентов США)

УСТЬЯНЦЕВА А. Е.116

Колумбийский социолект парлаче в песенном реггетон-дискурсе:

лексические и функциональные особенности

ФЕДОСОВА О. В., КРАВЧЕНКО А. Ю.123

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Латинские сертификаты о подлинности реликвий: история, текст, перевод

ГОЛИКОВА М. С.130

Об интермедиальности в творчестве Паскаля Киньяра

ФРОЛОВА В. В.138

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К проблеме дигитализации современного искусства

ГЕТМАНЕНКО А. О.144

Особенности в становлении российской и латиноамериканской цивилизационной идентичности

ЕМЕЛЬЯНОВ А. И.150

LINGUISTICS

Representation of Health as a Value in French Social Advertising BYKOVA O. A., DEDIURINA E. YU.	9
On the complexity of differentiation of languages and their dialects (based on the Mongolian language area) GANBAATAR T.-A.	16
Applied Linguopragmatics: Semantic Orbit Dictionaries DZHUNKOVSKIY A. V., TSVETAEV E. Y.	22
Modern Corpus Linguistics: Trends and Prospects IZYUMSKAYA V. V.	27
Features of French Theatrical Pronunciation (comparative analysis) KOGALOVA E. A.	34
Studying Means of Speech Aggression in Brazilian Telegram Channels during the Governmental Crisis in 2022–2023 LESHIN A. G., LYUBIANITSKAYA A. A., NECHAEVA K. K.	40
The Nominative Field of the Linguocultural Type “Teacher” in the Chinese Language MA L.	47
Crusader Coat of Arms Mottos as a Special Type of Medieval Creolized Text MANUHINA A. O.	53
Prospects of Impacting Cancel Culture with Linguistic Means MELINA A. Y.	59
Semiotic Foundations of Text Decoding Rhetoric MORINA (GOLYSHKINA) L. A.	66
Stylistic and Grammatical Features of Medieval Latin Poetry of Vagants MURAVYEVA ALSU I.	73
The Semantics of the Aspect Passive Constructions with the Copula “оставаться” (remain) NEKRASOVA I. M.	80
The Cultural Script “Money” in Literary and Cinematic Contexts: L. N. Tolstoy, R. Bresson, A. Farhadi OVCHINNIKOVA G. V.	87

CONTENTS

The Cultural Script “Money” in Literary and Cinematic Contexts: L. N. Tolstoy, R. Bresson, A. Farhadi OVCHINNIKOVA G. V.	87
Perception of Folk Song Melody as a Result of Mental Code Operation PETROČENKO E. V.	93
Self-Reference in Female Discourse of the Early 17 th Century: “Apology for the Woman Writing” Marie de Gournay TULUBEEVA E. V.	102
Comparative Analysis of Pragmatic Connectors (on the example of French connectors with the meaning of summary, explication, generalization, conclusion, ending) TUNITSKAYA E. L.	109
Planned Indirect Communication as a Way of Programming Interpretation of Meanings in American Political Discourse (based on the inaugural speeches of US presidents) USTYANTSEVA A. E.	116
Colombian Sociolect Parlache in Song Reggaeton Discourse: Lexical and Functional Features FEDOSOVA O. V., KRAVCHENKO A. YU.	123

LITERARY STUDIES

Latin Certificates of Authenticity for Relics: History, Text, Translation GOLIKOVA M. S.	130
On Intermediality in the Works of Pascal Quignard FROLOVA V.	138

CULTUROLOGY

On the Problem of Digitalization of Contemporary Art GETMANENKO A. O.	144
Key Features in the Formation of Russian and Latin American Civilizational Identity EMELIANOV A. I.	150



Репрезентация здоровья как ценности во французской социальной рекламе

О. А. Быкова¹, Е. Ю. Дедюрина²

^{1,2} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹ bykoolya@yandex.ru

² katerinadedyurina@gmail.com

Аннотация. В статье на материале социальной рекламы исследуется репрезентация здоровья как базовой ценности. Рекламный дискурс в целом и дискурс социальной рекламы в частности рассматриваются, с одной стороны, как ретрансляторы существующих ценностей, с другой – как их носители и популяризаторы. Ценность «здоровье» репрезентируется в социальной рекламе в виде комплекса наиболее значимых ее аспектов: отказ от вредных привычек, предупреждение болезней, ментальное здоровье, здоровье детей.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный текст, социальная реклама, аксиология, ценность

Для цитирования: Быкова О. А., Дедюрина Е. Ю. Репрезентация здоровья как ценности во французской социальной рекламе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_9

Original article

Representation of Health as a Value in French Social Advertising

Olga A. Bykova¹, Ekaterina Yu. Dediurina²

^{1,2} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹ bykoolya@yandex.ru

² katerinadedyurina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the representation of health as a basic value based on the material of social advertising. Advertising discourse in general and the discourse of social advertising in particular are considered, on the one hand, as repeaters of existing values, and on the other hand, as carriers and popularizers of values. The value of “health” is represented in social advertising as a complex of its most significant aspects: giving up bad habits, preventing diseases, mental health, and children’s health.

Keywords: advertising discourse, advertising text, social advertising, axiology, value

For citation: Bykova, O. A., Dediurina, E.Yu. (2023). Representation of Health as a Value in French Social Advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_9

ВВЕДЕНИЕ

Изучение процессов коммуникации (в том числе и массовой) на современном этапе развития гуманитарного знания ставит во главу угла идею о том, что язык «присваивается говорящим», служит для передачи не только информации, но и субъективных смыслов. Как отмечают авторы монографии «Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов», «с развитием когнитивно-дискурсивного подхода становится всё более очевидным, что структуры знания, мнения, верования, воображения, «стоящие» за реальной речью реального *homo verbo agens*, изысканного на данном естественном языке, имманентно сопряжены с оценением и восходят к соотношению сознательного и бессознательного, устойчивого и креативного» [Лингвистика и аксиология ... 2011, с. 3]. Таким образом, процесс порождения языкового материала неизбежно включает в себя оценку содержания высказывания, сообразно системе координат говорящего, в связи с чем оценку можно рассматривать как объективно-субъективную коннотацию значения [Телия, 1996].

Рекламный дискурс как один из типов институционального дискурса и подтипов медиадискурса представляет собой интересный объект исследования не только с точки зрения его лингвистических характеристик, но и с позиции тех социально-значимых смыслов, которые он транслирует. Эти смыслы регулируются прежде всего основными актантами этого типа дискурса (т. е. заказчик рекламы и ее потребитель), а также социально- историческим контекстом, в котором создается реклама. Рекламный дискурс служит своеобразным индикатором общественных настроений. Поэтому изучение аксиологического компонента рекламного дискурса как одного из основополагающих факторов, влияющих на выбор рекламной стратегии, позволяет сделать определенные важные выводы о приоритетах современного общества, его запросах и ориентирах.

С другой стороны, рекламный дискурс также имеет значительный воздействующий потенциал как на систему ценностей отдельного индивида, так и на систему общественных ценностей в целом. Как отмечает Ирина Викторовна Ерофеева, медиатекст – это не только «инструмент для хранения и передачи информации», но и «средство трансформации ценностей» [Ерофеева, 2010, с. 21]. Это объясняется тем, что «преобладающие социокультурные установки в форме оязыковленных стереотипов, норм объективно создают определенную шкалу ценностей, которая, будучи интериоризованной человеком, проявляется в

выражении им ценностного отношения в выборе жизненных приоритетов и его бытийного горизонта ожидания» [Лингвистика и аксиология ... 2011, с. 16].

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Согласно Г. Г. Николайшвили, социальная реклама представляет собой «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям» [Николайшвили, 2008, с. 9].

Ценностные ориентиры обуславливают отношение личности к окружающей его действительности. По мнению В. В. Ильина, назначение ценности – вводить регламенты конструирования бытия [Ильин, 2005]. Социальная реклама способствует формированию общечеловеческих ценностей (добро, жизнь, здоровье), морально-этических ценностей (порядочность), социальных ценностей (равенство, солидарность) и т. д. Сформированные ценностные ориентиры помогают индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях. При этом важно отметить, что процесс формирования ценностей является долгим, в связи с чем результаты воздействия социальной рекламы могут быть видны только через несколько лет после запуска той или иной рекламной кампании.

ЦЕННОСТЬ «ЗДОРОВЬЕ»

Согласно типологии Ю. Г. Вешнинского, здоровье является одной из «натуральных» или природных ценностей, которые автор ставит в один ряд с такими ценностями, как чистый воздух, чистая вода, долголетие населения [Лингвистика и аксиология ... 2011, с. 30]. Согласно другим типологиям, здоровье относится к базовым и универсальным ценностям. Представляются интересными результаты этносемиотического анализа слова «Value» (ценность) в диахронии, в котором здоровье выделяется в качестве одного из ядерных смыслов наравне со значениями «сила», «доблесть», «пригодность», напрямую связанных с гиперконцептом «жизнь» [Лингвистика и аксиология ... 2011].

Универсальный, базовый характер ценности «здоровье» объясняет тот факт, что репрезентация его в социальной рекламе в меньшей степени детерминирована этноспецифическими характеристиками. Вместе с тем представляется интересным рассмотреть наиболее значимые аспекты этой ценности, которые оказываются в фокусе внимания французов.

Кроме того, социальная реклама отражает актуальные тенденции общества, а также остро реагирует на различные изменения, происходящие в социуме, тем самым придавая привычным ценностям новые грани. Так, например, тема здоровья нации, являясь одной из центральных тем социальной рекламы во многих странах, в том числе и во Франции, в последние годы претерпела некоторые изменения в связи с новыми эпидемиологическими угрозами.

Репрезентация ценности «здоровье» в целом отражает двойственность аксиологии (науки о ценностях), которая ориентирована, с одной стороны, на разработку концепции подлинного человеческого бытия, а с другой – обращается к его антиномии, представленной тенденцией к разрушению, в том числе и саморазрушению [Лингвистика и аксиология ... 2011]. Действительно, формирование ценностного ориентира здоровья проходит не только через формирование позитивных привычек, но и через отказ от всего, что для него деструктивно. Поэтому афиши социальной рекламы используют особые коды, которые провоцируют у потребителя рекламы определенные эмоции – положительные или отрицательные. Поскольку афиша социальной рекламы представляет собой креолизованный текст, значительную роль в передаче этого особого кода играет графическая составляющая сообщения, однако текстовый элемент также очень важен.

Для того чтобы выявить основные тенденции репрезентации ценности «здоровье» и выделить средства ее вербализации в афишах социальной рекламы во Франции, нами было отобрано 30 рекламных плакатов, появившихся в период с 2021 по 2023 год.

ОТКАЗ ОТ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК

Одним из центральных аспектов ценности «здоровье» во Франции является отказ от вредных привычек.

По-прежнему для французского общества актуальной остается проблема курения. Согласно статистике¹ во Франции насчитывается 15 млн курильщиков, а курение является первой предотвратимой причиной смертности населения. В 2022 году была запущена очередная кампания под названием «Vie sans Tabac», в которой приняли участие бывшие курильщики.

На афишах изображены счастливые люди: подруги, катающиеся на велосипедах, семьи, улыбающаяся женщина на шезлонге. Данные изображения сопровождаются слоганами: *Rejoignez les 50*

¹ URL: <https://www.ameli.fr/assure/actualites/sante-publique-france-rediffuse-et-renforce-sa-campagne-bienvenue-dans-une-vie-sans-tabac>

millions de Français qui vivent sans tabac и *Bienvenue dans la vie sans tabac*. Авторы рекламы используют повелительное наклонение и приветствие «добро пожаловать», тем самым приглашая курильщиков присоединиться к тем, кто уже отказался от курения и живет теперь счастливой жизнью. Приведенные статистические данные усиливают акцент на том, что значительное количество людей выбирают здоровую жизнь без вредных привычек, что также усиливает воздействие на потребителя рекламы.



Рис. 1

Также на афише (см. рис. 1) мы видим сравнение жизни без курения с каникулами, что усиливает положительную характеристику нового образа жизни: *La vie sans tabac c'est un peu comme des vacances qui durent toute la vie*. Стоит отметить, что в данном слогане на афише слово «жизнь» выделено другим цветом, что свидетельствует о сознательном акценте со стороны авторов рекламы, которые ставят реципиента перед выбором: курение или жизнь.

В рекламе на рисунке 2 используется другая тактика: сопоставление положительного эффекта здорового образа жизни и отрицательного эффекта вредных привычек. Контекстуальное противопоставление временных планов настоящего и будущего осуществляется на лексическом уровне посредством оппозиции временных маркеров *maintenant – plus tard / demain / aujourd'hui*, а также на грамматическом уровне (противопоставление временного плана настоящего и будущего (Impératif – *Faites*; Présent – *il faut*; Futur simple – *remerciez*).

Противопоставление акцентируется на визуальном уровне посредством расположения текста и цветового контраста, а также противопоставления двух картинок, первая из которых изображает человека в настоящий момент, вторая – его проекцию в будущем. В качестве аргумента автор приводит гипотезу (Conditionnel – *pourrait*) о том, что отказ от вредных привычек позволил бы значительно уменьшить количество случаев заболевания раком. При этом автор апеллирует к фактам (*plus de la moitié*). Реклама делает акцент не только на идее предотвращения болезни, но и на ценности долголетия, что, безусловно, также воздействует на реципиента.



Рис. 2

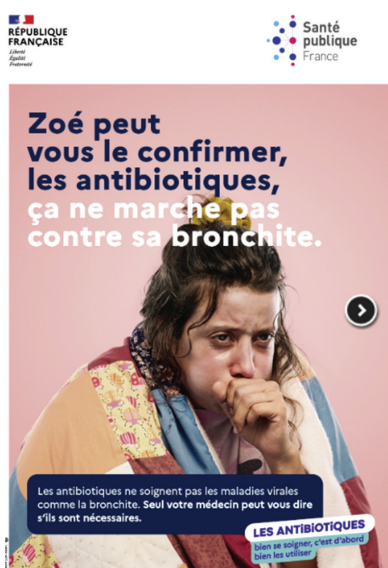


Рис. 3

Интересно, что современная французская социальная реклама привлекает внимание не только к «вневременным» проблемам, таким как алкоголизм, курение, неправильное питание, но и, например (см. рис. 3), к злоупотреблению антибиотиками.

На афише (см. рис. 3) внимание привлекает изображение больной девушки, которая репрезентирует антиномию ценности здоровья. Таким образом, предупреждая потребителей рекламы о нежелательности злоупотребления антибиотиками (так как антибиотики, являясь сильным лекарством, обладают своего рода побочным действием), создатели рекламы создают образ отрицательного результата.

На языковом уровне идея негативного воздействия на организм акцентируется посредством отрицательных конструкций (*ne marche pas, ne soignent pas*). Идея положительного результата вводится лишь внизу рекламы с помощью параллельных конструкций со словом *bien* – *Bien se soigner c'est d'abord bien les utiliser*.

Таким образом, вредные привычки изображаются в социальной рекламе как препятствие на пути к здоровой и счастливой жизни. Несмотря на то, что встречаются примеры антиномии ценности «здоровье», акцент в основном делается на перспективу тех положительных результатов, которые может принести отказ от вредных привычек.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Отказ от вредных привычек напрямую связан с предупреждением болезней (см. рис. 2). Помимо традиционных вызовов общество сталкивается с новыми проблемами, которые также находят отражение в рекламе.

Во время пандемии COVID-19 остро встал вопрос о необходимости вакцинации, и для того чтобы мотивировать людей прививаться, правительство региона Provence Alpes Côte d'Azur выпустило в 2021 году серию афиш, которые демонстрируют положительный эффект вакцинации. На афишах изображены влюбленные, которые радуются встрече; молодые люди на концерте и на каникулах; семьи с детьми и внуками. Как и на афишах против курения, авторы рекламы о вакцинации придерживаются положительного образа, делая акцент на позитивном результате того или иного действия, а не на запугивании страшными последствиями. Так как в сети Интернет пользователи находят много информации о потенциальных негативных последствиях вакцинации, авторы афиши (рис. 4) дают своего рода ответ всем сомневающимся: *Oui, le vaccin peut avoir des effets désirables* – выделяя желтым цветом последнее слово, тем самым показывая, что подразумевается

под желаемым эффектом: возвращение к нормальной жизни в социуме, встречи с друзьями и близкими. Данный слоган можно считать своего рода беседой между авторами рекламы и реципиентом, что повышает вовлеченность человека в проблему, обозначенную на плакате. Также на афише мы видим слоган рекламной кампании: *A chaque vaccination c'est la vie qui reprend*. Авторы используют выделительную конструкцию *c'est ... qui*, для того чтобы подчеркнуть идею о победе жизни над болезнью.



Рис. 4

Тема противостояния опасным вирусам отражается также в необходимости соблюдать масочный режим и проводить профилактические мероприятия. В декабре 2022 года в регионе Hauts-de-France была запущена кампания по продвижению профилактических мер. В данной серии афиш (см. рис. 5) вирус воспринимается как враг, в связи с чем авторы рекламы используют такие языковые единицы, как *combattez les virus*, *contre les virus*, *face aux virus*, которые выражают некое противостояние между людьми и вирусами. Отметим, что на афишах также присутствуют глагольные формы в повелительном наклонении 1-го и 2-го лица множественного числа: *portons le masque*, *lavons-nous les mains*, *sortez bien couverts*. С помощью императива авторы рекламы побуждают реципиента к принятию конкретных мер по защите от заболеваний.

МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Помимо физического здоровья нации, французы также стали обращать внимание на ментальное здоровье людей. В 2022 году была запущена кампания «J'en parle», адресованная в первую очередь подросткам, которые, к примеру, находятся в депрессии.

Изображение грустного подростка на афише сопровождалось слоганом (см. рис. 6): *Angoissé, déprimé ou énervé: parles-en!* Зачастую общество, родители, учителя скептически относятся к подобным состояниям у подростков, однако такие состояния как страх, депрессивные настроения, не являются нормой и являются препятствием на пути к хорошему самочувствию. Использование повелительного наклонения должно мотивировать подростков говорить о своем состоянии и не замалчивать ментальные проблемы. Интересен выбор формы второго лица единственного числа, которая лучше апеллирует к подросткам и создает более доверительный тон. Данная афиша свидетельствует о том, что компоненты ценности «здоровье» во Франции не ограничиваются только физическим здоровьем, а включают в себя также ментальное здоровье нации.



Рис. 5



Рис. 6

ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

Так как дети и подростки – это будущее нации, то уже с раннего возраста следует прививать им правильные и здоровые привычки.



Рис. 7



Рис. 8

Так, например, в феврале 2023 года была запущена рекламная кампания против чрезмерного использования гаджетов подростками. На данных рекламных афишах проведена параллель между защитой здоровья и жизни ребенка при занятиях спортом или при нахождении у воды и между защитой детей в интернет-пространстве. Авторы рекламы хотели тем самым подчеркнуть важность защиты здоровья ребенка не только в реальной жизни, но и в цифровой среде. На данной серии афиш авторы задают реципиенту риторический вопрос, который должен заставить родителей задуматься о своем поведении: *Face aux écrans êtes-vous aussi vigilant?* (см. рис. 7). Как и в ранее

приведенных примерах, создатели рекламы прибегают к риторическому вопросу для имитации диалога с публикой для повышения вовлеченности в проблему.

Авторы социальной рекламы привлекают внимание также к проблемам лишнего веса у детей. Так, афиша (см. рис. 8) использует близкий к миру ребенка видеоизмененный образ Гарри Поттера, который в данном случае выступает не примером для подражания, а скорее его антиподом. Метафора, которая вводится лексикой из области кино (*cinéma, acteur*), придает проблеме более отвлеченный характер, но вместе с тем обладает сильным воздействующим потенциалом.

Выводы

Проведя анализ афиш, мы можем сделать следующие выводы:

1. Современное общество сталкивается с ростом заболеваний, связанных с несоблюдением здорового образа жизни. В связи с этим социальная реклама стала одним из наиболее эффективных способов привлечения внимания к проблемам здоровья и формирования социально значимых ценностей.
2. Компоненты ценности «здоровье» с каждым годом становятся многочисленнее, так как общество сталкивается с новыми вызовами, на которые нужно немедленно реагировать. Так, одними из новых компонентов можно считать ментальное здоровье детей и подростков, борьбу с новыми инфекционными заболеваниями.
3. Афиши, посвященные здоровым привычкам, как правило, используют красочные и привлекательные картинки. Авторы рекламы намеренно делают акцент на позитивной стороне данного образа жизни. Помимо этого, на афишах зачастую присутствуют семьи с детьми, подростки или молодежь, так как целевой аудиторией является подрастающее поколение.
4. Основными средствами вербализации ценности «здоровье» являются глагольные формы в повелительном наклонении, а также различные средства противопоставления.
5. Риторический вопрос является популярным средством, к которому прибегают авторы социальной рекламы для имитации диалога с реципиентом и для повышения вовлеченности последнего в представленную на плакате проблему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / [кол. авт.: Е. Ф. Серебренникова и др.]. М.: ТЕЗАУРУС, 2011.
2. Телия В. Н. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре : репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
4. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Связи с общественностью» и «Реклама». М.: Аспект Пресс, 2008.
5. Ильин В. В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005.

REFERENCES

1. Serebrennikova, E. F. et al. (2011). Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov = Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: a collective monograph. Moscow: TEZAURUS. (In Russ.)
2. Teliya, V. N. (1996). Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty = Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.)
3. Erofeyeva, I. V. (2010). Aksiologiya mediateksta v rossiyskoy kulture : reprezentatsiya tsennostey v zhurnalistike nachala XXI v. = Axiology of Media Text in Russian Culture: Representation of Values in Journalism at the Beginning of the 21st Century: abstract of Senior Doctorate in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
4. Nikolayshvili, G. G. (2008). Sotsialnaya reklama: teoriya i praktika = Social advertising: theory and practice: a textbook for university students studying in the specialties "Public Relations" and "Advertising". Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
5. Ilin, V. V. (2005). Aksiologiya = Axiology. Moscow: MSU Publishing house. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Дедюрина Екатерина Юрьевна

старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bykova Olga Alekseevna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Dediurina Ekaterina Yurievna

Senior Lecturer at the Department of French Phonetics and Grammar
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2023
20.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_16



О сложности разграничения языков и их диалектов (на материале монгольского языкового ареала)

Ц.-А. Ганбаатар

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

gnasun11@gmail.com

Аннотация. В статье представлены основные выводы исследований монгольских диалектов, проведенных за последние более чем сто лет. Особое внимание уделяется классификации диалектов монгольского языка, а также проблемам, связанным с установлением границ между ними. Проведено аналитическое исследование высказываний ведущих ученых в данной области, таких как Ш. Лувсанвандан, Б. Я. Владимирцов и Н. Поппе и др. Несмотря на споры и неопределенность в разграничении диалектов монгольского языка, литературной нормой современного монгольского языка считается халхаский диалект, изучение которого с применением современных методов исследования остается актуальным в области востоковедения.

Ключевые слова: монгольский язык, диалекты, халхаский диалект, классификация диалектов монгольского языка, монголоведение

Для цитирования: Ганбаатар Ц.-А. О сложности разграничения языков и их диалектов (на материале монгольского языкового ареала) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 16–21. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_16

Original article

On the Complexity of Differentiation of Languages and Their Dialects (based on the Mongolian language area)

Tsend-Ayush Ganbaatar

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

gnasun11@gmail.com

Abstract. The article presents some findings of the research into Mongolian dialects carried out over a century, with a primary focus on their classification, as well as the challenges associated with defining their boundaries. The study offers an analytical study of the statements of leading scientists in this field, including Sh. Luvsanvandan, B.Ya. Vladimirtsov, and N. Poppe and others. Despite the disputes and uncertainty concerning the differentiation of Mongolian dialects, the Khalkha dialect is considered to be the literary norm of modern Mongolian, and its study using modern research methods remains relevant for oriental studies.

Keywords: Mongolian language, dialects, Khalkha dialect, classification of Mongolian dialects, Mongolian studies

For citation: Ganbaatar, Ts.-A. (2023). On the complexity of differentiation of languages and their dialects (based on the Mongolian language area). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 16–21. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_16

ВВЕДЕНИЕ

Монгольский язык относится к группе языков алтайской семьи наряду с маньчжуро-тунгусским, тюркским, японским и корейским языками. Когда монголы занимали обширные территории Центральной Азии, они вели кочевой и оседлый образ жизни и разговаривали на многих диалектах монгольского языка. На текущий момент, помимо Монголии, монголы проживают в Автономном районе Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Цанхае (Hohonor), Ганьсу, Хэйлунцзяне и в некоторых районах провинции Ляонин Китайской Народной Республики. В России монголы проживают в Республике Бурятия, Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области, Читинской области, Агинском районе, ближе к нижней Волге, в Республике Калмыкия и некоторых районах Астраханской, Ростовской, Волгоградской, Ставропольской областей. Помимо этого, монголы обитают в Гератской, Майманской, Бадахшанской областях Афганистана и в районе озера Иссык-Куль в Киргизской Республике. Обосновавшиеся на этих территориях монголы находятся под влиянием разных языков, культур и религий [Төмөртоого, 2017]. По этой причине диалекты монголов, появившиеся при разных условиях, с одной стороны, сохранили древние особенности языка, а с другой стороны, отражают изменения, возникшие под влиянием других языков.

1. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Диалекты монгольского языка начали изучаться в начале прошлого века. Вопросы классификации и систематизации многих диалектов интересовали таких языковедов, как Г. Й. Рамstedт, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, Н. Поппе, Ш. Лувсанвандан, Чингэлтэй, Хас-Эрдэнэ, Д. Төмөртоого, Ж. Санжаа, Г. Батзаяа, Ж. Цолоо, Б. Амаржаргал и др. Однако ученые в области монголоведения до сих пор расходятся во мнениях по данному вопросу.

Впервые классификация монголов по языку была предложена А. Д. Рудневым. Согласно его классификации:

- восточные: ордосы, чахары, тумуты, суниты, хорчины, харчины, барины, хешиктэны, горлосы, дурбуты, халхи, хотогойты и др.
- западные: калмыки, байты, торгуты, хошуты
- северные: буряты [Рамstedт, 1908].

Другая классификация была представлена Б. Я. Владимирцовым в его труде под названием «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия»,

опубликованном в 1929 году, согласно которой монгольские наречия были разделены на ветви следующим образом [Владимирцов, 1929]:

- 1) восточная ветвь: бурятское, баргу-бурятское, дагурское, харачинское, горлосское, найманское, чахарское, ордосское, халхаские;
- 2) западная ветвь: дурбутские в аймаке Ховд Монголии, в Астрахани в России, торгутское, и ойратское в аймаке Ховд Монголии.

В 1954–1955 годах известный монголовед Н. Поппе предложил новую классификацию, разделяющую монгольские диалекты на восточные и западные [Porre, 1987]:

1. Восточные:
 - а) дагурский;
 - б) монгорский (включая дунсяньский, шира-йогурский как диалекты монгорского языка);
 - в) восточный монгольский (монгольский язык): халхаский, ордосский, харачинский, чахарский;
 - г) бурятский (включаются диалекты бурятского языка);
2. Западные: могольский, ойратский, калмыцкий.

В 1957 году диалектолог Китайской Народной Республики Чингэлтэй представил результаты исследования по диалектам монгольского языка. Работа над проектом велась с 1955 года. В исследовательском отчете была предложена следующая классификация, предполагавшая выделение шести языков [Лувсанвандан, 1959]:

- 1) монгольский язык;
- 2) дагурский язык;
- 3) монгорский язык;
- 4) дунсяньский язык;
- 5) баоаньский язык;
- 6) шира-йогурский язык.

Таким образом, в научной литературе представлены различные системы классификаций монгольских диалектов на основе географического положения и степени изученности различных уровней языка. Классификация академика Ш. Лувсанвандана является продвинутой в этом отношении. Он разделил диалекты монгольского языка на следующие четыре основных диалекта [там же]:

1. Центральные диалекты:
 - а) халхаский диалект;
 - б) чахарский диалект;
 - в) ордосский диалект;
2. Восточные диалекты:
 - а) Хорчинский диалект;
 - б) Харачинский диалект;

3. Западные диалекты:
 - а) ойратский диалект Синьцзян-Уйгурского;
 - б) ойратский диалект (ближе к нижней Волге);
4. Северные диалекты:
 - а) добайкальский диалект;
 - б) забайкальский диалект.

Языковед Н. Поппе утверждал, что «одной из самых сложных проблем языкознания является определение того, что такое язык и что такое диалект. Иногда трудно определить, является ли рассматриваемый язык действительно независимым языком или просто диалектом языка. Часто основу языковых определений формируют политические соображения, что вызывает большую путаницу» [Porre, 1987, с. 14]. Таким образом, в монголоведении этот вопрос и на сегодняшний день является достаточно спорным.

Академик Д. Төмөртоого объясняет существование этой проблемы тем, что носители монгольского языка проживают в нескольких странах, вследствие чего классификация диалектов монгольского языка до сих пор вызывает споры. Например, монголы, проживающие в России и КНР, считаются одним из многих этносов внутри этой страны, а их язык понимается как самостоятельный «язык». Однако с точки зрения Монголии, калмыки и буряты в России, ойраты и буряты, проживающие в КНР, являются частью ойратов и бурятов в Монголии, а их язык представляет собой крайние поддиалекты ойратского и бурятского диалекта монгольского языка [Төмөртоого, 2017].

Относительно монгорского, дунсянского, баоаньского, шар-йогурского, дагурского и могольского языков академик Д. Төмөртоого также отмечал в своей работе, что эти языки, отделившиеся от родного монгольского языка сотни лет назад, находились под влиянием других иностранных языков и отражают характеристики смешанного языка, поэтому их можно считать самостоятельными языками.

2. ХАЛХАСКИЙ ДИАЛЕКТ

На халхаском диалекте современного монгольского языка сегодня говорят халха-монголы, живущие в столице Монголии Улан-Баторе и в 21 аймаках Монголии. Этот диалект сегодня является литературной нормой современного монгольского языка.

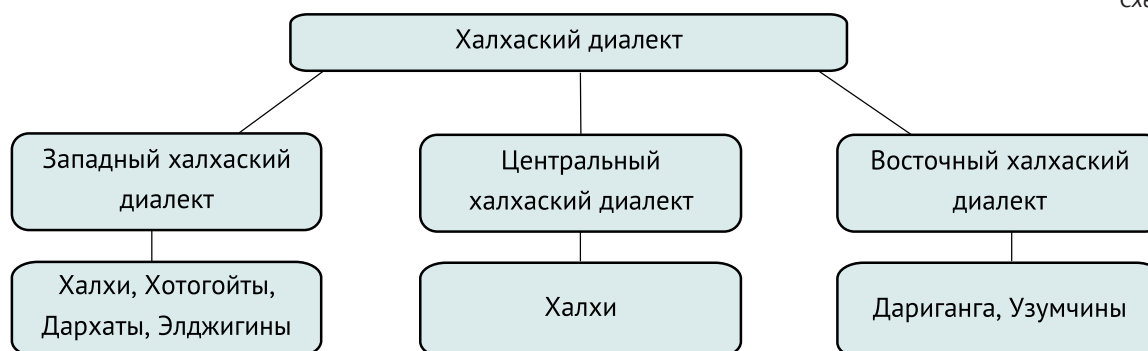
Предки халхаского народа, Халхаский тумен, жили в XIV веке и являлись частью левого крыла «Шести туменов» после распада Монгольской Империи. Позже, в XVI веке, Батумункэ Даян-хан передал власть в Халхаском тумене своему сыну Гэрсэндзэ-Джалаир-хунтайджи, а он, в свою очередь, своим семи сыновьям. С того времени образовалось семь северных отоков Халхи, объединившихся под одним названием «халх», который стал великим предком нынешнего халхаского народа [Төмөртоого, 2017].

Исследование халхаского диалекта началось в первом десятилетии прошлого века, когда вышли известные труды: «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка халхаско-ургинского говора» Г. Й. Рамстедта (1902), «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» Б. Я. Владимирцова (1929), «Дархатский говор и фольклор» Г. Д. Санжева (1931) и др. [Төмөртоого и др., 2020].

С 1955 по 1970-е годы в Институте рукописей и манускриптов Монголии (в настоящее время Институт языка и литературы Монгольской академии наук) активно изучались диалекты монгольского языка. В то время ведущие исследования проводили монгольские ученые Д. Эрдэнэбилэг, Н. Шарав-Иш, Ш. Барайшир, Э. Вандуй, Д. Төмөртоого и др. Существенный вклад в развитие этой области внесли такие зарубежные лингвисты, как Б. Х. Тодаева, В. М. Надеяев, Д. Г. Стюарт, Ж. Боссон, В. И. Рассадин, М. Номура и др.

На основе исследований халхаский диалект делят на подгруппы следующим образом:

Схема 1



КЛАССИФИКАЦИЯ ХАЛХАСКОГО ДИАЛЕКТА

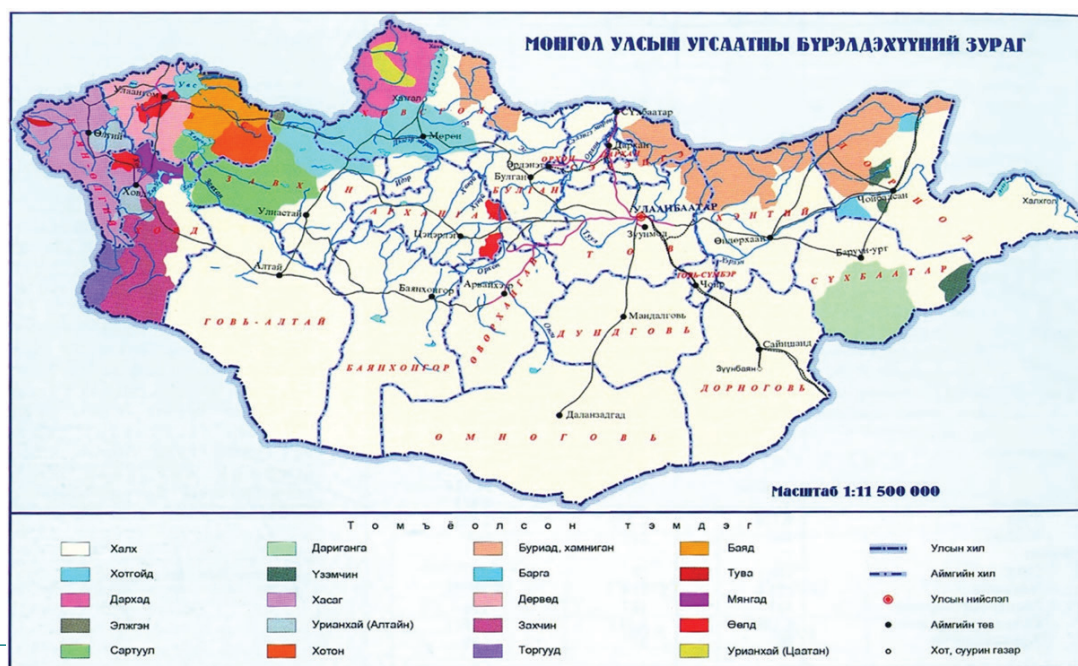


Рис. 1. Этнический состав Монголии

Хотогойты, которые принадлежат к западной халхаской диалектной подгруппе, проживают в западных аймаках центральной части территории Монголии, а элджигины – в некоторых провинциях западной части. Дархаты обитают в северной части Монголии, а дариганга и узумчины, принадлежащие к восточному халхаскому диалекту – в восточных аймаках, как Сухэ-Батор и Дорнод Монголии (см. рис. 1).

Согласно всеобщей переписи населения Монголии 2020 года, общая численность населения Монголии составляла 3 млн 296 тыс. 866 человек, из которых 83,8 % – 2 млн 762 тыс. 773 человека составляют халхи.¹

Первое детальное исследование центрального халхаского диалекта монгольского языка было проведено финским ученым Г. Я. Рамстедтом в начале прошлого века. В своем исследовании он объяснил фонетические характеристики, сопоставляя собранный им материал об этом диалекте со старой монгольской письменностью.

Об этом исследовании известный монголовед академик Б. Ринчен говорил, что Г. Й. Рамстедт при написании своей работы, не теряющей ценности в области фонетики более пятидесяти лет, сделал очень интересные наблюдения о монгольском языке, его диалектах и правильном использовании монгольской письменности. При проведении своего исследования в сентябре и октябре 1899 г.

¹ Хүн амын өсөлт, нас хүйсийн бүтэц. Улаанбаатар: Үндэсний статистикийн хороо, 2021.

Г. Й. Рамстедт обнаружил, что форма письменности и диалекты отличаются друг от друга по хошунам и даже по монастырским храмам [Ринчен, 1966].

Исследователь Б. Амаржаргал считал, что халхи играли важную роль в истории общественного развития монголов на протяжении сотен лет, на этой основе халхаский единый диалект формировался и развивался до современного состояния. Об этом также упоминает Г. Д. Санжеев в своей работе «Сравнительная грамматика монгольских языков», подчеркивая объединенную характеристику халхаского диалекта. После проведения сопоставительного исследования монгольских языков Г. Д. Санжеев приходит к выводу, что халхаский диалект находится ближе всего к современному монгольскому языку [Цолоо, Гантогтох, Амаржаргал, 1988].

По словам академика Ш. Лувсанвандана, центральный диалект монгольского языка распространен на самой обширной территории, и на этом диалекте говорит большинство людей. Кроме того, он имеет преимущества перед другими диалектами, поскольку сохраняет уникальные черты монгольского языка, а также богатство различных фразеологизмов и лексического состава в целом. Среди носителей центрального диалекта в те годы большинство не владело другими языками, кроме монгольского. Как следствие, в настоящее время во всех сферах жизни используется письменный монгольский язык [Лувсанвандан, 1959].

О главной роли халхаского диалекта среди монгольских диалектов российский монголовед

Б. Я. Владимирцов писал в своей работе, подчеркивая, что халхаское наречие в качестве государственного языка начинается в последнее время распространяться за бывшие пределы своего ареала и постепенно влиять на ближние говоры, принадлежащие другим монгольским наречиям. Халхаское наречие имеет тенденцию становиться общим языком северных монголов, причем, конечно, побеждает халхаско-ургинский говор – говор местности, где расположен Улан-Батор [Владимирцов, 1929].

Диалекты халхаского народа близки друг другу, и на халхаском диалекте базируются орфография и нормы произношения современного монгольского литературного языка. Кроме того, халхаский диалект является средством официальной коммуникации в сфере политики, в средствах массовой информации: в газетах, на радио и телевидении, а также в сфере искусства, в театре и кино. Образование в школах и университетах ведется только на центральном халхаском диалекте. Однако словарный состав литературного языка не ограничивается только этим диалектом, постоянно обогащаясь заимствованиями из других монгольских диалектов и иностранных языков [Төмөртоого, 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были проанализированы исследования монгольских диалектов и диалекта халхаского народа. Согласно академику Д. Төмөртоого, некоторые монгольские диалекты в ходе своего длительного развития отделились друг от друга и в итоге стали самостоятельными языками, в то время как другие остались родственными и сохранили общие черты родного языка. Например, монгорский, дунсяньский, баоаньский, шира-йогурский, могольский и

дагурский языки сохранили черты древнемонгольского языка, а ойратский, бурятский языки и языки монголов Внутренней Монголии сохранили черты среднемонгольского языка.

Однако особенности центрального монгольского языка, основу которого составляет халхаский диалект, достигли завершающей стадии длительного исторического развития монгольского языка, поэтому халхаский диалект становится основой для сравнительного изучения монгольского языка в диахронии [Төмөртоого, 2017].

Вопрос, какие языки являются монгольскими, а какие их диалектами, является спорным. Стоит отметить высказывание Ш. Лувсанвандана, касающееся проблемы диалектов монгольского языка: «При классификации современных монгольских языков и диалектов необходимо учитывать прошлое и настоящее говорящих на них народов. Но следует помнить, что социальные и политические изменения происходят быстрее развития языка и диалекта...» [Лувсанвандан, 2002, с. 44], а также слова таких известных ученых, как Б. Я. Владимирцов и Н. Поппе: «Классификация любого языка должна основываться только на языковой характеристике и ее исследовании» [Поппе, 1987, с. 14].

В связи с тем что халхаский диалект является литературной нормой современного монгольского языка, поддиалекты халхаского диалекта, такие как дархатский, хотогойтский, элджигинский, узумчинский и даригангаский, также были достаточно изучены. В настоящее время халхаский диалект развивается как литературная норма современного монгольского языка, и именно поэтому он должен продолжать изучаться не только традиционными лингвистическими методами, но и с использованием новых современных методов исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Төмөртоого Д. Монгол хэлний түүхэн авиа зүйн үндэс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017.
2. Рамстедт Г. Й. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора: монография. СПб.: типография Императорской академии наук, 1908.
3. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1929.
4. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987.
5. Лувсанвандан Ш. Монгол хэл аялгууны учир. Улаанбаатар: ШУДБХ, 1959.
6. Төмөртоого Д. [и др.] Монгол хэл судлалын түүх: Монгол хэл, аялгуу, үсэг бичиг, авиа судлал. Улаанбаатар: МУИС-Монгол судлалын хүрээлэн, 2020.
7. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. II. Авиазүй. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1966.
8. Цолоо Ж., Гантогтох Г., Амаржаргал Б. Халх аялгууны толь. Улан-Батор: ШУА-ийн ХЗХүрээлэн, 1988.
9. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиазүйн онол практикийн асуудлууд. Улаанбаатар: УБ, 2002.

REFERENCES

1. Tumurtogoo, D. (2017). Монгол хэлний түүхэн авиа зүйн үндэс = Principles of the Historical Grammar of Mongolian. Ulaanbaatar: Soyombo Printing.
2. Ramstedt, G. J. (1908). Sravnitel'naya fonetika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhasko-urginskogo govora = Comparative phonetics of Mongolian written language and Khalkha-Urga dialect: monograph. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences.
3. Vladimirtsov, B. Ya. (1929). Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika = Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect: Introduction and phonetics. Moscow: Nauka. Main Editorial Office of Eastern Literature.
4. Poppe N. (1987). Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
5. Luvsanvandan, Sh. (1959). Mongol hjel ajalguuny uchir = About the Mongolian language and its dialects. Ulaanbaatar: SHUDKHB.
6. Tumurtogoo, D. et al. (2020). Mongol hjel sudlалын түүх: Mongol hjel, ajalguu, үсгег бичиг, авиа судлал = History of Mongolian language study: The history of the studies of Mongolian languages, dialects, scripts, monuments and phonology. Ulaanbaatar: NUM-Institute of Mongol Study.
7. Rinchen, B. (1966). Mongol bichgijn hjelnij зүг. II. Aviazыг = Grammar of written Mongolian language. II. Phonetics. Ulaanbaatar: Publishing House of the Mongolian Academy of Sciences.
8. Tsooloo, J., Gantogtokh, G., Amarjargal, B. (1988). Halh ajalguuny tol' = Dictionary of Khalkha Dialect. Ulaanbaatar: MSA Institute of Language and Literature.
9. Luvsanvandan, Sh. (2002). Mongol hjelnij aviazыгн onol praktikijn asuudлууд = Theoretical and practical issues of Mongolian phonetics. Ulaanbaatar: UB.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганбаатар Цэнд-Аюуш

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganbaatar Tsend-Ayush

Postgraduate student, Department of Applied and Experimental Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.05.2023
21.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_22



Прикладные лингвопрагматические технологии: словарь семантических орбит

А. В. Джунковский¹, Е. Ю. Цветаев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, РФ

¹vetinari01@gmail.com

²yegortsvetaev@gmail.com

Аннотация. В статье описываются концепция и технология реализации нового механизма оптимизации лингвопрагматического воздействия на целевые аудитории. Суть метода заключается в проведении ассоциативного эксперимента среди испытуемых, принадлежащих к заранее заданной целевой группе, в ходе которого выявляются все ассоциации, связанные с данным словом. Статистическая обработка результатов позволит получить информацию о вероятности возникновения конкретной ассоциации среди представителей заданной целевой группы и модифицировать тексты с точки зрения лингвопрагматики для достижения искомого воздействия путем намеренного имплицитного внушения конкретных ассоциаций.

Ключевые слова: лингвопрагматика, семантические орбиты, ассоциативный эксперимент, экспериментальная лингвистика, психолингвистика

Для цитирования: Джунковский А. В., Цветаев Е. Ю. Прикладные лингвопрагматические технологии: словарь семантических орбит // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 22–26. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_22

Original article

Applied Linguopragmatics: Semantic Orbit Dictionaries

Andrey V. Dzhunkovskiy¹, Egor Y. Tsvetaev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vetinari01@gmail.com

²yegortsvetaev@gmail.com

Abstract. The article describes the concept and technology for implementing a new mechanism to optimize linguopragmatic impact on target audiences. The essence of the method is to conduct an associative experiment among subjects belonging to a predetermined target group, during which all associations perceived with a certain word are discovered. Statistical processing of the results provides an opportunity to gather data on the probability of a certain association being invoked among the representatives of a said group when subjected to a specific word and modify texts through the application of linguopragmatics to achieve the desired impact by means of suggesting certain associations both intentionally and implicitly.

Keywords: linguopragmatics, semantic orbits, associative experiment, experimental linguistics, psycholinguistics

For citation: Dzhunkovskiy, A. V., Tsvetaev, E. Y. (2023). Applied Linguopragmatics: Semantic Orbit Dictionaries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 22–26. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_22

INTRODUCTION

In the contemporary world, the amount of information is growing exponentially. Many different sources and creators produce content with different goals in mind, which creates many business opportunities in the modern global digital economy. A large portion of this content is linguistic in nature. Many stakeholders in this information economy may be interested in technologies that make their messages more persuasive. Such fields as marketing, public service announcements, governance, public diplomacy and other areas that have a goal of convincing people to either make a transaction, change their opinion on a subject or act in a certain way may benefit from means of improving the efficiency of communication that are based firmly in the scientific method.

We propose a way to achieve this goal through an innovative linguopragmatic technology. To lay down its theoretical framework, describe the technology itself as well as the possible practical applications we will consider a number of issues pertaining to it.

MANIPULATION IN LINGUISTICS

In the study of language, a lot has been said about manipulation. It is prudent to have an in-depth discussion of what linguistics has to say on the subject. It has to be said that although psychology views manipulation as a subtle attempt to make a person or a group of people act for one's benefit, linguists do not share this view¹. In linguistics, it is assumed that this behaviour should not necessarily bear ill will towards the object of manipulation [Antropova et al., 2020]. Other approaches to manipulation include the pragmatic approach of Sperber and Wilson [Sperber, Wilson, 1995], and that of T. van Dijk which is common for critical discourse analysis framework [van Dijk, 2001]. Both perspectives view manipulation as a valid tool for achieving the communication goals a manipulating party may have. The basis for manipulation is employing the common place assumptions which differ from one speech community to another and manifest in the way we interpret certain language units. The theoretical framework of linguopragmatics goes even further and allows one to describe any act of communication as an act of manipulation [Shurupova et al., 2019].

So while from an ethical standpoint looking at communication as manipulation may be extreme and impermissible, logically and linguistically speaking it

is safe to say that manipulation is but a simple result of already existing agreed-upon assessments. If one is to agree that manipulation is a tool and users of language have a goal in sight that they try to achieve by using this tool, the conclusion would be that at least in certain instances use of language is an act of manipulation.

To conclude, the term "manipulation" here is not used in the sense that is common in psychology and related fields. Instead, it is simply used to denote the fact that language use is an instrument of achieving a specific goal. Additionally, it is important to note that such linguistic manipulation does not by its very nature have to be malevolent.

Let us provide an example: two people are communicating, one of them is visibly upset. Upon noticing this, the other person tries to improve their mood by saying something positive. In this instance, the second person has a goal in sight – improving the mood of the first person – and they use language to achieve that goal and in essence alter the world around them. In this paper, we would classify this action as an act of manipulation within the framework of linguopragmatics.

LINGUISTIC MANIPULATION AND LANGUAGE OPTIMIZATION

Thusly, the possible ethical issues may be solved in a satisfactory manner and linguistic manipulation may be viewed in the context of increasing its own efficiency. One way to understand language is to see it as striving for optimality. That view is supported in the field of analytical philosophy, as both B. Russell and L. Wittgenstein (in his early works) put forward the notion of an ideal language free from ambiguity [Wittgenstein, 1922; Russell, 1959]. While their efforts were focused on optimizing language for the purposes of philosophy, this line of thinking may be instrumental for our purposes.

The strive for an unambiguous language is closely related to language optimization. The task of achieving laconism is in an analogous manner not dissimilar from the task of relaying a message as efficiently as possible. We posit that these efforts may also be undertaken with the goal of achieving such a state of language messages that allows them to fulfil their instrumental task as quickly and efficiently as possible. In other words, we posit that it is possible to optimize language through the optimization of the speed and efficiency of linguistic manipulation. This theoretical basis allows us to move forward and introduce a practical way of altering messages in their creation stages with that goal in mind.

¹ <https://dictionary.apa.org/manipulation>

CONCEPT OF SEMANTIC ORBITS

The proposed method is an expansion on the already existing concept of semantic cores (semantic kernels, query kernels in some sources) [Goddard, 2002]. Semantic cores are used in the fields of search engine optimization and marketing. This method entails altering the semantic makeup of a website or creating it from the ground up. The goal here would be to match the presence of certain words to the possible search queries in search engines. A well-maintained semantic core increases visibility of a website and brings in more customers.

The proposed semantic orbits concept is based on semantic cores both conceptually and metaphorically. In its nature, the creation of semantic cores has a goal of researching the target audience and altering the linguistic makeup of a website in such a manner that their queries in search engines match the words that are used in the website. It is effectively presaged what words the target audience may input into the search engine and those words are inserted into the site to create a match between the query and the search result.

There is a *prima facie* problem with probable terminological confusion, and in order to avoid this we believe it worth mentioning that the concept we put forth in this paper does not infringe on the research carried out with regard to lexical domains. These are a subset of language domains, understood by Otto Ducháček as sets of words which are linked to each other by certain mutual relationships that form a hierarchical structure [Ducháček, 1967]. More specifically, as a term, lexical domain has its roots in functional linguistics and is often equated with “lexical and semantic domain” which highlights the fact that this concept has found a home in semantics.

If we were to summarise the definitions to be found in the body of work related to this concept, we could infer that any given lexical domain pertains to a certain number of lexical items that share a continuous semantic space and / or are juxtaposed to each other in some way [Гусейнова, Алекперова, 2021]. These domains also deal with a specific field of human activity or experience and therefore either include or reference them [ibid, p. 80]. However impressive the diversity of definitions might be, a common feature is that lexical domains deal with sets of lexical units.

Semantic orbits, on the other hand, do not deal with words from a lexical point of view. The way we define them, the orbits mean the continuum of possible associations perceived with any given word for a predetermined target audience with an indication of the frequency of appearance of all associations for said target audience. The goal of

discovering a semantic orbit of a word is to determine what associations are the most frequent for it to be perceived with. While such a line of inquiry would pose value for the field of psycholinguistics in and of itself, the discovery of semantic orbits has practical applications for a number of aforementioned fields. In their essence, semantic orbits, if coupled with solid scientific data, allow one to gain some insight into word perception processes of entire target groups.

With the concept described, it is needed to go into the specifics of how these semantic orbits may be discovered. The rigorosity of the discovery process will determine the efficiency and the results of implementing this technology as a basis for linguistic manipulation.

SEMANTIC ORBIT DISCOVERY METHOD

The steps needed to discover semantic orbits are as follows:

1. Choosing a list of words to analyse.
2. Choosing a target group.
3. Determining the respondent sample size.
4. Finding the respondents.
5. Conducting an associative experiment.
6. Experiment data processing.
7. Semantic orbit elucidation.

In the first two stages, the researchers need to determine what words they wish to use as stimuli for the discovery of semantic orbits and the makeup of the target group.

In the third and fourth stages, the sample size needs to be determined. Naturally, the bigger the sample size, the more accurate the discovery results. At the same time, the sample size needs to be weighed against financial and time constraints of the discovery and adjusted accordingly. After that the respondents are brought in.

The fifth stage consists of the associative experiment. All respondents are to be asked to provide all associations they perceive each given word-stimulus with. It is important that the respondents give their true associations, to which end their participation and identification needs to be anonymized of which they must be informed.

This data is then processed in stage 6 in the following manner: the resulting associations are tokenized and the frequency of their appearance for each word is determined.

Finally, the resulting data is presented in the following manner:

Word 1: [Association 11, X1%], [Association 21, Y1%], [Association 31, Z1%], ...
 Word 2: [Association 12, X2%], [Association 22, Y2%], [Association 32, Z2%], ...

Word 3: [Association 13, X3%], [Association 23, Y3%], [Association 33, Z3%], ...

All possible associations are given for each word. In the provided example, "Association 11" means "first association for the first word", "X1%" – "percentage of respondents within the target group that report Association 11 to the word-stimulus", etc. In such manner a semantic orbit is elucidated.

SEMANTIC ORBIT DICTIONARIES AND PRACTICAL APPLICATIONS

Discovered semantic orbits may be collected into semantic orbit dictionaries. These dictionaries may only be created if the data in them is gathered using the same sample size and the experiment is conducted in the same time frame. These conditions will ensure that the semantic orbits remain consistent and the data is not altered by temporal or sample size imbalances.

It is important to note that due to the fact that perception and language evolve over time, it will become a necessity to periodically rediscover semantic orbits. We believe that these semantic orbits will stay relevant for a limited time period. That will result in a need to study them once more over a period of time in connection with natural language evolution processes.

A semantic orbit dictionary may be used by PR and marketing companies to create textual advertisements that implicitly create certain associations within the target audience. This is the reason why semantic orbits need to be discovered for a limited time frame and with a specific group of respondents in mind. For example, if a company wishes to create advertisement that elicits hunger and their product is aimed at a specific group of customers, a semantic orbit discovery process will need to take that into account and search for stimuli that elicit associations of hunger. Perhaps it would be possible to use a juxtaposed version of this method wherein the respondents would be asked what association the stimulus "hunger" elicits in them. Another promising field for the practical application of this technology is public service announcements aimed at non-profit social goals.

Furthermore, semantic orbit dictionaries might prove useful to political parties, specialists in the field of digital diplomacy and brand managers, as well as other parties that may be interested in swaying public opinion in a particular way on a number of issues.

There are two possible options for this process to function. The first option presupposes that a party approaches a research collective dealing with semantic orbit discovery and puts forward all the necessary data to begin the process, i.e. the proposed respondent sample size, detailed information on the

target group, as well as the list of associations they desire to induce within their target audience. This allows the researchers to begin their inquiry and provide the client with the data they need. Due to the fact that this information can become outdated, these inquiries need to be conducted on a regular basis. Another option is team of researchers creating the semantic orbit dictionaries spontaneously with a goal of then providing them to the interested parties. Due to the nature of the data gathered, some oversight might be required to prevent misuse of this information.

CONCLUSION

Semantic orbit dictionaries are a potentially useful linguopragmatic tool of linguistic manipulation. The advantages of their usage have a strong scientific foundation and a high degree of specialization for each specific case. The concept of semantic orbits is derived from the existing search engine optimization and marketing concept of semantic cores and expanded upon. The concept presupposes discovering all possible associations to word-stimuli within a predetermined target group and conducting statistical analysis of the resulting data. This allows researchers to determine what words elicit what associations within a researched target group and the probabilities of each association. This information is then cataloged into semantic orbit dictionaries that we posit to be useful for any purposes where perception of a group of individuals needs to be altered in a particular way through the use of the gathered data. It becomes possible to construct texts with semantic orbit information in mind and craft controlled association-based subliminal messages.

While the laid out theoretical framework appears sound, it requires practical confirmation. Two main questions require testing: how effective the method is in praxis and how often semantic orbits would require updating, that is, how quickly the perception of lexical units shifts in society. One of the possible answers to the second question might be that the speed of this association evolution varies from language to language, from society to society and perhaps even within different strata of a society. The described tasks are monumental, but can be researched collectively on a global scale. The practical benefits and applications of semantic orbit dictionaries create a promising framework for such investigations to be carried out. The socioeconomic applications in the form of free market economic interest could become the driving force for research that essentially grants insight into the very essence of language, communication and the connection between language and the human psyche. Conducting further meta-investigations and comparative analysis appears to be a promising way of achieving this.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Antropova L. et al. Extralinguistic Conditions of Language Variability in National Languages. *Amazonia Investiga*. 2020. Vol. 9 (25). P. 266–273.
2. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell, 1995.
3. van Dijk T. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London: Sage, 2001. P. 95–120.
4. Shurupova M. V. et al. Linguistic manipulation strategy (linguopragmatic aspect) // ICCSBS 2019 – The Annual International Conference on Cognitive-Social, and Behavioural Sciences. Moscow, 9–11 December 2019. Moscow: Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, 2019. P. 131–138.
5. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. New York: Harcourt, Brace and Company, Inc., 1922. URL: <https://www.gutenberg.org/files/5740/5740-pdf.pdf>
6. Russell B. *My Philosophical Development*. London: George Allen and Unwin, 1959.
7. Goddard C. The Search for the Shared Semantic Core of All Languages // *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. Vol. 1.
8. Ducháček O. *Précis de sémantique française*. Brno: Universita JE Purkyně, 1967. Vol. 126.
9. Гусейнова Г. Н., Алекперова К. И. Основные структурные составляющие семантического поля в лингвистике // Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 5 апреля 2021 года. Стерлитамак: Аэтерна, 2021. С. 74–81.

REFERENCES

1. Antropova, L. et al. (2020). Extralinguistic Conditions of Language Variability in National Languages in *Amazonia Investiga*, 9(25), 266–273.
2. Sperber, D., Wilson, D. (1995). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
3. van Dijk, T. (2001). Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. In Wodak, R., Meyer, M. (eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 95–120). London: Sage.
4. Shurupova, M. V. et al. (2019). Linguistic manipulation strategy (linguopragmatic aspect) in ICCSBS 2019 – The Annual International Conference on Cognitive-Social, and Behavioural Sciences (pp. 131–138). Moscow: Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education.
5. Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus*. New York: Harcourt, Brace and Company, Inc. <https://www.gutenberg.org/files/5740/5740-pdf.pdf>
6. Russell, B. (1959). *My Philosophical Development*. London: George Allen and Unwin.
7. Goddard, C. (2002). The Search for the Shared Semantic Core of All Languages in *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings* (vol. 1). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
8. Ducháček, O. (1967). *Précis de sémantique française* (vol. 126). Brno: Universita JE Purkyně.
9. Guseinova, G. N., Alekperova, K. I. (2021). Osnovnye strukturnye sostavlyayushchie semanticheskogo polya v lingvistike = Main structural elements of semantic fields in linguistics. In *Modern context of integration processes in science and education* (pp. 74–81): conference thesis collection. Ufa – Sterlitamak: Aeterna. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джунковский Андрей Владимирович

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики старший научный сотрудник экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению Московского государственного лингвистического университета

Цветаев Егор Юрьевич

преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dzhunkovskiy Andrey Vladimirovich

PhD (Philology), Head of Applied and Experimental Linguistics Department Senior Researcher at Experimental Phonetics and Forensic Linguistics Laboratory, Moscow State Linguistic University

Tsvetaev Egor Yurievich

Lecturer at the Department of English Translation and Interpreting Studies Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.05.2023
19.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Актуальное состояние корпусной лингвистики: тенденции и перспективы

В. В. Изюмская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

izyumskayaw@gmail.com

Аннотация. Автор статьи исследует актуальное состояние корпусной лингвистики для выявления существующих тенденций и перспективных траекторий развития. Для достижения цели был собран массив научных публикаций, опубликованных после 2019 г. и посвященных лингвистическим корпусам; далее была применена последовательная кластеризация, результаты которой подлежали статистическому анализу и последующей интерпретации.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, прикладная лингвистика, лингвистический корпус, компьютерная лингвистика, кластеризация, статистический анализ

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Изюмская В. В. Актуальное состояние корпусной лингвистики: тенденции и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 27–33. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_27

Original article

Modern Corpus Linguistics: Trends and Prospects

Veronika V. Izyumskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

izyumskayaw@gmail.com

Abstract. The article contains an analysis of the state of modern corpus linguistics in order to identify current trends and prospects for development. For this purpose, an array of scientific publications (230 articles and 50 dissertations) published no earlier than 2019 and devoted to linguistic corpora was collected; then the method of sequential clustering was applied, the results of which were statistically analyzed and subsequently interpreted.

Keywords: corpus linguistics, applied linguistics, linguistic corpus, computational linguistics, clustering, statistical analysis

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of Moscow State Linguistic University (theme No. FSFU-2020-0020).

For citation: Izyumskaya, V. V. (2023). Modern Corpus Linguistics: Trends and Prospects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 27–33. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_27

ВВЕДЕНИЕ

Корпусная лингвистика как самостоятельная отрасль научного знания зародилась в 70-х гг. прошлого столетия, однако истоки ее базовых методов берут свое начало еще в XIII в., когда исследователи вручную составляли конкордансы к собраниям сочинений одного автора: как религиозным, так и литературным [Солнышкина, Гатиятуллина, 2020]. Наиболее показательным примером подобных трудов является конкорданс к латинскому переводу Библии «Вульгата», созданный около 1230 г. под руководством первого кардинала парижского монастыря Святого Иакова, который, согласно преданиям, привлек для достижения поставленной цели 500 монахов [Захаров, 2016]. Спустя два столетия лингвисты, как, например, Отто Есперсен (1909–1947), осознавая необходимость подкрепления исследований валидными примерами и придания им квантитативных характеристик, стали собирать массивы текстовых данных, зафиксированных на бумажных карточках, в так называемые «shoe box» корпусы или корпусы обувных коробок (так, Отто Есперсен был известен тем, что именно в них хранил собранные коллекции примеров); сам термин «корпус» в лингвистическом его значении тогда еще не существовал, однако то, как собирались подобные текстовые массивы и как применялись для дальнейших исследований, позволяет считать их предками современных лингвистических корпусов [Biber, Reppen, 2015]. На середину того же столетия приходится закат доэлектронной эпохи развития лингвистических корпусов, которая продлилась более семи столетий.

Рассвет же электронной эпохи ознаменовался созданием в 1960-х гг. первого электронного корпуса, «Брауновского корпуса» (The Brown Corpus), послужившего импульсом к открытию в 1970-х гг. первых исследовательских центров и лабораторий по всему миру, в которых лингвисты работали совместно с программистами не только над способами обработки текстовых массивов, но и над общими проблемами лингвистики [Солнышкина, Гатиятуллина, 2020], что привело к стремительному развитию данной области научного знания: начало разработки корпуса устной речи London-Lund (LLC) в 1975 г.; реализация Единого языка разметки текстов (Standard Generalized Markup Language, SGML) в начале 1980-х гг.; разработка Международной базы данных языка при Бирмингемском университете и компании Коллинз (Collins Birmingham University International Language Database, корпус COBUILD) объемом 20 млн словоупотреблений в конце 1980-х гг.; начало составления Британского национального корпуса (British National

Corpus, BNC) объемом 100 млн словоупотреблений в 1991 г.; начало разработки Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в 2001 г.; разработка программ разметки видеозаписей на уровне жестов в середине 2000-х гг.; публикация Корпуса современной американской английской речи (The Corpus of Contemporary American English (COCA) объемом до 400 млн словоупотреблений в 2008 г. и многое другое за менее чем семь десятилетий.

Необходимо продолжать постоянный мониторинг тенденций корпусной лингвистики как динамично развивающегося направления исследований с целью выявления существующих лагун и прогноза дальнейших траекторий развития. В статье описывается актуальное состояние корпусной лингвистики.

Для достижения данной цели был собран массив научных публикаций (статей, диссертаций), посвященных лингвистическим корпусам, чтобы, применяя последовательную кластеризацию, выявить существующие тенденции и сформулировать потенциальные перспективы развития корпусной лингвистики. Собранный массив текстов включает 200 русскоязычных статей, 50 диссертаций и 30 англоязычных статей, опубликованных в открытом доступе начиная с 2019 г.

КЛАСТЕРЫ «КОРПУС КАК ОБЪЕКТ» И «КОРПУС КАК ИНСТРУМЕНТ»

Традиционно корпусная лингвистика рассматривается как «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» [Захаров, 2005].

Вместе с тем результаты проведенной в рамках исследования первичной кластеризации позволяют предложить новый подход к описанию данной научной дисциплины.

В частности, собранный массив подразделяется на два основных кластера:

1. Труды, в которых лингвистический корпус является объектом исследования (например [Leedham, Lillis, Twiner, 2021]).
2. Труды, в которых лингвистический корпус является инструментом исследования (например [Орехов, Савчук, 2019]).

Так, соотношение данных кластеров в русскоязычных и англоязычных статьях представляется практически равным, с незначительным перевесом в пользу работ второго выделенного кластера (45 % на 55 % и 40 % на 60 % соответственно), в то время как в диссертациях это соотношение является критическим (4 % на 96 % соответственно).

Из полученных статистических данных следует, что сегодня лингвистические корпусы, являясь простым и общедоступным инструментом для проведения широкого спектра исследований и решения практических задач (например, для целей перевода, которому посвящены пять трудов из массива русскоязычных статей), используются не только корпусными лингвистами, но и другими специалистами гуманитарного профиля, которые также вносят свой вклад в развитие частных принципов применения лингвистических корпусов.

Следовательно, предлагается следующее актуализированное определение корпусной лингвистики: «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов, а также описанием и унификацией существующих способов их применения».

КЛАСТЕРЫ «КОРПУСЫ В ЛИНГВИСТИКЕ» И «КОРПУСЫ В ДРУГИХ НАУКАХ»

Отечественный специалист в области теории познания И. Т. Касавин утверждает, что «междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки» [Касавин, 2006, с. 7]; современная корпусная лингвистика, согласно полученным в ходе кластеризации данным, является наглядным тому подтверждением. Так, 10 % русскоязычных статей, 20 % англоязычных статей и 26 % диссертаций, хотя и посвящены лингвистическим корпусам, относятся к другим областям научных знаний.

Наиболее частотными в отобранном материале являются научные тексты по таким специальностям, как теоретические основы информатики, а также математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей (на них приходится 66 % от русскоязычных нелингвистических статей, 69 % от нелингвистических диссертаций и 83 % от англоязычных нелингвистических статей). Главное отличие от работ по компьютерной лингвистике заключается в том, что в них лингвистический корпус является не объектом исследования, а лишь преобразованной базой данных естественного языка. Например, И. А. Шилин в кандидатской диссертации «Метод и алгоритмы интерпретации неполных высказываний пользователя для управления устройствами Интернета вещей на основе онтологического подхода» (ВАК РФ 05.13.17) описывает создание экспериментального корпуса пользовательских высказываний, который служит основой архитектуры программной системы для взаимодействия с устройствами Интернета вещей [Шилин, 2019]. Примечательно, что в англоязычных статьях встречается такое понятие, как

псевдокорпус (*pseudo corpus*), под которым понимается массив данных на естественном языке, не подразумевающий аннотирования [Yamanishi et al., 2022].

Вторым по частотности направлением является информационная безопасность, на которую приходится 10 % от русскоязычных нелингвистических статей и 7 % от нелингвистических диссертаций, где лингвистический корпус также выступает в качестве базы данных естественного языка, как, например, в исследовании А. М. Лаврентьева, И. В. Смирнова, Ф. Н. Соловьёва и др. «Анализ корпусов текстов террористической и антиправовой направленности» [Лаврентьев и др., 2019].

Остальной же массив текстов нелингвистической направленности включает в себя труды из таких областей, как литературоведение, философия религии, управление в социальных и экономических системах и этнография.

КЛАСТЕРЫ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПУСЫ» И «СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРПУСЫ»

Национальные корпусы уже более полувека являются объектом и инструментом лингвистических исследований, поскольку с момента их создания первоочередной задачей являлось описание актуального состояния естественного языка в целом. Статистический анализ исходного массива показал, что национальные корпусы всё еще представляют интерес для исследователей: наиболее востребованными национальными корпусами являются Национальный корпус русского языка, НКРЯ (40 трудов), British National Corpus, BNC (7 трудов) и Corpus of Contemporary American English, COCA (4 труда); при этом продолжают развиваться и новые национальные лингвистические корпусы, примером чему может послужить исследование «О создании национальных корпусов тюркских языков» [Сиразитдинов, Садыков, 2021].

Однако полученные в ходе кластеризации статистические данные также показали, что на настоящий момент исследователи больше заинтересованы не в национальных, а в специальных корпусах. Так, из всего массива русскоязычных статей только 34 посвящены национальным корпусам, в то время как специальным практически в два раза больше (60 статей); в диссертациях 18 трудов посвящены национальным корпусам и 25 специальным; в англоязычных статьях количественный разрыв между национальными и специальными корпусами еще более наглядный: 1 к 19 соответственно. Подобное соотношение говорит нам о том, что сегодня исследователи заинтересованы в проведении более узкоспециализированных исследований,

которые не могут быть реализованы на базе национального корпуса или, например, на базе основного корпуса в случае НКРЯ.

Таким образом, возрастает интерес, во-первых, к созданию собственных исследовательских корпусов, которые составляют 17 % от числа русскоязычных статей, 64 % от числа диссертаций и 100 % от числа англоязычных статей, посвященных специальным корпусам, во-вторых, к использованию подкорпусов НКРЯ, из которых наиболее востребованными являются параллельные (9 публикация), МУРКО (4 публикации) и акцентологические (2 публикации), в-третьих, к созданию новых специальных корпусов, которые бы не только решали поставленную в рамках конкретного исследования задачу, но и давали бы материал для целых новых направлений исследований, как например, в работе «Корпус русского языка повседневного общения 'Один речевой день' (ОРД): текущее состояние и перспективы» Н. В. Богдановой-Бегларян, О. В. Блиновой, Г. Я. Мартыненко и Т. Ю. Шерстиновой, в которой идет речь о создании корпуса повседневной русской речи с уникальной методологической основой, заключающейся в осуществлении звукозаписей посредством информантов-добровольцев, «готовых прожить день с диктофоном на шее» [Богданова-Бегларян и др., 2019].

КЛАСТЕР «КОРПУСЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Постоянно растущий уровень глобализации¹ затрагивает и современные корпусные исследования, что подтвердили результаты статического анализа собранного массива: 20 % всех англоязычных статей, 22 % всех русскоязычных статей и 54 % всех диссертаций были связаны с исследованием иностранных языков с помощью лингвистических корпусов. Анализ частотности обращений к тому или иному иностранному языку показал следующее их соотношение:

- русскоязычные статьи: английский (38,64 %), немецкий (18,18 %), испанский (9,09 %), китайский, японский (по 6,82 %), итальянский, казахский, таджикский (по 4,55 %), чешский, киргизский и иврит (по 2,27 %);
- диссертации: английский (46,15 %), китайский (23,08 %), немецкий (19,23 %), французский (11,54 %), испанский (7,69 %), казахский и таджикский (по 3,85 %);
- англоязычные статьи: арабский, урду, китайский, французский, итальянский (по 20 %).

¹ URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

Таким образом, наиболее частотными иностранными языками в корпусных исследованиях являются английский, китайский и немецкий. Примечательно, что все публикации, связанные с иностранными языками, являются лингвистическими исследованиями, в которых в большинстве случаев корпус выступает в качестве инструмента, а не рассматривается как объект анализа (в русскоязычных статьях: 38 % и 62 % соответственно; в англоязычных статьях: 20 % и 80 % соответственно; в диссертациях все публикации данного кластера посвящены использованию корпуса в качестве инструмента).

Наиболее востребованными для проведения подобных исследований являются национальные и специальные одноязычные корпуса (75,56 % русскоязычных статей, 80 % англоязычных статей и 92,31 % диссертаций), в остальных случаях используются параллельные корпуса, которые могут служить материалом для исследования не только иностранного, но и родного языка, как, например, в исследовании Д. О. Добровольского и А. А. Зализняка «Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов» [Добровольский, Зализняк, 2020].

КЛАСТЕРЫ «КОРПУСЫ И МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ», «КОРПУСЫ И ДИАЛЕКТЫ»

Согласно М. П. Безеновой и Г. Л. Григорьеву, чье исследование стало частью отобранного массива, «в последнее время созданию корпусов текстов на языках народов России также уделяется особое внимание» [Безенова, Григорьев, 2020], что подтверждается результатами проведенной кластеризации – исследованию миноритарных языков посвящено 8 % русскоязычных статей, 6 % диссертаций и 3,33 % англоязычных статей всего собранного материала.

В частности, русскоязычные статьи посвящены таким миноритарным языкам, как бурятский, башкирский, удмуртский, шорский, эрзянский, мокшанский, тувинский, калмыцкий, хакасский, якутский, татарский, карельский, вепсский; в диссертациях исследования затрагивают татарский и цыганский языки; в англоязычных статьях были выявлены труды, посвященные валлийскому языку.

Диапазон создаваемых и используемых корпусов в данном направлении исследований достаточно обширен: национальные корпуса, параллельные, диахронические, фонетические и речевые.

Результат кластеризации позволил выделить еще одно близкое к исследованиям миноритарных языков направление – исследование диалектов, которым посвящено 9 % от всего массива русскоязычных статей. Содержащие в данном кластере

исследования посвящены диалектам русского, башкирского, бурятского, якутского языков, а также диалектам Северного Приангарья, Среднего Прииртышья и российских немцев.

Наиболее востребованным для исследований русских диалектов является Томский диалектный корпус (38 % от данного кластера), в то время как во всем собранном массиве обнаружено только одно исследование на материале диалектного подкорпуса НКРЯ. В остальных же случаях исследователи отдают предпочтение созданию собственного корпуса, как, например, в труде «Региолекты русского жестового языка: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)» [Куликова, Шахотина, 2021]; примечательно, что только это исследование во всем отобранном массиве научных текстов было посвящено мультимодальному корпусу и корпусу РЖЯ.

Однако сопоставление статистических данных показало, что миноритарным языкам и диалектам уделяется существенно меньше внимания по сравнению с иностранными языками (процент исследований, посвященных миноритарным языкам и диалектам, по отношению ко всему массиву не доходит и до 10 %, в то время как иностранным языкам посвящено не менее 20 % исследований).

КЛАСТЕР «КОРПУСЫ В ПРЕПОДАВАНИИ»

Цифровизация представляется одной из главных тенденций современной экономики¹, что не может обойти стороной и сферу образования². Анализ собранного массива показал, что лингвистические корпуса становятся одним из инструментов цифровизации преподавания.

Так, данной теме посвящено 15 % всех русскоязычных статей, 20 % англоязычных и 3 диссертации. Выделяется четыре основных направления:

1. Корпусы в преподавании иностранных языков;
2. Корпусы в преподавании родного языка;
3. Корпусы в преподавании родного языка как иностранного;
4. Корпусы в преподавании перевода.

В русскоязычных статьях первому направлению уделяется 50 % всего кластера корпусов в преподавании, второму и третьему – чуть больше 15 % каждому, четвертому – 20 %.

В англоязычных статьях первому направлению уделяется 33 % всего кластера корпусов в преподавании, второму – чуть больше 15 %, третьему – 50 %, четвертому – отсутствует вовсе в указанном массиве.

четвертое направление отсутствует вовсе в указанном массиве.

В русскоязычных диссертациях рассматривается исключительно первое направление.

Таким образом, использование лингвистических корпусов наиболее описано в трудах, посвященных преподаванию иностранных языков; вторым по степени проработанности темы представляется преподавание родного (русского и английского) как иностранного; преподавание родного языка и преподавание переводу являются наименее представленными в отобранном массиве.

Методики применения лингвистических корпусов в преподавании, описанные в исследуемом массиве, направлены на использование не только в рамках общего практического курса преподавания языков, но и отдельных его аспектов, например, грамматики и аудирования (как, например, в исследовании «К вопросу о модели обучения аудированию на материалах национального корпуса русского языка» [Фидчук, 2021]).

Для целей преподавания исследователи предлагают использовать национальные корпуса, параллельные корпуса, учебные корпуса, а также корпуса профессиональных текстов и звучащей речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная в рамках исследования кластеризация, а также статистический анализ полученных результатов позволили сформулировать следующие существующие тенденции корпусной лингвистики:

- лингвистические корпуса являются общедоступным инструментом для проведения исследований широкого спектра, зачастую выходящих за рамки лингвистики;
- лингвистические корпуса также активно используются в таких направлениях, как теоретические основы информатики, однако в этой области они нередко редуцируются до псевдокорпусов;
- исследователи продолжают обращаться к национальным корпусам, тем не менее в связи с потребностью в проведении более узкоспециализированных исследований возрастает интерес к специальным корпусам;
- лингвистические корпуса активно используются для исследований иностранных языков, в то время как миноритарным языкам и диалектам уделяется существенно меньше внимания;
- лингвистические корпуса становятся инструментом цифровизации преподавания, в частности, для повышения навыков грамматики и аудирования.

¹ URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

² URL: <https://aiedu.hse.ru/mirror/pubs/share/308201188>

В то же время проведенное исследование позволяет сформулировать потенциально перспективные направления для дальнейшего развития корпусной лингвистики:

- описание и унификация существующих способов применения лингвистических корпусов;
- создание узкоспециальных корпусов для лингвистических целей;
- создание лингвистических корпусов для не-лингвистических целей;
- исследование параллельных корпусов для расширения представлений о родном языке;
- введение практики использования лингвистических корпусов в рамках языковой политики по исследованию и сохранению миноритарных языков и диалектов;
- применение лингвистических корпусов для преподавания родного языка;
- создание мультимодальных корпусов и корпусов русского жестового языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солнышкина М. И., Гатиятуллина Г. М. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 132–160.
2. Захаров В.П. Прологомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2016. № 28. С. 150–161.
3. Biber D., Reppen R. The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
4. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учебно-методическое пособие. СПб., 2005.
5. Leedham M., Lillis T., Twiner A. Creating a corpus of sensitive and hard-to-access texts: Methodological challenges and ethical concerns in the building of the WiSP Corpus // Applied corpus linguistics. 2021. Vol. 1. № 3. DOI <https://doi.org/10.1016/j.acorp.2021.100011>
6. Орехов Б. В., Савчук С. О. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 21. С. 61–63.
7. Касавин И. Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 5–16.
8. Шилин И. А. Метод и алгоритмы интерпретации неполных высказываний пользователя для управления устройствами Интернета вещей на основе онтологического подхода: дис. ... канд. техн. наук. СПб., 2019.
9. Yamanishi R. et al. Applying Existing Datasets as a Pseudo Corpus for Sentiment Representation on Social Media // Procedia Computer Science. 2022. Vol. 207. P. 335–342.
10. Лаврентьев А. М. [и др.]. Анализ корпусов текстов террористической и антиправовой направленности // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4 (32). С. 54–60.
11. Сиразитдинов З. А., Садыков Т. С. О создании национальных корпусов тюркских языков // ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2021. № 2. С. 245–255.
12. Богданова-Бегларян Н. В. [и др.]. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 21. С. 100–110.
13. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 35–49.
14. Безенова М. П., Григорьев Г. Л. Роль программы проверки удмуртской орфографии в пополнении национального корпуса удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. V. 14. № 3. С. 549–556.
15. Куликова Л. В., Шахотина С. А. Региолекты русского жестового языка: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 4. С. 750–759.
16. Фидчук М. Ю. К вопросу о модели обучения аудированию на материалах национального корпуса русского языка // Высшее образование сегодня. 2021. № 2. С. 59–62.

REFERENCES

1. Solnyshkina, M. I., Gatiyatullina, G. M. (2020). The History of Corpus Linguistics (on the example of the English language corpora). Tomsk State University Journal of Philology, 63, 132–160. (In Russ.)

2. Zakharov, V. P. (2016). Prolegomena to Corpus Linguistics. Issues of psycholinguistics, 28, 150–161. (In Russ.)
3. Biber, D., Reppen, R. (2016). The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Zakharov, V. P. (2005). Korpusnaya lingvistika: Uchebno-metod. posobiye = Corpus Linguistics: Textbook. St. Petersburg. (In Russ.)
5. Leedham, M., Lillis, T., Twiner, A. (2021). Creating a corpus of sensitive and hard-to-access texts: Methodological challenges and ethical concerns in the building of the WiSP Corpus. Applied corpus linguistics, 1(3). <https://doi.org/10.1016/j.acorp.2021.100011>
6. Orekhov, B. V., Savchuk, S. O. (2019). Accentological corpus as a tool for studying Russian word stress. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 21, 61–63. (In Russ.)
7. Kasavin, I. T. (2006). Diskurs-analiz kak mezhdistsiplinarnyy metod gumanitarnykh nauk = Discourse-analysis as an interdisciplinary method of the humanities. Epistemology and Philosophy of Science, 10(4), 5–16. (In Russ.)
8. Shilin, I. A. (2019). Metod i algoritmy interpretatsii nepolnykh vyskazyvanij pol'zovatelya dlya upravleniya ustroystvami Interneta veshchej na osnove ontologicheskogo podhoda = Method and algorithms for interpreting incomplete user statements to control Internet of Things devices based on an ontological approach: PhD in Technical Sciences. St. Petersburg. (In Russ.)
9. Yamanishi, R., et al. (2022). Applying Existing Datasets as a Pseudo Corpus for Sentiment Representation on Social Media. Procedia Computer Science, 207, 335–342.
10. Lavrentiev, A. M. et al. (2019). Analysis of corpus of extremist texts and unlawful texts. Cybersecurity issues, 4(32), 54–60. (In Russ.)
11. Sirazitdinov, Z. A., Sadykov, T. S. (2021). O sozdanii natsional'nykh korpusov tyurkskikh yazykov = On the creation of national corpus of Turkic languages. ALATOO ACADEMIC STUDIES, 2, 245–255. (In Russ.)
12. Bogdanova-Beglarian, N. V. et al. (2019). Russian Everyday Speech Corpus “One Day of Speech”: Current State and Perspectives. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 21, 100–110. (In Russ.)
13. Dobrovol'skij, D. O., Zalizniak, A. A. (2020). Russian constructions with potentially modal meanings: an analysis based on parallel corpus data. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 3(25), 35–49. (In Russ.)
14. Bezenova, M. P., Grigoriev, G. L. (2020). The Role of the Udmurt Spell Checker in Replenishment of the Udmurt National Corpus. Yearbook of Finno-Ugric Studies, 14(3), 549–556. (In Russ.)
15. Kulikova, L. V., Shakhovina, S. A. (2021). Regiolects of the Russian Sign Language: A Multimodal Electronic Corpus (based on the communicative space of Eastern Siberia). Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18(4), 750–759. (In Russ.)
16. Fidchuk, M. Y. (2021). Revising the question of the model to teach listening comprehension skills based on the Russian National Corpus materials. Higher Education Today, 2, 59–62. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Изюмская Вероника Викторовна

аспирантка кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
младший научный сотрудник лаборатории корпусной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Izyumskaya Veronika Viktorovna

Postgraduate student at Applied and Experimental Linguistics Department,
Junior Researcher at the Laboratory of Corpus Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2023
21.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
 УДК 811.133.1+81.342+81.367.2
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_34



Особенности французского театрального произношения (сравнительный анализ)

Е. А. Коголова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 koelena05@mail.ru*

Аннотация. Автор выявляет особенности театрального произношения во французском языке. Экспериментально-фонетическое исследование на основе аудиторского и компаративного анализов позволило определить сходство и различия в звуковом представлении пьес разного времени. Рассмотрены основные параметры сегментного (произношение ряда гласных и полугласных звуков, произнесение [ə] немого, удлинение согласных звуков, реализация связываний) и просодического уровней (тембр, мелодия, дополнительное ударение, пауза), их влияние на восприятие звучащего текста.

Ключевые слова: театральное произношение, сегментные характеристики, супrasegmentные характеристики, аудиторский анализ, сравнительный анализ, французский язык

Для цитирования: Коголова Е. А. Особенности французского театрального произношения (сравнительный анализ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (876). С. 34–39. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_34

Original article

Features of French Theatrical Pronunciation (comparative analysis)

Elena A. Kogalova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 koelena05@mail.ru*

Abstract. The article is a description of main phonetic features of theatrical pronunciation in French. An experimental phonetic study based on audit and comparative analyses revealed similarities and differences in the sound representation of plays created at different times. The main parameters of both the segmental level (pronunciation of a number of vowels and semi-vowels, the pronunciation of [ə] mute, the lengthening of consonant sounds, realization of liaison) and the prosodic level (timbre, melody, additional stress, pause) were considered, as well as their influence on the perception of the sounding text.

Keywords: theatrical pronunciation, segmental characteristics, suprasegmental characteristics, audit analysis, comparative analysis, the French language

For citation: Kogalova, E. A. (2023). Features of French theatrical pronunciation (comparative analysis). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 34–39. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_34

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «театр» происходит от греческого слова «theatron» и означает «место, где мы смотрим», соответственно, история театрального искусства уходит своими корнями к временам античности. На протяжении многих веков театральные постановки представляли собой костюмированные зрелища, направленные на увеселение публики. Основополагающую роль в восприятии сюжета играли не вокальные данные или драматический талант актера, а его внешний вид [Petit de Julleville, 1880]. Но стоит отметить, что именно на театральных подмостках зародились основы орфоэпических традиций [Dupla, 2012], и театр стал своеобразной школой единой произносительной нормы литературного языка, формировал и укреплял ее.

Профессиональный актер должен не только владеть литературной произносительной нормой, но и быть готовым к использованию разных произносительных стилистических средств для создания речевой характеристики персонажа, так как произношение и интонация сценической речи являются не только ее внешней формой, но и важным средством художественной выразительности, как и жест, костюм, грим.

Сценическое произношение должно быть и красивым, и восприниматься зрителем без осложнений, и служить эталоном, но в то же время и отражать задумку автора литературного произведения.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Считается, что театральное произношение является эталоном, оно консервативнее литературного произношения.

Французское театральное произношение представляет собой общепризнанный стандарт чтения стихотворений и классической прозы и сохраняет ряд архаичных черт, особенно если речь идет о постановках классических пьес. Среди основных фонематических характеристик необходимо выделить [Duvignaud, Lagoutte, 1974; Léon, 1993]:

- произношение долгого гласного звука [ɛ:] как в односложных словах *mes* [mɛ:], *tes* [tɛ:], *ses* [sɛ:], так и в многосложных *Messieurs* [mɛ:-'sjø], *Mesdames* [mɛ:-'dam], *lesquels* [lɛ:-'kɛl], *desquels* [dɛ:-'kɛl], *aimer* [ɛ:-'me], *fêter* [fɛ:-'te];
- сохранение открытого тембра гласного звука [œ] в безударной позиции, тогда как в стандартном произношении происходит гармонизация гласных двойного тембра, например, *pleurer* [plœ-'re], *fleurir* [flœ-'ri:r], *heureux* [œ-'rø];

- значительное удлинение в конечной ударной позиции -ée, -ie, -ue, тем самым образуется оппозиция с -é, -i, -u, например, *amie* [a-'mi:] и *ami* [a-'mi];
- тенденцию к произношению полугласных звуков в два слога, что часто связано с ритмической составляющей произведения, например *marier* [ma-ri-'e] вместо [ma-'rje], *ancien* [ã-si-'ɛ] вместо [ã-'sjɛ], *fiancé* [fi-ã-'se] вместо [fjã-'se], *mystérieux* [mis-te-ri-'ø] вместо [mis-te-'rjø];
- произношение всех возможных [ə] беглых, например, *ce que je ne veux pas*, тогда как в обычной – не театральной – речи многие из этих [ə] выпадают;
- усиленное удвоение согласных звуков в словах, несущих дополнительную экспрессию, например, *horreur*, *horrible*, *terrible*, *magnifique*, *immobile*;
- сохранение всех обязательных и факультативных связываний, что происходит как внутри ритмических групп, так и между ними.

Перечисленные особенности помогают актеру не только передать достоверно детали исторической эпохи, социальных отношений персонажей, но и вовлечь зрителя в театральное действие, почувствовать атмосферу происходящего на сцене.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Важнейший инструмент актера театра – его голос и те голосовые возможности, с помощью которых актер передает эмоциональное состояние своего героя.

В основном эмоциональная составляющая речи заключена в ее просодических характеристиках, среди которых в рамках театрального произношения выделяются следующие [Duvignaud, Lagoutte, 1974; Léon, 1993]:

- использование большого количества дополнительных ударений различного характера;
- употребление экспрессивных пауз, продолжительность которых может широко варьироваться в зависимости от контекста;
- разнообразие мелодических контуров;
- изменение темпорального рисунка в соответствии с сюжетом пьесы;
- многообразие тембров в зависимости от целей и обстоятельств конкретного художественного произведения или сцены.

Важно отметить, что тембр играет значительную роль при восприятии, поэтому, несомненно, он должен обладать рядом основных качеств (быть естественным, выразительным, окрашенным

интонацией, хорошо модулированным, приятным), к которым могут добавляться различные оттенки в зависимости от ситуации.

Классические театральные школы Франции уделяют особое внимание развитию речевых качеств у будущих артистов. Для того чтобы зритель уловил все детали представления, актер должен обладать безупречной техникой сценической речи, а также хорошими вокальными данными. Его голос должен быть сильным (охватывая даже самые дальние ряды), четким (речь должна быть максимально ясной), глубоким (чтобы передать наибольший спектр эмоций и состояний), таким образом, перечисленные характеристики позволят актеру полностью раскрыть характер своего персонажа.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ЦЕЛИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ КОРПУС

Экспериментально-фонетическое исследование было направлено на исследование классических театральных постановок, реализованных в разное время, с целью выявления тенденций театрального произношения, фиксации одинаковых фонетических черт и различий.

Основными параметрами исследования стали произношение гласного звука [ɛ], удлинение некоторых гласных звуков, произнесение полугласных, реализация [ə] немого, удлинение согласных звуков, произношение связываний, использование дополнительного ударения, вариативность тембра, характер пауз.

Корпусом фонетического анализа послужили пьесы Ж.-Б. Мольера «Скупой»¹ (акт IV, сцена 7), «Мизантроп»² (акт I, сцена 2) и «Тартюф»³ (акт I, сцена 1).

При работе над экспериментальным материалом был использован аудиторский метод исследования⁴, а также сравнительный анализ полученных данных, их статистическая обработка и лингвистическая интерпретация.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение аутентичного материала позволило прийти к следующим заключениям:

- наличие долгого гласного звука [ɛ] было отмечено чуть в большем количестве в театральных постановках XX века, аудиторы связали это факт с тем, что таким образом выделялись значимые смысловые единицы (например, *Je vous estime fort, vous aime* ['ɛ:m]; *Et que fais-tu, donc, traître* ['trɛ:tr]; *Pousse à bout l'ardeur de mon zèle* ['zɛ:l]), а в постановках XXI века такое удлинение служило еще и заполнением hesitantной паузы (*Mais* ['mɛ:] *il n'est* ['nɛ:], *comme on dit, pire eau, que l'eau qui dort*);
- удлинение в конечной ударной позиции -ée, -ie, -ue присутствовало в меньшей степени в постановках XXI века, аудиторы объяснили это увеличением общего темпа высказываний (например, *La chute en est jolie* [ʒɔ-'li:], *amoureuse, admirable*; *Oui, je sors de chez vous fort mal édifiée* [e-di-'fje:]; *Dans toutes mes leçons, j'y suis contrariée* [kɔ-tra-'rje:]);
- в произношении полугласных звуков в два слога наблюдался значительный разрыв в постановках разного времени, что также объяснялось большей размеренностью произношения в постановках XX века и увеличением скорости произношения в постановках XXI века (например, *Je suis* [sq-i] *déjà charmé de ce petit morceau*; *Empoisonneur au diable* [di-'a-blə]; *C'est au chemin du Ciel* [si-'ɛl] *qu'il prétend vous conduire* [kɔ-dy-'i:r]; *Qu'un gueux* [gy-'ø] *qui, quand il vint, n'avait pas de souliers* [su-li-'e]; *au meurtrier* [mœr-tri-'e]; *je suis* [sq-i] *perdu, je suis* [sq-i] *assassiné*; *Quel bruit* [brɥ-'i] *fait-on là-haut?*
- реализация [ə] немого в постановках XX века, по оценкам auditors, многократно превышает случаи произнесения этого звука в постановках XXI века, что, несомненно, не только является неотъемлемым признаком театрального произношения, но и украшает речь, делая ее более плавной и мелодичной (например, *Et si je ne retrouve* [ʒə-nə-rə-'tru-və] *mon argent, je me* [ʒə-mə] *prendrai moi-même après*; *C'est que je ne puis voir tout ce ménage-ci* [me-na-ʒə-'si]; *Vous êtes* [ɛ-tə], *mamie, une fille* [y-nə-'fi-jə] *suivante*; *Car il contrôle tout, ce critique* [kri-'ti-kə] *zélé*; *Monsieur, cette* [sɛ-tə] *matière est toujours délicate*; *Sur les démangeaisons qui nous prennent* [prɛ-nə] *d'écrire*; *Qu'on a de faire éclat de tels amusements* [a-my-ʒə-'mā]; *Dans toutes mes leçons* [tu-tə-me-lə-'sɔ̃], *j'y suis*

¹ Постановка Ж. П. Русийон. 1974. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dp5felWAobm>; постановка К. Хигель. 2009. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h1oJ4d755vY>

² Постановка Б. Деран. 1958. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KIJqOPmgEuw>; постановка К. Э. Леже. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1OCgLfmg5vl>

³ Постановка Ж. Мэйер. 1962. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s9b1Al7qNb8>; постановка П. Стэн. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=flv5IHlo2WU&t>

⁴ В исследовании принимали участие носители языка в возрасте от 21 до 45 лет (n = 5).

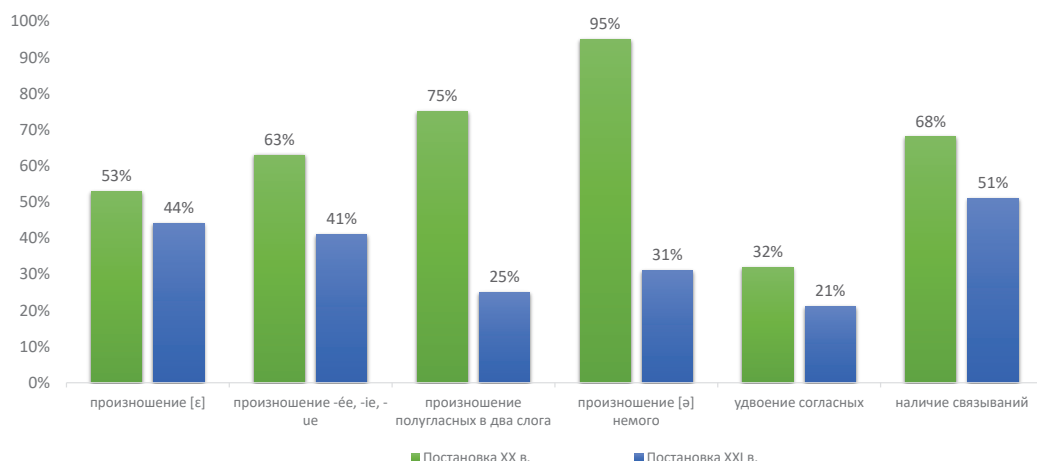


Диаграмма 1. Соотношение употребления фонетических явлений (в %)

contrariée; Sans cesse [sã-'sɛ-sə] vous prêchez des maximes [de-ma-ksi-mə] de vivre);

- произношение геминированных согласных встречалось во всех постановках, что придавало текстам насыщенность, мощность и красоту звучания (например, *je suis assassiné; arrête; me ressusciter; Vous verrez; je mourrai; des bourreaux; Lorsque rien ne marche après lui!; Pousse à bout, l'ardeur de mon zèle; La chute en est jolie, amoureuse; Qui par d'honnêtes gens ne se doivent point suivre; Et je ne puis souffrir*);
- соблюдалось произношение факультативных связываний, что соответствует канонам орфоэпической нормы (например, *Je disais en voyant des vers de sa façon; Votre conduite en tout est tout à fait mauvaise; S'il le faut écouter et croire à ses maximes; Et que nous ne puissions à rien nous divertir; Mais enfin, si j'étais de mon fils; Vous êtes un sot*), хотя в постановках XXI века отмечалось небольшое ослабление этого явления.

Процентное соотношение проанализированных фонематических явлений показано на диаграмме 1.

Анализ просодических параметров показал, что:

- актеры достаточно часто прибегают к использованию дополнительного ударения: применяют эмоциональное дополнительное ударение для усиления чувств персонажа, гиперболизации состояния своего героя, а логическое дополнительное ударение позволяет актеру акцентировать внимание зрителя на наиболее важных смысловых значениях и глубине содержания (например, *S'il "faut qu'une attente éternelle pousse à bout, l'ardeur de mon zèle, le "trépas sera mon recours; "L'espoir, il est vrai, nous soulage; Mais, Philis, le "triste avantage; Je suis déjà "charmé; Vous me "flattez; "Parlez-moi, je vous prie, avec "sincérité; Mais "un jour à quelqu'un, dont je tairai le nom, Je disais; Et je ne puis "souffrir; S'il le "faut écouter, et croire à ses "maximes; Dans "toutes mes leçons, j'y suis contrariée*);

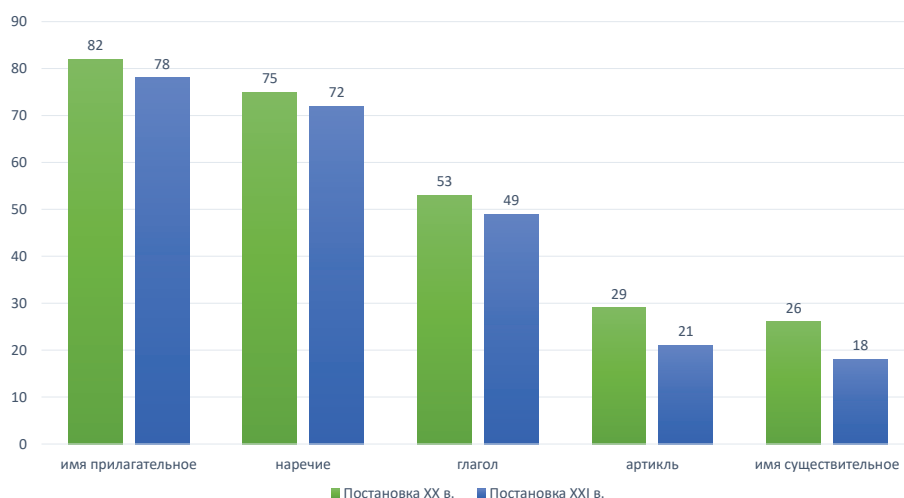


Диаграмма 2. Употребления дополнительного ударения в зависимости от частей речи (в %)

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПАУЗ (АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ)

Аудитор	Характер паузы (Постановка XX в.)		Характер паузы (Постановка XXI в.)		Длительность паузы (Постановка XX в.)					Длительность паузы (Постановка XXI в.)				
	грамматические паузы ¹	неграмматические паузы ²	грамматические паузы	неграмматические паузы	очень длинные	длинные	средние	краткие	очень краткие	очень длинные	длинные	средние	краткие	очень краткие
1	+	+	+	+			+	+			+	+		
2	+	+	+	+	+			+				+		
3	+	+	+				+	+				+		
4	+	+	+		+				+			+		
5	+	+	+	+		+	+					+	+	

¹ Грамматические паузы образуют границы интонационного членения, отражают синтаксический строй текста.

² Неграмматические паузы образованы в местах, не предназначенных для членения, они деформируют темповую однородность текста. Подразделяются на паузы непреднамеренные (паузы колебания) и паузы, сознательно образуемые. Сознательно образуемые паузы могут быть как связаны со смысловым фактором (психологические, служащие для выделения слов, несущих дополнительную нагрузку, придавая им добавочные оттенки и значения), так и не связаны со смысловым фактором (авторские, они стилистически окрашены).

- дополнительное ударение чаще всего встречалось на именах прилагательных и наречиях, а также глаголах (диаграмма 2 показывает процентное соотношение употребления ударения в постановках XX и XXI веков);
- продолжительность пауз зависит от эмоции – аудиторы отметили, что более длинная пауза предшествует чаще всего логическому дополнительному ударению, а эмоциональное ударение сопровождается краткими паузами; стилистические паузы встречались больше в постановках XX века (распределение пауз в постановках показано в таблице 1);
- вариативность тембра и разнообразие мелодических контуров присуща в большей степени актерам в постановках XX века; аудиторы охарактеризовали постановки XXI века тембрально минималистическими и интонационно более однообразными.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что на данный момент театральное произношение французского языка продолжает сохранять и поддерживать традиции, заложенные классической театральной школой. Однако данный факт не исключает появления определенных новшеств как на уровне произносительной

сценической нормы, так и на уровне театральной культуры в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При восприятии устной речи слушатель сосредотачивается на ее содержательной стороне, не обращая особого внимания на произносительный аспект, но только до тех пор, пока не происходит отклонений от нормы. Как только фиксируется что-то непривычное в произношении, оно тут же заставляет обратить на себя внимание.

Естественно, что сценическое произношение представляет живой интерес для фонетического исследования как выразительное средство.

Несомненно, произносительные особенности отражают стиль пьесы, время и место действия, характер действующих лиц. Актер, обладая высокой орфоэпической культурой в целом, может показать разнообразные образы благодаря использованию разных типов произношения.

Следует помнить, что сценическая речь в целом должна стремиться к сохранению традиционных вариантов, тем самым подчеркивая культурную роль орфоэпии, и в то же время использование произносительных особенностей разных стилей для создания художественного образа вполне оправдано.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Petit de Julleville L. Histoire du théâtre en France. P.: Hachette, 1880.
2. Dupla G. La voix au théâtre vecteur d'émotion. P.: Manufacture Haute école de théâtre de Suisse romande, 2012.
3. Duvignaud J., Lagoutte J. Le Théâtre contemporain. Culture et contre-culture. P.: Larousse, 1974.
4. Léon P. Précis de phonostylistique. Paroles et expressivité. P.: Nathan, 1993.

REFERENCES

1. Petit de Julleville L. (1880) Histoire du théâtre en France. Paris: Hachette.
2. Dupla, G. (2012). La voix au théâtre vecteur d'émotion. Paris: Manufacture Haute école de théâtre de Suisse romande.
3. Duvignaud, J., Lagoutte, J. (1974). Le Théâtre contemporain. Culture et contre-culture. Paris: Larousse.
4. Léon, P. (1993) Précis de phonostylistique. Paroles et expressivité. Paris: Nathan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Когалова Елена Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kogalova Elena Alexandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language

Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.04.2023
15.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.134.3

DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_40



Опыт изучения средств речевой агрессии в бразильских телеграм-каналах в период кризиса власти в 2022–2023 годах

А. Г. Лешин¹, А. А. Любяницкая², К. К. Нечаева³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹alexandre.leshin@yandex.ru

²alina.l.96@list.ru

³nechaeva.ksk@mail.ru

Аннотация. Авторы освещают проблему выявления средств речевой агрессии в так называемых социальных медиа и новых СМИ. Анализируется вербальное и невербальное содержание телеграмм-каналов, распространяющих информацию о событиях, связанных с политическим кризисом в Бразилии конца 2022 – начала 2023 г. Выдвигаются предложения по классификации подобных средств, предлагаются различные подходы к их переводу. Описываемая проблема приобретает особое значение в условиях повышения роли новых СМИ в рамках современного информационного противостояния и превращения информационного и когнитивного пространства в сферу ведения военных действий.

Ключевые слова: речевая агрессия, информационное противостояние, информационное воздействие, когнитивное воздействие

Для цитирования: Лешин А. Г., Любяницкая А. А., Нечаева К. К. Опыт изучения средств речевой агрессии в бразильских телеграм-каналах в период кризиса власти в 2022–2023 годах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 40–46. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_40

Original article

Studying Means of Speech Aggression in Brazilian Telegram Channels during the Governmental Crisis in 2022–2023

Alexandre G. Leshin¹, Alina A. Lyubianitskaya², Kseniia K. Nechaeva³

^{1,2,3}Moscow state linguistic university, Moscow, Russia

¹alexandre.leshin@yandex.ru

²alina.l.96@list.ru

³nechaeva.ksk@mail.ru

Abstract. The article discusses the new Social Media verbal aggression identification problem. The authors analyze the verbal and non-verbal content of Telegram Messenger channels disseminating information about events related to the political crisis in Brazil in late 2022 – early 2023 and propose a classification of the means of the verbal aggression as well as approaches to their translation and interpretation. The problem described in the article is of particular importance in the context of the increasing role of the so-called *new* media and modern informational confrontation and the transformation of information and cognitive space into the operational domains.

Keywords: verbal aggression, information confrontation, informational influence, cognitive influence

For citation: Leshin, A. G., Lyubianitskaya, A. A., Nechaeva, K. K. (2023). Studying Means of Speech Aggression in Brazilian Telegram Channels during the Governmental Crisis in 2022–2023. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 40–46. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_40

ВВЕДЕНИЕ

На некоторых стратегических направлениях в информационной и когнитивной сферах противостояния сторонами, угрожающими безопасности Российской Федерации, ведутся активные военные действия. Эти действия направлены на уничтожение внешне- и внутривнутриполитического, экономического, научно-технического, духовного, совокупного военного, информационного потенциала нашей страны, а также нанесение критического ущерба государственной самоидентификации граждан России. На других направлениях, в том числе в регионах, удаленных от границ и сферы непосредственного стратегического интереса Российской Федерации, такое противостояние не носит ярко выраженного характера. Однако и там происходящее в информационной и когнитивной сферах должно быть объектом пристального мониторинга кибер- и информационной среды, так как именно там формируется мировое общественное мнение в отношении нашей страны, нашего военно-политического руководства и проводимых им мероприятий.

Одной из крупнейших и наиболее влиятельных стран, находящихся вдали от современной оси противостояния, является Бразилия. Можно утверждать, что простым жителям, равно как и высшему руководству этого латиноамериканского государства, происходящее в России и у ее границ безразлично, пока не разрываются устоявшиеся критически важные экономические связи. Тем не менее многомиллионное население этой страны, крепко интегрированное в международное сообщество благодаря высокому уровню «интернетизации» и развитому туризму, роль этого государства как регионального лидера, мощное проецирование политической и военной силы в Южной Атлантике и всем Южном полушарии и активность в международных организациях от БРИКС и УНАСУЛ до ООН как объективные факторы обязывают не только Россию, но и другие страны и блоки считаться с этой страной как с одним из мировых лидеров.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развертывание «информационного и когнитивного фронта» против России в Латинской Америке – не опасность, а реальная угроза. Достаточно вспомнить политическую поддержку Россией законно избранного правительства в Венесуэле в рамках кризиса власти 2019–2023 годов и волну информационных атак против России, организованных поддерживающими Х. Гуайдо силами.

Необходимо обратить внимание на то, что вне зависимости от региона и степени развития информационного и когнитивного противоборства и противоборства в киберсфере, оно проявляется в двух формах: информационно-техническом и информационно-психологическом. Во втором случае основным оружием, то есть средством воздействия, используемым для поражения противника, являются описываемые семиотически системы вербальных и невербальных знаков. Важнейшей из этих систем является естественный человеческий язык, который наиболее тесным и относительно понятным образом связан как с сознанием, так и со способностью воспринимать и обрабатывать информацию, т. е. с преференциальными объектами поражения в информационной и когнитивной войне.

На основании вышесказанного представляется возможным предположить, что превентивное изучение особенностей поведения естественного человеческого языка как знаковой системы в ходе информационного противостояния является одним из способов упреждения формируемых на таком языке угроз и проводимых с его использованием атак. Необходимо отметить важность понятий «превентивный» и «упреждение»: очевидно, что реагирование на пропущенную угрозу в информационном противостоянии не всегда позволяет полностью справиться с последствиями ее реализации противником. В когнитивном же противостоянии представляющая угрозу деятельность противника вообще сложно поддается выявлению, а значит и последствия такой деятельности могут оказаться более разрушительными. Таким образом, представляется целесообразным изучение языковых явлений в рамках информационного противостояния, не затрагивающего или косвенно затрагивающего непосредственные интересы Российской Федерации.

Изучение особенностей бразильского варианта португальского языка в рамках информационного противостояния, затрагивающего интересы России лишь косвенно, возможно на основании событий, сопровождающих кризис власти конца 2022 года. В октябре 2022 года в Бразилии прошли два тура всеобщих, в том числе президентских выборов. Согласно официальным данным, победу во втором туре с отрывом менее чем в 2 % одержал Луис Инасиу Лула да Силва (далее – Лула). Сторонники действовавшего президента Жаира Болсонару (далее – Болсонару) не признали поражение, обвинив сторонников избранного президента и высший избирательный суд (орган, отвечающий за электоральную юстицию) в массовых фальсификациях в системе электронного голосования. Противостояние привело к массовым беспорядкам, пошатнуло политическую и экономическую стабильность страны.

В информационной сфере противостояние двух основных кандидатов на пост президента в период предвыборной кампании, между двумя турами голосования, в период передачи власти и после официального вступления в должность президента Лулы вылилось в активное противостояние в СМИ, в том числе новейших электронных, основу которых в Бразилии составляют средства компьютерно-опосредованной коммуникации: социальные сети «Инстаграм», «Фейсбук», «ЛинкИн», «Твиттер»; видео- и фотосервисы «Ютьюб», «Тикток»; приложения для мгновенного обмена сообщениями «Ватсап», «Мессенджер», «Снапчат»¹.

Несмотря на то что мессенджер мгновенной отправки сообщений «Телеграм» в соответствии с приведенной выше статистикой не входит в число наиболее популярных новейших электронных СМИ Бразилии, есть сведения о том, что «Телеграм» показывал в 2022 году самый большой рост по количеству устанавливаемых приложений на мобильных устройствах². Таким образом, можно предположить, что в ближнесрочной перспективе это средство массовой коммуникации станет одним из лидеров сферы и может быть активно использовано в потенциальных информационных и когнитивных атаках на Россию.

Основным инструментом информационного воздействия – «оружием» в противостоянии в компьютерно-опосредованной коммуникации сторонников обоих претендентов на высший пост – являются средства вербальной агрессии, дополненные невербальными средствами.

Представляется целесообразным оставить за пределами данной статьи анализ понятий «вербальная (речевая, языковая, словесная) агрессия», «языковое насилие» и «инвектива», а также теоретические аспекты их разграничения, и использовать определение, данное в «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи»», согласно которому речевой агрессией является форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Быкова, 1999, с. 96]. В данном случае определение «человек» подразумевает указанных выше кандидатов в президенты Бразилии Лулу и Болсонару, «группа людей» – их сторонники, «организации» – соответствующие политические партии и органы высшего политического руководства страны, а «общество» – бразильский и латиноамериканский социум.

¹ Написание названий программ мгновенного обмена сообщениями на русском языке рекомендовано Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://resultadosdigitais.com.br/marketing/redes-sociais-mais-usadas-no-brasil/>

² URL: <https://www.tudocelular.com/mercado/noticias/n186618/pesquisa-telegram-maioria-celulares-brasileiros.html>

В качестве предмета исследования нами были выбраны средства речевой агрессии, проявившиеся в следующих телеграм-каналах:

- 1) личных каналах бразильских политиков – сыновей и сторонников бывшего президента – Фабиу Болсонару и Карлоса Болсонару;
- 2) «Канал ди Лула» (Canal de Lula, «Канал Лулы»), используемом в качестве одного из основных средств поддержки избранного (действующего) президента в соответствующем мессенджере.

Каналы были выбраны в случайном порядке из множества активных политизированных каналов. В качестве важной проксемической характеристики исследования был обозначен временной период его проведения: со дня проведения первого тура выборов 2 октября 2022 года по день окончания одного календарного месяца после вступления президента Лулы в должность – 1 февраля 2023 года.

Анализ использования средств речевой агрессии, как уже отмечалось, имеет не только теоретическое и онтологическое, но и практическое значение. Во-первых, представляется важным развитие умения обнаруживать сложные для распознавания средства речевой агрессии и вербальной манипуляции в процессе аналитической работы переводчика (например, на этапе предпереводческого анализа текста или в ходе анализа дискурса). Во-вторых, практический интерес представляет отражение средств речевой агрессии в подготавливаемых аналитиком информационных документах, в частности, итоговых документах мониторинга зарубежных СМИ или коммуникационной среды в целом [Лешин, Рулькова, Фахретдинова, 2021].

С этой точки зрения, наибольший интерес вызывают имплицитные средства речевой агрессии; нестандартные по форме и содержанию эксплицитные средства, а также такие средства, которые характеризуются интертекстуальностью, опираются на дискурсивную, экстралингвистическую, экзистенциальную, прагматическую или коммуникативную пресуппозицию реципиентов или воспринимаются только в связи с невербальными средствами [Бастун, 2020].

ВАРИАНТ КАТЕГОРИЗАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

В ходе исследования нами было выделено 8 основных категорий средств выражения речевой агрессии, удовлетворяющих описанным выше условиям. Каждой категории было присвоено условное обозначение, выбранное в соответствии с основным

«носителем» речевой агрессии, призванным оказывать коммуникативное и прагматическое воздействие на собеседника (приводится в скобках). Повторяемость данных форм подтверждает предположение о том, что такие формы используются намеренно, то есть являются не спонтанным проявлением агрессии, а оружием информационного противостояния [Ермакова, 2005].

Ниже приводится наименование категорий:

- 1) Стилистические явления (ST);
- 2) Орфографические явления (OR);
- 3) Ирония и сарказм (IS);
- 4) Окказионализмы и неологизмы (ON);
- 5) Игра слов; каламбуры и анноминации (парономазия) (PU);
- 6) Аллюзии, реминисценции, в том числе через интекст (AR);
- 7) Референциальное упоминание имен собственных, вызывающих негативные ассоциации у реципиентов (PN);
- 8) Поликодовые средства (PC).

Необходимо обратить внимание на то, что значительная часть таких инструментов относятся к традиционным стилистическим фигурам и тропам, многие из которых, как известно, при переводе представляют собой определенную проблему [Виноградов, 2017].

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор средств и амплитуда их применения напрямую связаны с автором (авторами) канала и используемой им стратегией информационного противостояния. Так, авторы «Канал ди Лула» в указанный период прибегали преимущественно к эксплицитной агрессии, направленной против действовавшего на тот момент президента и его окружения. В 32 сообщениях данного телеграм-канала, опубликованных в выбранный для проведения исследования период, имя собственное или местоимение, обозначающее Жаира Болсонару, или связанное с его личностью метонимическое выражение (например, *atual governo* – *действующее правительство*) образовывали синтагму, к которой в предложении примыкала синтагма, несущая негативную окраску – собственно средство эксплицитной речевой агрессии. В некоторых случаях слова и словосочетания, выступающие в качестве средств негативизации образа президента Болсонару, образовывали с субъектом действия единую синтагму. В качестве средств негативизации использовались:

- 1) Глаголы и глагольные конструкции *paralizou, mente, enganar, quebrou o Brasil, incentiva o ódio, corta a verba, não tem noção, não sabe,*

não conhece, conta mentiras, deixa o povo passar fome, não se importa com (saúde), usa o nome de Deus em vão;

- 2) Существительные *bozo, desastre, absurdo, mal, pobreza, crime, endividamento, inimigo, criminoso, ódio, mentira, catástrofe, incapacidade* и релевантное для политического самосознания бразильцев *desmatamento*;
- 3) Прилагательные *irresponsável, ignorante, inverídico, preconceituoso, mentiroso, maldito (herança maldita), criminoso (herança criminosa), da morte (esquadrão da morte* (о команде Болсонару).

В проанализированных сообщениях «Канал ди Лула» имплицитную агрессию можно отнести к условным категориям ST и ON.

Со стилистической точки зрения (ST), по нашему мнению, имплицитной агрессией является дискурсивная практика использования в сообщении для обозначения политического оппонента личных и указательных местоимений в 3-м лице без использования имени собственного в том же сообщении или при замене имени собственного метонимическим именем нарицательным [Девдариани, Рубцова, 2019]. С учетом того, что сообщение в телеграм-канале необходимо рассматривать как элемент дискурса, а не текста, автор сообщения и лицо, о котором в сообщении идет речь, виртуально, заочно присутствуют в ситуации общения. В коммуникативной среде во многих культурах и в межкультурной коммуникации считается проявлением пренебрежения и неуважения вести речь о человеке в его присутствии в 3-м лице. Таким образом, повторяющееся обозначение политического оппонента без называния его имени собственного является тактикой имплицитного проявления неуважения¹:

Nesse instante nós temos consciência de que 60% do povo brasileiro rejeitou esse governo. – Сейчас мы понимаем, что 60 % бразильцев отказались от этого правительства.

Ele trabalha menos que um estagiário, vive pra contar mentiras ... distribui dinheiro do povo para os seus amigos. Esse é o governo do atual presidente. Brasil não aguenta mais esse governo. – Он работает меньше, чем стажер, всё время лжет ... раздает народные деньги друзьям. Вот так правит действующий президент. Бразилия больше не потерпит такого правления.

O atual presidente não conhece o Brasil. Ele não tem a menor noção da força da cultura nordestina, por isso quem tiver uma gota de sangue nordestino, não pode votar nesse cidadão. – Действующий президент не

¹ Зд. и далее перевод наш. – авт.)

знает Бразилию. Он не имеет ни малейшего представления о силе культуры нордестино (*жителей северо-запада страны*). Тот, в ком течет хоть капля крови нордестино, не может голосовать за этого гражданина.

O Brasil, ao invés de ter um cara que só fala em ódio, pode ter um presidente apaixonado... – Вместо типа, который все время говорит о ненависти, Бразилия может иметь президента, который влюблен (*речь об отношении кандидата в президенты Лулы к супруге Розанжеле «Жанже» Лула да Силва*).

Очевидно, что подобная тактика не вызывает затруднения у переводчика. Более сложным для восприятия и перевода являются примеры речевого воздействия, использующие в качестве средств вербальной агрессии неологизмы и окказионализмы (ОН).

Заголовок сообщения от 18.10.2022 «A verdade apareceu. A maquiagem econômica de Bolsonaro borrou antes do 2º turno» содержит окказионализм «*maquiagem econômica*», который не удалось обнаружить в доступных корпусах португальского языка. Окказионализм, вероятно, восходит к высказыванию Паулу Гедеша, – министра экономики правительства Жаира Болсонару – сделанному 25.03.2021 об искусственных «подгонках» в проекте федерального бюджета Бразилии:

O ministro da Economia, Paulo Guedes, procurou o presidente Jair Bolsonaro nesta quinta-feira (25) para reclamar do que chamou de “maquiagem” no Orçamento da União para 2021 aprovado ontem pelo Congresso Nacional. – На встрече с президентом Болсонару, прошедшей в четверг 25 марта, министр экономики Паулу Гедеш выразил возражения против того, что он назвал «макияжем» в одобренном Национальным конгрессом федеральном бюджете на 2021 год.

В данном отдельно взятом высказывании при рассмотрении его вне дискурса слово *maquiagem* – *макияж* – не является средством речевой агрессии, но очевидно несет негативную окраску. С прагматической точки зрения адекватным вариантом перевода слова *maquiagem* в данном случае было бы также слово *камуфляж*, несущее в данном высказывании нейтральную коннотацию, а также *штукатурка* и *мэйкап*, которые несли бы отрицательную коннотацию, выражаемую метафорически в первом случае и иронически во втором.

В заголовке анализируемого поста в телеграм-канале прагматически верным переводом синтагмы *a maquiagem econômica de Bolsonaro*

можно считать *экономический марафет Болсонару*. Предполагается, что слово *марафет* заимствовано в русский язык из арабского через турецкий в значении «уловка, хитрость, обман» и впоследствии получило просторечное значение «чистота», «порядок». Просторечное слово *марафет* в русском языке ассоциируется с арготическим и жаргонным жаргоном, то есть способно передавать отрицательную коннотацию. Выражение *наводит марафет* в одном из значений обозначает «краситься», «наносить макияж», «подбирать макияж, одежду», при этом оно также относится к стилистически сниженной лексике.

С другой стороны, при переводе предложения «*a maquiagem econômica de Bolsonaro borrou antes do 2º turno*» целесообразно сохранить слово *макияж*, а прагматическое выражение негативизации перенести на глагол *borrar* – «оставлять пятна», «кляксы»; в стилистически сниженном варианте «испачкаться экскрементами». В таком случае адекватным переводом можно считать вариант *экономический макияж Болсонару «потёк» еще до второго тура выборов*.

Окказионализмы и неологизмы встречаются и в постах телеграм-каналов братьев Болсонару. В сообщении от 10.10.2022 автор канала Флавио Болсонару использует окказионализм *ditadura lulocomunista*, который, очевидно, является вербальным носителем агрессии, так как нацелен на причинение как минимум имиджевого ущерба кандидату в президенты Луле. Перевод данного окказионализма при этом не является переводческой проблемой. Возможными прагматически адекватными вариантами перевода являются *лулокоммунистическая диктатура* (окказионализм сохраняется) или *коммунистическая диктатура по Луле / коммунистическая диктатура Лулы*. Во втором случае переводчик прибегает к компенсации: окказионализм теряется, а отсылка к фамилии кандидата в президенты переносится на дополнение. Ни в том, ни в другом случае коннотация данной языковой единицы на языке перевода не отличается от коннотации, предложенной реципиенту на языке оригинала.

Более сложным представляется перевод окказионализмов и неологизмов, встречающихся в постах телеграм-канала Карлоса Болсонару. В сообщении от 18.01.2023 автор канала размещает коллаж, состоящий из изображения президента Лулы с подписью, отсылающей к статье электронного аналитического еженедельника «Ревиста Оэсте» (Revista Oeste, журнал «Запад»): *Com risco fiscal, investidores deixam Brasil e vão para a Ásia. – Из-за налоговых рисков инвесторы отворачиваются от Бразилии и присматриваются к Азии*. Сам по себе заголовок не является формой вербальной или невербальной



Рис. 1

агрессии (адресатом такой агрессии стал бы изображенный на коллаже президент страны), но внимание привлекает подпись к коллажу: «Argentine-se!», сопровождающаяся тремя идеограммами-эмодзи в виде красных сердец (см. рис. 1).

Вне дискурсивной практики такая подпись никак не могла бы быть воспринята в качестве вербальной (если рассматривать идеограммы как невербальный элемент, то поликодовой) агрессии. Для распознавания в данном случае речевой агрессии и использования данного средства в качестве инструмента информационного воздействия на реципиента переводчику понадобится понимание

контекста и погружение в дискурс, которые не представляются возможными без постоянного развития и актуализации экстралингвистической компетенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбор варианта перевода остается за переводчиком. При этом необходимо помнить, что, несмотря на то, что рассматриваемые нами примеры являются чисто теоретическими и не несут информационной опасности интересам Российской Федерации, речь идет о методических подходах к реализации переводческих компетенций при работе с материалами ИПВ вероятного противника, подготовке собственных материалов ИПВ, мониторинге информационной обстановки на стратегическом направлении перевода материалов СМИ в интересах предупреждения и ликвидации информационных угроз. В таком случае переводчик должен выбирать и использовать наиболее адекватные с прагматической точки зрения варианты перевода. Это значит, что стилистическая, экстралингвистическая и прагматическая компетенции переводчика могут выходить на первый план в работе специалиста и обуславливать использование таких переводческих трансформаций, которые в художественном переводе считались бы неоправданными. Однако переводчик должен оставаться объективным, не подгонять перевод под желаемый результат, т. е. придерживаться научного подхода к процессу перевода.

При этом в общенаучном плане такая работа переводчика может представлять интерес для психолингвистики, прагматологии, лексикографии, деструктологии и других дисциплин и междисциплинарных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова О. Н. Ложная аргументация. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Вестник Российской риторической ассоциации. 1999. Вып. 1 (8). Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. С. 91–103.
2. Лешин А. Г., Рулькова С. М., Фахретдинова Э. А. Роль переводчика при мониторинге зарубежных СМИ в интересах информационного обеспечения органов государственной власти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 5 (847). С. 95–103.
3. Бастун Е. В. К вопросу о роли пресуппозиций в политическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 163–166.
4. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: Калужский государственный педагогический университет имени К. Э. Циолковского, 2005.
5. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы: учебное пособие. 6-е изд. М.: ИД КДУ, 2017.
6. Девдариани Е. В., Рубцова Е. В. Агрессия в языке и речи как социальная проблема // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 45–47.

REFERENCES

1. Bykova, O. N. (1999). Pseudo argumentation, pseudo proof. Speech (language, verbal) aggression. Language manipulation. Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii. Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniia, 1(8), 91–103. (In Russ.)
2. Leshin, A. G., Rulkova, S. M., Fakhretidinova, E. A. (2021). The role of the translator in foreign media outlets monitoring in the interests of the state authorities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(847), 95–103. (In Russ.)
3. Bastun, E. V. (2020). Role of presuppositions in political discourse. Baltic Humanitarian Journal, 9, 1(30), 163–166. (In Russ.)
4. Ermakova, O. P. (2005). Ironiia i ee rol v zhizni iazyka = Irony and its role in the life of language. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. S. (2017). Perevod. Romanskie iazyki: obshchie i leksicheskie voprosy = Translation and Interpretation. Romance languages: general and lexical issues: textbook. 6th ed. Moscow: ID KDU. (In Russ.)
6. Devdariani, E. V., Rubtsova, E. V. (2019). Aggression in language and speech as a social problem. Karelian Scientific Journal, 8, 1(26), 45–47. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лешин Александр Геннадьевич

начальник цикла, старший преподаватель Военного учебного центра
при Московском государственном лингвистическом университете

Любяницкая Алина Алексеевна

преподаватель Военного учебного центра
при Московском государственном лингвистическом университете

Нечаева Ксения Кирилловна

кандидат филологических наук, доцент
и. о. заведующего кафедрой португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leshin Alexandre Gennadievich

Senior Lecturer at the Military Training Centre
Moscow State Linguistic University

Lyubianitskaya Alina Alekseevna

Lecturer at the Military Training Centre
Moscow State Linguistic University

Nechaeva Kseniia Kirillovna

PhD (Philology), Associate Professor
Acting Head of the Department of the Portuguese Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2023
19.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Номинативное поле лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке

Ма Лия

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

mly616@qq.com

Аннотация. В статье рассматриваются ключевой репрезентант лингвокультурного типажа «учитель» и его синонимические ряды, устанавливается номинативное поле типажа, выявляются принципы разграничения ядра и периферии поля, описываются понятийные компоненты типажа. Автор опирается на материал лексикографических источников и текстов СМИ, размещенных в китайских языковых корпусах. В статье используются интерпретативный метод, метод семантического анализа и контекстуально-описательного анализа.

Ключевые слова: номинативное поле, понятийная составляющая, лингвокультурный типаж, концепт, учитель

Для цитирования: Ма Лия. Номинативное поле лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 47–52. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_47

Original article

The Nominative Field of the Linguocultural Type “Teacher” in the Chinese Language

Liya Ma

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

mly616@qq.com

Abstract. The article examines the key representative of the linguocultural type “teacher” and its synonymous series, establishes the nominative field of the type, identifies the principles of differentiation of the core and periphery of the field, describes the conceptual components of the type, based on the material of lexicographic sources and media texts placed in Chinese language corpora. The article uses the interpretive method, the method of semantic analysis and contextual descriptive analysis.

Keywords: nominative field, conceptual component, linguocultural type, concept, teacher

For citation: Ma, L. (2023). The Nominative Field of the Linguocultural Type “Teacher” in the Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 47–52. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_47

ВВЕДЕНИЕ

В структурном отношении лингвокультурный типаж (ЛКТ) – это разновидность концепта, содержащая языковую личность. Согласно В. И. Карасику, концептами являются «ментальные образования», т. е. хранящиеся в памяти человека типизируемые фрагменты жизненного опыта [Карасик, 2002, с. 97]. Концепт объективирован в определенный период развития общества языковыми средствами (лексическими единицами, фразеологиями, идиомами, поговорками, пословицами, афоризмами, прецедентными текстами, этикетными формулами и т. п.), в значениях которых содержится специфика «национального языкового сознания» и «менталитета носителей языка» [Воркачев, 2001].

Описание ЛКТ реализовано через анализ его вербализующих языковых знаков, совокупность которых образует «номинативное поле», в структуре которого выделяются ядро – «прямые номинации» самого типажа и периферия – «номинации отдельных когнитивных признаков» с содержанием типажа и «отношением к нему в разных коммуникативных ситуациях» [Попова, Стернин, 2007а, с. 46–48]. Ядро поля состоит из «ключевого слова», репрезентирующего изучаемый типаж и его синонимы, встречающиеся в толковых словарях и словарях синонимов, периферия поля построена через извлечение «номинации видовых разновидностей денотата» типажа и отдельных когнитивных признаков типажа, отраженных в текстах СМИ на сайтах языкового корпуса и др. [там же, с. 126]. Выявление номинативного поля и семантический анализ лексических единиц в нем позволяют раскрыть понятийную составляющую ЛКТ.

СТРУКТУРА НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ЛКТ «УЧИТЕЛЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ЯДРО НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ЛКТ «УЧИТЕЛЬ»

В состав ядра номинативного поля ЛКТ «учитель» входят ключевое слово 师 (ши) и его синонимы 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 教书匠 (цзяошущан), 教练 (цзяолянь), 教官 (цзяогуань), 师傅 (шифу) и 师父 (Шифу), которые относятся как части речи к имени существительному.

Следует отметить, что к учителям, упомянутым ниже, относятся учителя в школе (детских садах, начальных школах, средних школах, техникумах, колледжах, университетах и др.) и внештатные учителя, а к школам относятся государственные школы (детские сады, начальные школы, средние школы, техникумы, колледжи, университеты), частные школы и др.

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, ключевое слово можно выделить по частотному словарю. Однако после обращения к «Частотному словарю современного китайского языка»¹ обнаруживается, что не все вышеперечисленные номинации учителя включены в статистику, поэтому мы акцентируем внимание на их функции в образовании слов и предложений, употреблении в идиомах, пословицах, поговорках и др., и в качестве номинанта выбрана лексема 师 (ши). Как ключевое слово 师 (ши) «наиболее полно номинирует» ЛКТ «учитель», оно является «наиболее употребительным наименованием», «достаточно обобщенным по своей семантике», «стилистически нейтральным, неоценочным словом» [Попова, Стернин, 2007б, с. 125].

В Словаре современного китайского языка 师 (ши) определяется как:

1. 称某些传授知识技术的人 – человек, который передает какие-то знания или навыки, например: 严师 – строгий учитель, 名师 – известный учитель;
2. 学习的榜样 – пример для подражания в учебе, например: 师范 – образец для подражания;
3. 掌握专门学术或技艺的人 – человек, овладевший специальными знаниями или навыками, например: 技师 – техник, 厨师 – повар, 理发师 – парикмахер и т. п.;
4. 对和尚、道士的尊称 – почтительное обращение к монахам и даосам: 禅师 – буддийский монах и 法师 – буддийский монах или даос;
5. 指由师徒关系产生的 – название в системе отношений «учитель–ученик», которое в основном используется среди студентов, например: 师兄 – старший студент, 师妹 – младшая студентка и т. д.;
6. <书> 仿效, 学习 (книж.) – подражать, учиться, например: 师法 – подражать и учиться на сильных сторонах у других, 师承 – учиться и наследовать систему знаний учителя;
7. 姓 – фамилия [现代汉语词典, 2016, с. 1178].

Синонимы ключевого слова 师 (ши) – 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 教书匠 (цзяошущан), 教练 (цзяолянь), 教官 (цзяогуань), 师傅 (шифу) и 师父 (Шифу) – употребляются в ограниченных контекстах и / или с эмоционально-экспрессивной семой и стилистической окраской. Их контексты приводятся в корпусах китайского языка,

¹ 现代汉语频率词典 / 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. = Частотный словарь современного китайского языка / под ред. Института преподавания языков Пекинского университета языка и культуры. Пекин: Пресса Пекинского университета языка и культуры, 1986.

включают Китайский корпус BCC¹, Корпус CCL² и онлайн-корпус³. Далее мы будем использовать их в аббревиатуре BCC, CCL и CORPUS. Перейдем к их рассмотрению.

老师 (лаоши) – почтительное обращение к учителям как в письменной, так и в разговорной речи, оно состоит из корня 师 (ши) и префикса 老 (лао). 师 (ши) был проанализирован выше. 老 (лао) используется как слово в древнекитайском языке, имеющее значение «старый» и «опытный, эрудированный и высококвалифицированный», но теперь оно используется как приставка, лишенная практического значения. Просматривая корпуса китайского языка, мы обнаружили, что в современном китайском языке номинация 老师 (лаоши) в большинстве случаев относится к учителям в школах, но ее значение имеет тенденцию к обобщению, а значит, ее можно использовать для обозначения всех, у кого стоит учиться. Приведем пример:

她不愧是学生的师表，同时也是我们学习的榜样。 – Она достойна быть учителем и примером для учеников, а также образцом для подражания, у которого мы можем учиться (CORPUS).

Номинация 教师 (цзяоши) в основном относится к учителям в школах, она используется как обращение в официальной письменной речи: 人民教师 (народные учителя), 教师节 (День учителя), 教师法 (Закон об учителях), 教师资格证书 (квалификационный аттестат учителя) и т. д. В этой лексеме глагол 教 (цзяо) означает «учить, обучать, преподавать».

教书匠 (цзяошущан) – урокодатель, значение слова неодобрительное. В этой лексеме морфема 书 (шу) означает «книга», 教书 (цзяошу), т. е. «учить», 匠 (цзян) означает «ремесленник, мастер». Например:

这种教材，也使一些教师成了懒人、庸人，也就是人们常说的“教书匠”。 – Из-за такого рода учебников некоторые учителя становятся ленивыми и посредственными, их люди часто называют «урокодателями» (BCC).

...人们都说‘宁嫁杀猪匠，不嫁教书匠’。 – ...Говорят: «Лучше выйти замуж за мясника, чем за урокодателя» (BCC).

教练 (цзяолянь) – тренер. Это слово образуется путем соединения двух глаголов, среди них

значение 教 (цзяо) было представлено выше, а 练 (лянь) означает «тренировать». Приведем примеры:

网球教练 – тренер по теннису

游泳教练 – тренер по плаванию

驾校教练 – тренер автошколы

教官 (цзяогуань) – инструктор. Морфема 官 (гуань) означает «чиновник». В качестве примера приведем цитату:

陆更夫是中央军事政治学校武汉分校的教官，性情爽直乐观，喜欢开玩笑。 – Лу Гэнфу – инструктор Уханьского филиала Центрального военно-политического училища, у него прямолинейный и оптимистичный характер, он любит пошутить (CORPUS).

Вышеописанные 教练 (цзяолянь) и 教官 (цзяогуань) являются учителями в конкретных областях знаний. Но к категории учителей относятся не только те, кто передает знания в школах, но и те, кто передает навыки боевых искусств, востребованные в обществе, такие как 师傅 (шифу) и 师父 (шифу). Поскольку боевые искусства (китайское ушу) пересеклись с религией (даосизм, буддизм и др.), они также используются для обозначения религиозных проповедников, но область действия номинации 师傅 (шифу) шире, чем 师父 (шифу), и 师傅 (шифу) может относиться к любому человеку.

师傅 (шифу) образуется из двух существительных 师 (ши) и 傅 (фу) с одинаковым значением «учитель» и является почтительным обращением к квалифицированным специалистам или к тем, кто обучает навыкам в ремеслах, торговле, театре и т. д., например:

司机师傅 – водитель

维修师傅 – ремонтник

教戏师傅 – театральный педагог

武功师傅 – учитель боевых искусств

看门师傅 – охранник

师父 (шифу) имеет то же значение, что и 师傅 (шифу). Морфема 父 (фу) означает «отец». Сравнение учителя с отцом в номинации 师父 (шифу) происходит из традиции почитания учителя, что отражено не только в русской пословице: «Почитай учителя как родителя», – но и в китайском тексте:

一日为师，终身为父。 – Даже если учитель обучал всего один день, его ученику следует относиться к нему как к отцу всю оставшуюся жизнь.

При таком менталитете ученики в определенной степени считают учителя своим отцом и,

¹ URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>

² URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus

³ URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/>

естественно, считают жену учителя своей матерью 母 (му), которую они называют 师母 (Шиму).

ПЕРИФЕРИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ЛКТ «УЧИТЕЛЬ»

Мы проанализировали 1132 текстов, содержащих номинации «видовых разновидностей денотата» – метафоры, обозначающие учителя, выявили иерархию: ближнюю периферию номинативного поля ЛКТ «учитель» и его отдельные признаки, вошедшие в дальнюю периферию [Попова, Стернин, 2007а, с. 126].

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ЛКТ «УЧИТЕЛЬ»

Метафора является результатом деятельности языкового сознания носителя родного языка, и ее процесс неотделим от ассоциации, она употребляется через «слово или выражение» в «переносном значении», в котором существует «сравнение предметов или явления» по «их общему признаку»¹. Метафоры, обозначающие номинации китайских учителей, включены в ближнюю периферию номинативного поля ЛКТ «учитель», поскольку они не являются прямыми номинациями, но служат описанием образа учителей. В ближнюю периферию входят:

- 1) одушевленные имена существительные: 人类灵魂工程师 (жэньлэй линхунь гунчэнши), 园丁 (юаньдин), 引路人 (иньлужэнь), 主播 (чжубо);
- 2) неодушевленные имена существительные: 春蚕 (чуьцань), 蜡烛 (лачжу), 人梯 (жэньти), 青椒 (цинцзяо).

Большинство из них имеют положительную оценочную окраску (похвальную, уважительную), кроме 青椒 (цинцзяо) и 主播 (чжубо).

人类灵魂工程师 (жэньлэй линхунь гунчэнши) – инженер человеческих душ. Эта номинация цитируется русским революционером М. И. Калининым, который сказал: «Учитель работает над самой ответственной должностью – он формирует человека. Педагог – это инженер человеческих душ». Она также отражена в китайском тексте:

做教师的，不要辜负了‘人类灵魂工程师’的光荣称号，对自己的一举一动要慎之又慎，为下一代起真正的表率作用。 – Являясь учителем, не подведи славного звания «инженера человеческой души», будь осторожен в каждом своем шаге и подавай верный пример подрастающему поколению (CCL).

园丁 (юаньдин) – садовник. Эта номинация ярко отражает обе стороны педагогического процесса: учителя, передающие знания или навыки ученикам, подобны садовникам, поливающим и удобряющим растения, а передающие духовное воспитание подобны садовникам, обрезающим ветки и листья растений. Таким образом, учащихся сравнивают с саженцами и цветами, а выпускников – возвращенных талантов – с такими спелыми фруктами, как персики и сливы, которые были описаны в поэзии:

«奉和令公绿野堂种花»: “令公桃李满天下，何用堂前更种花”。 – У вас уже есть персики и сливы по всему миру, зачем еще сажать саженцы перед домом.

引路人 (иньлужэнь) – проводник, гид, руководитель. В силу своего возраста учащиеся еще неопытны, они требуют к себе особого внимания учителя, задача которого направлять их в разных областях знаний. Об этом, например, говорится в пословице:

读书全靠自用功，先生不过引路人。 – Учеба зависит от упорного труда учеников, учитель лишь показывает путь.

人梯 (жэньти) – лестница из людей. Учителя-предметники работают вместе и выстраивают единую линию в преподавании, чтобы помочь учащимся перейти на следующий уровень. Рассмотрим пример:

教师在造就培养人才的事业中乐于做“人梯”，让学生踩着自己的肩膀攀登高峰。 – Учителя готовы быть «лестницами из людей» в деле взращивания талантов, позволяя ученикам подняться на вершину на собственных плечах (ВСС).

春蚕 (чуьцань) и 蜡烛 (лачжу) – весенний шелкопряд и свечка, которые описаны в стихотворении «无题·相见时难别亦难»:

“春蚕到死丝方尽，蜡炬成灰泪始干”。 – Весенние шелкопряды выплывают шелк, пока не умрут, а свечи сгорят до последней капли воска, освещая все вокруг.

Драгоценный дух преданности своей профессии и самоотверженность учителей имеют сходство с ситуациями, описанными в стихах, поэтому весенний шелкопряд и свечка используются как метафоры для номинации учителей.

青椒 (цинцзяо) – зеленый перец – омофоническое название молодых преподавателей. 青 (цин) в этой лексеме означает «зеленый, незрелый». Помимо давления этой группы в научных исследованиях и преподавании, их неудовлетворенность

¹ Wiki. 17 января 2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0>

существующим положением жизни отражена и в заглавии статьи:

高校青椒: 没有活成别人口中的大学老师¹ – Молодые вузовские преподаватели: еще не доросли до того, чтобы люди называли их преподавателями Университета.

主播 (чжубо) – ведущий прямого эфира (Host of live broadcast platform). Эта номинация используется для шуточного обращения к учителю с момента начала эпидемии COVID-19, тогда преподавание в школе стало дистанционным, такой образ обучения очень похож на онлайн-трансляции, поэтому учителей называют «чжубо», например:

3月2日,江西工业职业技术学院迎来了首日全面在线教学,全校师生相聚在由各大课程平台支撑的“云课堂”,教师当起了“主播”,电脑成为了“讲台”,学生成了“粉丝”,在线教学工作稳步推进。² – 2 марта Цзянсинский промышленный профессионально-технический колледж открыл первый день комплексного онлайн-обучения. Все преподаватели и студенты собрались в онлайн-классе, созданном на различных учебных платформах. Учителя выступили в роли «ведущих», компьютеры стали «трибуной», студенты стали «преданными слушателями», и онлайн-обучение идет гладко.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ЛКТ «УЧИТЕЛЬ»

Из 3659 текстов извлекаются отдельные признаки ЛКТ «учитель», дополнительно описывающие его характеристику, которые составляют слой дальней периферии номинативного поля ЛКТ «учитель» и классифицируются как:

1) педагогическое поведение учителя в основном описывается глаголами и словосочетаниями:

培养 – взращивать (таланты), 教育 – образовывать, 教 – учить, обучать, 讲解 – объяснять, 上课 – вести занятие, 面授 – очное обучение, 函授 – заочное обучение, 远程教学 – дистанционное обучение, 补课 – репетиторствовать, 辅导 – консультировать, 督促 – воздействовать, 影响 – влиять, 帮助 – помогать, 关心 – заботиться, 进修 – совершенствоваться, 开会 – участвовать в конференции, 评职称 – аттестовываться, 休假 – быть в отпуске, 走访学生家庭 – посещать семьи учеников.

2) предмет и среда, связанные с педагогической деятельностью учителя:

¹ URL: https://learning.sohu.com/a/563715951_121278056

² URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1661048370043931665&wfr=s_pider&for=pc

讲台 – трибуна, кафедра, 教鞭 – указка, 黑板 – классная доска, 手势 – жест, 眼镜 – очки, 知识 – знание, 电子课件 – электронные учебные материалы, 线上课程 – онлайн-занятия, 研究方向 – направление исследования, 理论水平 – теоретический уровень, 专业素养 – профессиональные качества, 教师资格 – квалификация учителя, 教师规章制度 – правила и положения учителей, 教师法 – закон об учителях, 教龄 – педагогический стаж, 师德 – педагогическая этика, 贡献 – вклад, 牺牲 – жертва, 职责 – обязанность, 义务 – долг, 权利 – право, 权威 – авторитет, 身份 – положение, 社会地位 – социальный статус, 生活条件 – условия жизни, 待遇 – зарплата, 福利 – благосостояние и т. д.

3) объекты общения учителей:

学生、徒弟 – ученики, 家长 – родители учеников, 同事 – коллеги по работе, 学校领导 – школьное руководство и др.

4) другие личности (статус) учителей:

幼师 – воспитатель детского сада, 小学教师 – учитель начальной школы, 中学教师 – учитель средней школы, 高校教师 – преподаватель высшей школы, 教授 – профессор, 副教授 – доцент, 讲师 – преподаватель, 助教 – ассистент преподавателя, 导师 – научный руководитель, 家庭教师 – домашний учитель, 民办教师 – учитель частной школы, 在编教师 – штатный учитель, 专任教师 – учителя, работающие полный рабочий день, 兼职教师 – учителя, работающие неполный рабочий день, 退休教师 – учитель на пенсии, 优秀教师 – выдающийся учитель, 特级教师 – учитель высшей категории, 模范教师 – образцовый учитель, 骨干教师 – костяк команды учителей, 班主任 – классный руководитель, 辅导员 – наставник, 系主任 – декан, 院长 – директор института, 副校长 – заместитель директора школы, 校长 – директор школы, 教育家 – педагог, 学者 – ученый, 专家 – специалист, 科学家 – ученый, 创新者 – новатор, 学科带头人 – ведущий научный сотрудник, 知识分子 – интеллигент, 脑力劳动者 – человек умственного труда и т. д.

5) Оценки для учителей, которые в основном состоят из имен прилагательных:

受尊敬的 – уважаемый, 有经验的 – опытный, 操心的 – заботливый, 有爱心的 – любящий, 耐心的 – терпеливый, 严格的 – строгий, 奉献的 – преданный, 有自我牺牲精神的 – самоотверженный,

权威的 – авторитетный, 有威望的 – престижный, 有名的 – известный, 学识渊博的 – знающий, 有才华的 – талантливый, 有水平的 – квалифицированный, 先进的 – прогрессивный, 创新的 – инновационный, 优秀的 – выдающийся, 好的 – хороший, 穷的 – бедный и т. д.

Очевидно, что большинство из них имеют положительные отзывы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Номинативное поле ЛКТ «учитель» в китайском языке, построенное в этой статье, от конкретного основного слоя к более абстрактному периферийному слою, позволяет дальше раскрыть понятийные составляющие ЛКТ «учитель». Иерархия ядра

номинативного поля состоит из 8 прямых номинаций учителей, включая ключевое слово 师 (ши) и его синонимы 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 教书匠 (цзяошущэнь), 教练 (цзяолянь), 教官 (цзяогуань), 师傅 (шифу) и 师父 (шифу).

Периферия делится на ближнюю и дальнюю. К ближней периферии относятся 8 метафор, обозначающих учителя: 人类灵魂工程师 (жэньлэй линхунь гунчэнши), 园丁 (юаньдин), 引路人 (иньлужэнь), 主播 (чжубо), 春蚕 (чуныцань), 蜡烛 (лачжу), 人梯 (жэньти) и 青椒 (цинцзяо). Состав дальней периферии классифицируется с точки зрения педагогического поведения учителей, предмета и среды, связанных с педагогической деятельностью учителей, объектов общения учителей, другой личности (статуса) учителей, оценки для учителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литры и языка, 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58. URL: http://www.lincon.narod.ru/happ_comps.htm
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007а.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007б.
5. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Vorkachev, S. G. (2001). Kontsept schastya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty = The concept of happiness: conceptual and figurative components. Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Liters and Language series, 60(6), 47–58. http://www.lincon.narod.ru/happ_comps.htm. (In Russ.)
3. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007a). Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka = Semantic-cognitive analysis of language: monograph. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
4. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007b). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow: ACT: East-West. (In Russ.)
5. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 (2016). 7版. 北京: 商务印书馆.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ма Лия

аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liya Ma

Postgraduate Student of Volgograd State Socio-Pedagogical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.02.2023
30.03.2023
30.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Гербовые девизы крестоносцев как особый тип средневекового креолизованного текста

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье на материале девизов рыцарских орденов эпохи Крестовых походов выявляется специфика гербовых девизов как особого типа средневекового креолизованного текста, заключающего в себе культурно значимую вербальную и невербальную информацию. Рассмотрены их структура, функции, содержание и роль в окружающем социуме. Девизы военно-монашеских Орденов госпитальеров, тамплиеров, лазаритов, Тевтонского Ордена и Ордена Святого Гроба Господня Иерусалимского изучены как особый феномен Средневековья с позиций лингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: гербовый девиз, креолизированный текст, военно-монашеские Ордены, нравственные стереотипы Средневековья, Крестовые походы

Для цитирования: Манухина А.О. Гербовые девизы крестоносцев как особый тип средневекового креолизованного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 53–58. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_53

Original article

Crusader Coat of Arms Mottos as a Special Type of Medieval Creolized Text

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

amanuhina@mail.ru

Abstract. Based on the material of the mottos of the Knights of the Crusades era, the article examines the specifics of the coat of arms mottos as a special type of medieval creolized text that combines culturally significant verbal and non-verbal information. Their structure, functions, meaning and role in the surrounding society are considered. The mottos of the military monastic Orders of the Hospitallers, Templars, infirmaries, the Teutonic Order and the Order of the Holy Sepulchre of Jerusalem have been studied as a special phenomenon of the Middle Ages from the standpoint of linguistics and linguoculturology.

Keywords: coat of arms motto, creolized text, military monastic orders, moral stereotypes of the Middle Ages, Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2023). Crusader coat of arms mottos as a special type of medieval creolized text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 53–58. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_53

*Nulla res est sub sole,
quae materiam Emblematis dare non possit
(Bohuslaus Balbinus, 1687)¹*

ВВЕДЕНИЕ

Первые гербы знатных родов Франции существовали еще в раннем Средневековье, при Каролингах, а именно при Карле Мартелле, в VIII веке, когда правителем стали выдаваться «военные бенефиции» воинам за службу с правом их наследования. Одновременно с формированием феодализма во Франции возникла потребность иметь «знаки, выделяющие индивидуумов, занимающих особое место в социальной системе, которые могут быть названы ранговыми знаками. Эти знаки выполняют определенную функцию – обозначают социальный статус индивидуума или определенной социальной группы» [Вилинбахов, 2003, с. 31]. Однако первые документальные свидетельства о гербах с девизами появляются только спустя почти четыреста лет после их возникновения. Первым таким изображением принято считать герб с эмалевой надгробной плиты Жоффруа Плантагенета, графа Анжу и Мэна, умершего в 1151 году. Первым европейским королем, создавшим свой личный герб в 1190 году, считается Ричард I Львиное сердце.

Во время Крестовых походов (с конца XI по XIII в.) использование гербов с девизами получило широкое распространение – зарождение геральдики связывают с вооружением крестоносцев. Во время своей экспедиции воины, целиком закованные в броню, со шлемом, закрывающим лицо, мало отличались друг от друга, и именно герб на щите, доспехе или шлеме служил главным опознавательным знаком с важной информацией о его владельце. Особую роль в гербе играл гербовый девиз.

Цель статьи – выявить специфику гербовых девизов крестоносцев, описать их типологические особенности, позволяющие рассматривать гербовые девизы как особый тип средневекового креолизованного текста.

Материалом статьи являются девизы, изображенные на гербах и печатах религиозных орденов крестоносцев, возникших в XII веке.

1. ГЕРБОВЫЙ ДЕВИЗ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВИСТИКИ

Девиз относится к текстовым жанрам, имеющим определенный набор сущностных признаков:

¹ Изречение, приписываемое историку королевских династий, монашеских и рыцарских орденов Богуславу Бальбину (1621–1688): «Нет вещи под Солнцем, которая не могла бы дать материал для эмблемы» (Прим. автора)

«универсальность, краткость, равнозначность действию, автономинативность (описывает себя), соответствие социально принятым отношениям, этикету, церемониалу» [Барышников, 2009, с. 7]. Будучи кратким изречением, часто аллегорическим, гербовый девиз выражал руководящую идею определенной деятельности и был призван воплощать дух герба и отражать духовную сущность его владельца. Девиз имеет «воздействующую (открытую и манипулятивную) и информирующую функции» [Барышников, 2009, с. 10]. Таким образом, в гербовом девизе по определению содержится оценочный компонент.

Герб и девиз представляли собой единый образ и смысловое целое. Поскольку в креолизованных текстах присутствуют «две негомогенные части, вербальная и невербальная» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180], в рамках статьи гербы рыцарей – крестоносцев рассматриваются как частный случай креолизованного текста эпохи Средневековья. В гербе как в сложном текстовом образовании сочетаются, переплетаются и взаимодополняются вербальная и невербальная информация, нацеленная на комплексное воздействие на адресата, и при отсутствии одной из составляющих невозможно целостное и адекватное восприятие герба.

Рыцарский герб крестоносцев – особый культурный феномен Средневековья. Гербовые фигуры часто имеют разные трактовки, и содержание аллегорического гербового девиза, заложенного его автором, может быть не понятно современному читателю, не знакомому со средневековыми геральдическими законами. Для верного толкования смысла и подтекста гербовых девизов крестоносцев нужно принимать во внимание историко-культурный контекст: правила поведения и мировосприятие рыцарей эпохи Крестовых походов, что именно составляло внутренний мир создателя герба.

2. ГЕРБОВЫЕ ДЕВИЗЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРДЕНОВ КРЕСТОНОСЦЕВ

Эпоха Крестовых походов ознаменовала появление нового явления в западноевропейском монашестве – рыцарских Орденов, которые со временем приобрели огромную военную и политическую мощь и материальные блага. Рассмотрим гербы с девизами наиболее известных рыцарских Орденов:

- 1) Орден госпитальеров (*l'Ordre hospitalier*, букв.: 'Странноприимный орден') существует с 1099 года, т. е. со времен завоевания Иерусалима Готфридом Бульонским

в ходе Первого крестового похода. Герб ордена изображал так называемый «лапчатый» белый крест на черном фоне (рис. 1) с латинским девизом «*Pro Fide, Pro Utilitate Hominum*» («За веру, на пользу людям»). Также известен более поздний девиз госпитальеров: «*Tuitio Fidei et Obsequium Pauperum*» («Защита Веры и помощь бедным»), который дошел до нашего времени как девиз Мальтийского ордена.



Рис. 1

Белый цвет в истории геральдики символизирует духовную чистоту, черный – благоразумие и смирение [Арсеньев, 1908, с. 130]. В обоих девизах сформулирован смысл существования госпитальеров – «служение Христу и господам бедным» [Ишимикли, 2006, с. 13]. *Obsequium Pauperum*, аксиологическое понятие, закрепленное в «собирательном уставе», нормативном документе Ордена на Латинском Востоке, в восприятии госпитальеров заключалось в особом рыцарском спиритуалитете (провозглашении себя «слугами бедных»), ставшем основной духовной жизни Ордена.

- 2) Орден Святого Гроба Господня Иерусалимского (*Ordo Equestris Sancti Sepulcri Hierosolymitani*), созданный, как и Орден госпитальеров, в 1099 году при Первом крестовом походе с целью обороны Святой земли, имел в качестве герба так называемый «Иерусалимский крест» или «крест паломника» (рис. 2), изображенный красным (так называемая геральдическая «червлень») – символ мужества и неустрашимости. Каждый элемент Иерусалимского Креста наполнен христианским смыслом. Наиболее древнее его толкование – четыре боковых креста символизируют гвозди, пронзившие тело Христа, а крест в центре означает непосредственно распятие.

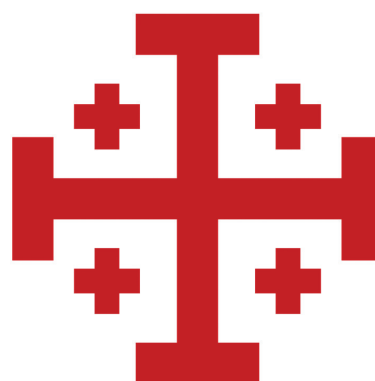


Рис. 2

Гербовый девиз «*Deus lo vult*» (буквальный перевод с народной латыни: «Так хочет Бог») восходит к боевому кличу крестоносцев Готфрида Бульонского. Устный девиз-призыв, в свою очередь, пошел от возгласов христиан во время проповеди папы Урабана II на Клермонском соборе в 1095 году, приведшем к Первому крестовому походу.

- 3) Первые упоминания об Ордене Святого Лазаря, изначально созданном как община для заразившихся проказой рыцарей (в Латинской империи лепра была распространенным смертельным заболеванием) относятся к 1098 году. Постепенно лепрозорий Святого Лазаря, из-за необходимости постоянного пребывания в нем больных рыцарей и знатности контингента, был преобразован в военно-монашеский Орден. Считалось, что лазариты участвовали в боевых действиях, начиная с 1187 года, то есть в эпоху Третьего крестового похода [Демурже, 2008]. На ордене изображен зеленый «лапчатый» крест на белом фоне с девизом на латыни «*Atavis et armis*» («Предкам и оружию») (рис. 3).



Рис. 3

«Лапчатая» форма креста указывала на связь Ордена с госпитальерами. Зеленый геральдический цвет креста означал надежду и духовную свободу.

Позднее к кресту герба был добавлен горностаевый мех как знак особой привилегии от сюзерена, символ власти. Девиз Ордена, часто изображаемый в виде палиндрома «AeA», перефразирует известное латинское выражение эпохи Древнего Рима «*vi et armis*» («силой оружия»), переосмысливая его с позиций средневековых культурных норм. Девиз Ордена Святого Лазаря смещает ценностные акценты, отсылая нас к добродетелям христианским (почитание предков, верность их заветам) и чисто рыцарским. Девиз намекает на отношение крестоносца к оружию, восходящее к эпическим героям *Chanson de geste*, которые «одушевляли» мечи и присваивали им имена, так как меч воплощал истинное служение, привязанность и любовь рыцаря.

- 4) Орден тамплиеров, официально именуемый Орден бедных соратников Христа и Храма Соломонова (*Pauperes commilitones Christi Templique Salomonici*), был основан в 1119 году, и наиболее древний вариант герба ордена представлял собой красный крест с расширенными концами (так называемый «крест тамплиеров») на белом или серебряном фоне и девизом на латинском «*Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*» («Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу») (рис.4)



Рис. 4

Рыцарь-тамплиер сражался в бою не по своей воле, а от имени Господа, дающего ему силы, и поэтому, в случае победы, вся слава принадлежала Богу. «Словами «*Deus vixit*» («Господь победил») современники описывают военные успехи участников похода» [Лучицкая, 2019, с. 25]. Латинский девиз тамплиеров является цитатой из Псалтири (Пс: 113, строка 9) и вербализует главную идею рыцарского служения, которая была сформулирована Святым Бернаром Клервоским и зафиксирована в уставе тамплиеров: безоговорочная преданность и служение рыцаря Богу как своему высшему сюзерену.

Помимо основного герба, тамплиеры имели свою особую печать с изображением двух

всадников на одном коне и девизом «*Sigillum militum Xpisti*» (печать воинов Христовых) (рис. 5). Интересно, что в данном девизе в написании имени Христа сочетается латинская (западноевропейская) и греческая (восточная) христианская традиции, что, с одной стороны, отсылает нас к символу, популярному в раннем христианстве, с другой – свидетельствует о знакомстве рыцарей с греческой, византийской культурой.



Рис. 5

Тот факт, что тамплиеры именовали себя «воинами Христа», соответствует устоявшимся ценностным нормам эпохи Крестовых походов: *miles Dei / miles Christi* впервые прозвучало в проповеди папы Григория применительно к армии крестоносцев. Понятие *miles Christi* отражало идею о главной миссии рыцаря-монаха – освобождение Святой Земли от неверных именем Господа.

- 5) Тевтонский духовно-рыцарский военный Орден (*Ordo Teutonicus* или *domus Theutonicorum*) возник в 1190 году во время Третьего крестового похода (по образцу более ранних Орденов госпитальеров и тамплиеров). Герб Тевтонского ордена эпохи Крестовых походов с латинским девизом «*Adiuvare – Sanare – Defendere*» («Помогать – Исцелять – Защищать») изображает черный крест на белом или серебряном фоне: в разных источниках можно видеть латинский крест (рис.6) или крест, повторяющий герб тамплиеров (рис.7) или Иерусалимский Крест (рис.8).

Рыцари Тевтонского ордена сознательно подчеркивали свою связь с первыми воинами-монахами, имитируя их символику. Лаконичный девиз вербализует главные христианские ценности крестоносцев и отражает духовную основу и смысл существования Ордена: заботиться о попавших в беду братьях, исцелять больных (изначально Орден был основан для лечения раненых рыцарей: *Fratrum Theutonicorum ecclesiae S. Mariae Hierosolymitanae* «Германское



Рис. 6

Рис. 7



Рис. 8

братство Святой Марии в Иерусалиме») и охранять завоеванный Иерусалим и Святую Землю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ гербовых девизов военных монашеских орденов эпохи Крестовых походов позволил сформулировать следующие выводы:

- 1) Гербовый девиз, являясь неотъемлемой частью средневекового герба, образует с ним единое целое, наполненное культурно значимыми смыслами. Поэтому представляется возможным рассматривать герб с девизом как частный случай креолизованного текста. По мнению ученых, замена текстов вербальных на креолизованные влечет за собой стереотипизацию сознания, что полностью соответствует культурным доминантам Средневековья и цели создания гербового девиза [Анисимова, 2003]. Жизнь рыцаря была строго регламентирована и ритуализирована – проявление индивидуальности не было типично для той эпохи. Я индивида растворялось в социуме / социальной группе, в данном случае, духовно-рыцарском военном Ордене.
- 2) Рассмотренные девизы являются по своей структуре словесными формулами, в содержании которых преобладает религиозно-идеологическая составляющая,

что также определяется нормами морали эпохи Крестовых походов. Во всех девизах подчеркивается сакральный характер власти: любая власть дана от Бога (как гласит знаменитая средневековая формула: *a Deo rex, a rege lex* – «от Бога король, от короля законы»). Бог руководит поступками рыцарей, и главная цель всех, кто состоит в Ордене – служение Богу и сюзерену как наместнику Бога на земле.

- 3) Главная воздействующая манипулятивная функция изученных девизов состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать образец для подражания и для воспитания идеального воина-монаха (*miles Dei / miles Christi*), с другой – создать образ элитарного союза, куда может попасть лишь избранный при соблюдении четко установленных правил. Данная цель была успешно достигнута, так как рыцари военно-монашеских орденов действительно составляли элиту европейского общества и стали «главной военной силой государств крестоносцев» [Лучицкая, 2019, с. 48].
- 4) Иконический компонент несет дополнительную информацию и усиливает воздействующую функцию девиза. Во всех рассмотренных гербах в основе лежит латинский крест (с учетом вариаций, присущих конкретному Ордену в определенный период), что акцентирует христианско-католическую духовную сущность Ордена, которая определяет его жизнь. Геральдические цвета (белый, черный, красный и зеленый), используемые в изученных гербах, означают главные добродетели рыцаря: духовную чистоту, благоразумие, смирение перед Богом, храбрость и надежду на обретение Царствия Небесного.

Со временем такой геральдический крест с типичными для него цветами стал отличительным знаком всех крестоносцев и впоследствии многих знатных семейств. Дальнейшее изучение духовного наследия крестоносцев, реализованного в гербовых девизах древних знатных родов Европы, его дальнейшая эволюция представляются малоизученным и перспективным направлением исследования, так как помогают выявить механизмы оценивания средневековыми людьми фактов своего прошлого и современной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика в России: Теория и практика: дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2003.
2. Барышников М. С. Семантика и прагматика девизов на монетах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
3. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функция. М.: Наука, 1990.
4. Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 годах. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908.
5. Ишимикли И. В. Орден госпитальеров: Становление и эволюция в контексте внутрицерковных отношений на Латинском Востоке в XII столетии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Нижний Новгород, 2006.
6. Демурже А. Рыцари Христа. СПб.: Евразия, 2008.
7. Лучицкая С. И. Крестовые походы. Идея и реальность. СПб.: Наука, 2019.
8. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.

REFERENCES

1. Vilinbahov, G. V. (2003). Gosudarstvennaya geraldika v Rossii: Teoriya i praktika = State Heraldry in Russia: Theory and Practice: Senior Doctorate in History. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Baryshnikov, M. S. (2009). Semantika i pragmatika devizov na monetah = Semantics and pragmatics of mottos on coins: abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
3. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnye funkciya = Creolized texts and their communicative function. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Arsen'ev, Yu. V. (1908). Geraldika. Lekcii, chitannye v Moskovskom Arheologicheskom Institute v 1907–1908 godah = Lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoj. (In Russ.)
5. Ishimikli, I. V. (2006). Orden gospital'erov: stanovlenie i evolyuciya v kontekste vnutricerkovnyh otnoshenij na latinskom vostokey XII stoletii = The order of the hospitallers: formation and evolution in the context of intra-church relations in the Latin East in the 12th century: abstract of PhD in History. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
6. Demurzhe, A. (2008). Rycari Hrista = Knights of Christ. St. Petersburg: Evraziya. (In Russ.)
7. Luchickaya, S. I. (2019). Krestovye pohody. Ideya i real'nost' = The crusades. Idea and reality. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
8. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovanny'x tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Akademiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
 заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor
 Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
 Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

17.05.2023
 21.06.2023
 22.06.2023

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication



О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств

А. Ю. Мелина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

mcshane97.pm@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает проблему лингвопрагматического воздействия на процесс «культуры отмены» – общественной ответственности публичных лиц за свои заявления или действия. При помощи методов контент-анализа, кейс-стади, а также научного эксперимента и исследования интернет-дискурса на примере публикаций периодических изданий и онлайн-извинений публичных лиц определяется возможность управления процессами «отмены» как в сторону их ослабления, так и в сторону усиления.

Ключевые слова: культура отмены, популярная культура, социолингвистика, социальные сети, медиалингвистика, прикладная лингвистика, лингвопрагматика

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Мелина А. Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 59–65. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59

Original article

Prospects of Impacting Cancel Culture with Linguistic Means

Alexandra Y. Melina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

mcshane97.pm@gmail.com

Abstract. The article discusses means of pragmalinguistical impact on cases of cancel culture, i. e. general accountability of public persons for their statements and actions. With content analysis, case studies and experiments as well as discourse study on mass media and online apologies the author entertains the possibility to control the process of “cancelling” with a view to both mitigate and exacerbate it.

Keywords: cancel culture, popular culture, sociolinguistics, social media, mediallynguistics, applied linguistics, pragmalinguistics

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of Moscow State Linguistic University (theme No. FSFU-2020-0020).

For citation: Melina, A. Y. (2023). Prospects of Impacting Cancel Culture with Linguistic Means. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 59–65. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59

ВВЕДЕНИЕ

Начиная со второй половины 2010-х годов вопрос «культуры отмены» – общественной ответственности публичных лиц за свои заявления или действия – постепенно обретал всё большую актуальность. Тем не менее, при изучении основных работ по этой тематике становится очевидным, что в первую очередь «культура отмены» рассматривается как уже свершившийся факт и анализируется как общественное явление, в котором физические и юридические лица могут быть только объектами, а не субъектами. Пока неисследованной остается перспектива управления самой «культурой отмены», смягчения или, наоборот, ужесточения последствий для ее объекта. Особый интерес представляет возможность осуществлять данный контроль с помощью языковых средств коммуникации.

Монографий, посвященных исключительно феномену «отмены», пока что мало, и в основном явление рассматривается только как составная часть интернет-коммуникаций и поляризации американского (реже западноевропейского) общества. По этой причине пристальное внимание уделяется материалам периодических изданий и интернет-СМИ (The Atlantic, Wired и т. д.), а также жанру онлайн-извинений от публичных лиц на платформах YouTube, Twitter и т. п.

Фактически впервые предлагается исследовать не то, как «культура отмены» влияет на людей, а то, поддается ли она управлению благодаря языковым средствам.

Исследование феномена «культуры отмены» и использования лингвистических средств для управления его последствиями обладает высокой значимостью в контексте существующих угроз и возможностей в политической, социальной и бизнес-сферах. В данных сферах вопрос общественного одобрения, поддержания положительного имиджа и контроля публичной реакции на негативные ситуации имеет особую важность, и даже одно событие локального масштаба при нужной огласке может повлечь за собой серьезные финансовые и репутационные потери.

Исследование поможет выявить, как можно контролировать масштаб и последствия кампаний «отмены» с помощью языковых средств. Для достижения этой цели в рамках исследования проведены:

- сравнительный анализ различных случаев «отмены», повлекших за собой серьезные последствия для их объектов;
- кейс-стади на примере двух или более случаев «отмены» со схожими поводами, но значительно различающимися последствиями,

а также на примерах двух случаев «отмены», в одном из которых незначительный повод привел к серьезным последствиям, а в другом серьезный повод к масштабным последствиям не привел;

- анкетирование с целью выявления взглядов и опыта различных демографических категорий, связанных с «культурой отмены»;
- эксперименты с целью выяснения реального поведения испытуемых в ситуациях, которые могут повлечь «отмену» того или иного лица.

Кроме того, представляется целесообразной региональная дифференциация разделов исследования, когда особое внимание уделяется Российской Федерации, США как месту зарождения явления, Европе и Республике Корея как наиболее влиятельным с культурной точки зрения регионам мира, имеющим при этом существенные различия в ценностях, неизбежно влияющие на процессы «отмены».

ЯЗЫК «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»: ОБЗОР НАУЧНОГО АППАРАТА И ГИПОТЕЗЫ

Как уже было отмечено во введении, тема «культуры отмены» недостаточно исследована в русскоязычном научном дискурсе. Кроме того, часто изученные по данному вопросу работы освещают проблему с определенной стороны, а именно со стороны «культуры отмены» как свершившегося факта, меняющего общество [Быков, Ахмедова, 2021]. Особый интерес для данной работы представляет статья Н. Фефелова [Фефелов, 2022], рассматривающая именно лингвистический аспект, в частности, различные варианты перевода термина *cancel culture* на русский язык с учетом специфики явления. Другим перспективным направлением видится компаративный анализ, выделяющий различия между «отменой» в России и за рубежом и рассуждения о том, возможно ли в России создание института репутации [Киселева, Муромская, 2020] и реальных последствий для публичных лиц. Также в русскоязычном дискурсе понятие «культуры отмены» тесно связано с «новой этикой» – термином, не имеющим устоявшегося определения, чаще всего обозначающим свод правил, предназначенных для того, чтобы избежать обвинений в харассменте и напоминающим российский аналог движения #MeToo, заключающегося в обвинении публичных лиц в эпизодах сексуального, реже психологического насилия [Горшенина, Слуцкая, Тегаева, 2020].

Работы зарубежных авторов хотя и прорабатывают тему «отмены» с разных углов, рассматривая ее на стыке социологии, психологии, журналистики и политики, всё еще недостаточно освещают

ее лингвистический аспект. Кроме того, в то время как российский дискурс, хотя и поверхностно, но рассматривает «отмену» как самостоятельное явление, англоязычный дискурс в такой самостоятельности ей часто отказывает, неразрывно связывая «отмену» либо с растущей ролью социальных сетей [Alvarez Trigo, 2020], либо с поляризацией общества [Bhat, Klein, 2020], либо с увеличением склонности общественных институтов придерживаться леволиберальной политической повестки [Lukianoff, Haidt, 2020].

Значительной проблемой освещения «культуры отмены» является высокая степень политической ангажированности исследователей. В американской и англоязычной среде выбор стоит между крайне левыми исследователями и изданиями, часто даже отказывающимися использовать термин «культура отмены» и предпочитающими говорить о «культуре последствий»¹, поддерживая ответственность публичных лиц перед общественностью с одной стороны и правыми медиа и авторами, осуждающими явление «отмены» как проявление моральной слабости [Vogels et al., 2021] и ментальности толпы, а также эрозию презумпции невиновности [The free speech wars ... 2021], с другой стороны. Русскоязычный дискурс более односторонен и придерживается взгляда на «отмену» как на уникальное явление американского общества, подвергающее людей остракизму за незначительные проступки. В этом исследовании будет предпринята попытка рассматривать «культуру отмены» не через призму политических убеждений автора, а с точки зрения лингвопрагматики и возможности лучше изучить и контролировать явление благодаря языковым средствам.

Ввиду того, что явление «культуры отмены» стало частью общественного дискурса всего несколько лет назад, его единое определение еще не сформировано. В рамках исследования под «культурой отмены» будет подразумеваться следующее:

«Культура отмены» – систематическое (1) привлечение публичных лиц (2) к ответственности за их высказывания и действия, (3) берущее начало среди народных масс (4) и приводящее к значительным финансовым, репутационным, личным и иным потерям (5) для этих публичных лиц.

Как можно увидеть по отметкам в определении, феномен «культуры отмены» складывается из пяти факторов:

1. Системность явления. Единичные случаи привлечения публичных лиц к ответственности существовали и раньше, однако по-настоящему массовый характер явление приобрело, начиная с 2010-х годов.

2. Объект «отмены» – публичное лицо. Речь идет о людях и компаниях, имеющих значительный социальный капитал.
3. Ответственность наступает за высказывания и действия. Случаи, когда «отмена» происходила из-за молчаливой поддержки, крайне редки. Для того чтобы подвергнуться «отмене», человек или компания должны совершить осознанное действие, либо сделать заявление.
4. Начало среди широкой общественности. Реакция деловых партнеров и работодателей и круга общения может стать результатом «отмены», однако первичным является широкое и активное общественное осуждение.
5. Реальные потери для объекта «отмены». Именно это, на взгляд авторов, позволяет отделять call-out culture от cancel culture. Первая не влечет за собой реальных потерь и представляет не более чем общественную дискуссию. Вторая же заканчивается для объекта реальными убытками. Это могут быть потери финансовые как в случае Регины Тодоренко², репутационные, как это произошло с Эллен ДеДженерес³, либо личные, к примеру, в случае Харви Вайнштейна⁴. В крайней своей мере издержками «отмены» является уголовная ответственность, как это было с вышеупомянутым Вайнштейном.

Хотя предметом исследования и является «культура отмены» как систематическое явление, интерес также представляют отдельные случаи «отмены», происходившие до появления термина. При рассмотрении отдельных кейсов отбирались только те, которые либо соответствовали Критериям 2–5, либо как пример несостоявшейся «отмены» не привели к исполнению Критерия 5 при соблюдении Критериев 2–4. Также стоит отметить, что Критерий 3, требующий, чтобы ответственность публичного лица следовала именно за собственные

² В 2020 году телеведущая Регина Тодоренко осудила знаменитостей, публично признающихся в пережитом домашнем насилии, задав им риторический вопрос «А что ты сделала, чтобы он тебя не бил?». В результате бренды J7 и Pampers разорвали рекламные контракты с ней.

³ Дневное ток-шоу Эллен ДеДженерес успешно шло на американском телевидении в течение 17 лет, получив 61 награду «Эмми», однако после обвинений в злоупотреблениях со стороны ведущей на съемочной площадке было закрыто в течение двух лет, потеряв за это время более миллиона зрителей.

⁴ В октябре 2017 года, вскоре после того, как несколько десятков женщин обвинили голливудского продюсера Харви Вайнштейна в сексуальном насилии, его жена Джорджина Чапман объявила о разводе пары. В 2020 году суд приговорил Вайнштейна к 23 годам лишения свободы.

¹ URL: <https://www.newsweek.com/levar-burton-defends-cancel-culture-says-it-should-called-consequence-culture-1586506/>

высказывания и действия, не обязательно подразумевает, что такие действия связаны с нарушением закона и даже с негативно окрашенными поступками. Случаи «отмены» происходят даже если поступок или заявление являются нейтрально окрашенными, но конфликтующими с ценностями целевой аудитории знаменитости или бренда.

Мы предполагаем, что на масштаб и последствия кампаний «отмены» можно влиять с помощью языковых средств, причем как в случае, когда кампанию необходимо замять, так и в случае, когда ее необходимо усилить в борьбе с политическим или бизнес-конкурентом.

В ходе исследования будет изучено, какими способами это можно сделать с опорой на эмпирические данные из реальных случаев сработавших и несработавших кампаний «отмены». В частности, будет проверено, насколько эффективны следующие действия:

Для снижения масштабов кампании:

1. Позволить людям чувствовать власть, давая понять, что общественное давление имеет значимый эффект на объект «отмены».
2. Показать несоразмерность повода и последствий, обратив внимание на то, что негативные последствия непропорционально велики для поступка.
3. Отказаться от акцента на свободе слова, который воспринимается англоязычным сегментом соцсетей как опознавательный знак крайне правых политических движений.
4. Правильно составить публичные извинения, фокусируясь не на эмоциональном состоянии объекта «отмены», а на осознании того, как и кому могли навредить его действия и высказывания.
5. Создать объекту имидж, к которому будет подходить осуждаемое деяние, чтобы смягчить реакцию общественности за счет предсказуемости поступка.
6. Выбрать тактику молчания, отказавшись от появлений на публике и комментариев по теме.
7. Отказаться от оправданий через аффилиацию и использования случаев «отмены» для продвижения личных проектов и идей.

Для увеличения масштабов кампании:

1. Подчеркивать отдельные порицаемые слова и действия, а не картину в целом для создания у публики более сильной негативной реакции.
2. Создавать определенные «якоря» как сильные ассоциации с объектом «отмены» для того, чтобы кампания «отмены» произвела

более стойкое впечатление на общество. Эффект от такой тактики зачастую бывает настолько велик, что владельцы соцсетей меняют алгоритмы блокировки комментариев для борьбы с ним (так, например, стала возможной автоблокировка эмоджи змеи в комментариях к постам певицы Тейлор Свифт во время попытки ее «отмены» в 2016 году¹).

3. Дополнять серьезные ошибки неприятными мелкими проступками, чтобы образ объекта «отмены» сместился от человека, однажды совершившего ошибку, до человека, систематически формирующего негативное мнение о себе.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

Ключевым атрибутом эксперимента будет являться работа с группой испытуемых, не знающих, что исследование посвящено «культуре отмены» для проверки того, как разные языковые средства формируют их мнение о том или ином публичном лице.

В ходе этого эксперимента испытуемые не знают, что работают над исследованием по «культуре отмены». По легенде они участвуют в эксперименте по психолингвистике.

Изначальная группа испытуемых, состоящая примерно из 100 человек, заполняет анкеты для изучения их взглядов. Проверяется, насколько они разделяют идеи «культуры отмены». К примеру, в одном из блоков анкет перечисляются различные социально порицаемые действия и предлагается оценить свою реакцию на человека, который их осуществляет по шкале, где 1 – «поддержку этого человека реальными действиями», 8 – «предприму реальные действия для того, чтобы привлечь этого человека к ответственности». На основании ответов среди испытуемых выделяются «радикалы» – те, чей средний балл по результатам анкетирования ближе к 8, «умеренные» – со средним баллом около 4 и «нонконформисты», чей средний балл близок к единице.

Далее испытуемые разделяются на три подгруппы по 33 человека в каждой. При этом соотношение «радикалов», «умеренных» и «нонконформистов» в каждой из групп должно быть примерно одинаковым. В каждой из трех групп испытуемым предлагают выбрать одного из десяти «напарников», которому они будут подробно описывать свое эмоциональное состояние, а те, в свою очередь, будут

¹ URL: <https://www.teenvogue.com/story/taylor-swift-deleted-snake-emoji-instagram-comments>

оценивать язык, который они при этом используют. Одним из обязательных условий является личная встреча с напарником в конце недели для обсуждения результатов. Испытуемым сообщают, что за каждый раз, когда напарник оказывается выбран для совместной работы, он получает денежное вознаграждение. Тот, кого выберет наибольшее количество испытуемых, получает также карьерное / академическое поощрение: к примеру, постоянную прибавку к зарплате, либо «автомат» по ключевому предмету.

В реальности же напарников не существует, а предложенные испытуемым фото сгенерированы нейросетью.

Первой группе сообщаются различные социально порицаемые сведения о каждом напарнике под предлогом того, что они должны знать, какому человеку доверяют мониторить свое эмоциональное состояние. Характер сведений варьируется от незначительных проступков до уголовных преступлений, причем каждый из поступков перекликается с реальным кейсом «отмены» в России или за рубежом. При этом каждый поступок описывается резко негативно вне зависимости от его тяжести.

Второй группе также сообщаются подобные сведения, но в этом случае речь идет о том, что несколько напарников, по сути, совершили одно и то же социально порицаемое действие, однако для одного напарника оно описывается негативно окрашенными фразами, для другого – эвфемизмами и смягченными формулировками, а для третьего описывается иносказательно, на первый взгляд, нейтрально либо положительно.

Третья группа – контрольная – получает фотографии напарников и их имена без какой-либо дополнительной информации. Все три группы сохраняют возможность покинуть эксперимент, о чем им сообщается в том же письме, где предлагается выбрать напарника. Там же им предлагается сообщить руководству эксперимента, если что-то в его процессе вызывает у них беспокойство. Также внутри каждой группы все участники знают друг о друге и могут свободно общаться. Внутри каждой группы есть помощник исследователя, сообщающий о коммуникациях в группе.

По результатам эксперимента ожидается получить ответы на следующие вопросы:

1. В каких случаях «радикалы» оказываются готовы к тем реальным действиям, о которых они объявили в анкете?
2. В каких случаях «умеренные» и «нонконформисты» отходят от декларируемых взглядов и приближаются по паттерну своих действий к «радикалам»? Какую роль в этом процессе играет массовая коммуникация?

3. Будут ли во второй группе более популярны напарники, о чьих проступках испытуемым сообщили в более мягких формулировках?
4. Какой процент испытуемых в группах 1 и 2 откажется от участия в эксперименте вообще?
5. Какие возражения и беспокойства будут выражены в группах 1 и 2 при ознакомлении с профилями напарников?
6. Есть ли связь между языковыми и неязыковыми факторами при принятии решения? К примеру, если речь идет о насильственном преступлении в группе 2, возможно ли, что сдержанный язык повысит популярность напарника-женщины, однако никак не поможет напарнику-мужчине?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появившись относительно недавно, «культура отмены» уже успела стать многогранным явлением, которому на данный момент посвящено не так много русскоязычных работ. Существующие представления о процессе остаются недостаточными с научной точки зрения: «отмена» видится либо инструментом восстановления справедливости, либо показателем моральной слабости перед натиском толпы, либо символом гиперфиксации на политкорректности той части света, которую в российской политологии принято называть «коллективным Западом». Однако при более детальном рассмотрении становится ясно, что «культуре отмены» можно противостоять, и не всякое публичное недовольство может и будет приводить к реальным потерям для того, кому оно адресовано. Мы предполагаем, что, как и любым социальным явлением, «культурой отмены» можно успешно управлять как превентивно – избегая попадания в список ее жертв – так и постфактум – смягчая ее последствия и успешно восстанавливая собственную карьеру и репутацию.

Предположительно, результаты кейс-стади продемонстрируют, что языковые средства играют в этом значимую роль, формируя общественное мнение и реакцию не в меньшей степени, чем это делают сами поступки и высказывания, а эксперимент подтвердит, что даже людей с жесткими убеждениями можно в той или иной степени контролировать, направляя их с помощью различных способов подачи информации, используя лингвистические инструменты воздействия.

Исследование представляет пользу для развития прикладной лингвистики, в первую очередь лингвопрагматики, показывая возможности языкового воздействия на относительно новое, но

активно набирающее обороты явление. Кроме того, оно станет важным опорным материалом и руководством к действию для публичных лиц в сфере медиа и работающих над их имиджем PR и SMM-специалистов, а также представителей

бизнеса, в особенности сферы маркетинга и высшего менеджмента. Также исследование будет полезно политикам и политтехнологам для построения успешной карьеры в эпоху «культуры отмены».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быков И. А. Ахмедова Ю. Культура отмены и персонификация политического дискурса // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. №1. С. 15–26.
2. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144.
3. Киселева А. Э., Муромская А. В. Cancel culture и институт репутации в России // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 585–588.
4. Горшенина Н., Слуцкая Ю., Тегеева К. Открытый вопрос: гайд по миру «новой этики». М.: Litres, 2020.
5. Alvarez Trigo L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. In: PopMeC Research Blog. Published 2020, Sept. 25. URL: <https://www.researchgate.net/publication/344512933>.
6. Bhat P., Klein O. Covert Hate Speech: White Nationalists and Dog Whistle Communication on Twitter. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
7. Lukianoff G., Haidt J. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. N.Y.: Penguin Publishing Group, 2020.
8. Vogels E. A. et al. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // Pew Research Center. 2021, May 19. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19>.
9. The free speech wars: How did we get here and why does it matter / Riley C. L. (ed). Manchester: Manchester University Press, 2021.

REFERENCES

1. Bykov, I. A., Ahmedova, Ju. (2021). Cancel culture in the political discourse of modern Russia. Vestnik KBSU: Journalism. Education. Languages, 1(1), 15–26. (In Russ.)
2. Fefelov, A. F. (2022). The Discourse around Cancel Culture as an Object of Lingocultral and Translation Analysis: Logic vs "Logic". NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20(1), 126–144. (In Russ.)
3. Kiseleva, A. Je., Muromskaya A. V. (2020). Cancel culture i institut reputacii v Rossii = Cancel culture and the institute of reputation in Russia. Young Scientist, 48(338), 585–588. (In Russ.)
4. Gorshenina, N., Sluckaja, Ju., Tegaeva, K. (2020). Otkrytyj vopros: gajd po miru «novoj jetiki» = Open question: a guide to the world of "new ethics". Moscow: Litres. (In Russ.)
5. Alvarez Trigo, Laura. (2020). Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters in PopMeC Research Blog.
6. Bhat, P., Klein, O. (2020). Covert Hate Speech: White Nationalists and Dog Whistle Communication on Twitter. Cham: Palgrave Macmillan.
7. Lukianoff, G., Haidt, J. (2018). The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York: Penguin Publishing Group.
8. Vogels, E. A. et al. (2021). Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment. Washington, D. C.: Pew Research Center.
9. Riley, C. L. (ed.). (2021). The free speech wars: How did we get here and why does it matter. Manchester: Manchester University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мелина Александра Юрьевна

аспирантка кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики

младший научный сотрудник экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melina Alexandra Yuryevna

Postgraduate student at Applied and Experimental Linguistics Department

Junior Researcher at Experimental Phonetics and Forensic Linguistics Laboratory

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.05.2023
20.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81-139:003
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66



Семиотические основания риторического декодирования текста

Л. А. Морина (Голышкина)

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
Ludmila200273@mail.ru*

- Аннотация.** В статье представлены семиотические основания риторического декодирования – концепции, реконструирующей механизмы текстообразования в фокусе оценки их эффективности. Ключевым понятием исследования является риторический текстотип как прототип эффективного текста, выступающий в семиотических функциях кода и метакода как инструмента декодирования. Рассматриваются знаковая ситуация риторического декодирования и ее составляющие. Выявлена метасемиотическая природа риторического декодирования текста.
- Ключевые слова:** риторическое декодирование текста, текстообразование, семиозис, метасемиозис, риторический текстотип, код, метакод, знаковая ситуация, эффективность
- Для цитирования:** Морина (Голышкина) Л. А. Семиотические основания риторического декодирования текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 66–72. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66

Original article

Semiotic Foundations of Text Decoding Rhetoric

Lyudmila A. Morina (Golyshkina)

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Ludmila200273@mail.ru*

- Abstract.** The article presents the semiotic foundations of decoding rhetoric, which is the concept of the reconstruction of text formation mechanisms in the focus of evaluating their effectiveness. The key concept of the study is the rhetorical text type as a prototype of an effective text, acting in the semiotic functions of the code and metacode as a decoding tool. The sign situation of decoding rhetoric and its components are described. The metasemiotic nature of text decoding rhetoric is revealed.
- Keywords:** text decoding rhetoric, text formation, semiosis, metasemiosis, rhetorical text type, code, metacode, sign situation, effectiveness
- For citation:** Morina (Golyshkina), L. A. (2023). Semiotic Foundations of Text Decoding Rhetoric. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 66–72. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66

ВВЕДЕНИЕ

Концепция риторического декодирования текста (далее РДТ – Л. М.) возникает как реакция на современные информационно-коммуникационные вызовы, воплощающие стратегию «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [Baudrillard, 1981, с. 119]. Сегодня коммуникативная ситуация, вовлекающая человека в непрерывный событийный поток, «способствует ускользанию информационных смыслов, информационному разыгрыванию и информационному насилию» [Мальковская, 2005, с. 13]. В таких условиях обостряется потребность в переосмыслении содержания и формы мультиплицируемых сообщений, в установлении корреляций между означаемым и означающим, что обуславливает актуальность подключения семиотического методологического инструментария к лингвокоммуникативным исследованиям.

Цель статьи состоит в разработке и представлении семиотических оснований РДТ – концепции, выявляющей текстообразующий замысел субъекта речи в фокусе категории эффективности коммуникации.

Источником понятия «риторическое декодирование» становится стилистика декодирования, основанная сначала М. Риффатером, а затем развитая на отечественной почве И. В. Арнольд [Riffaterre, 1964, с. 316; Арнольд, 2002, с. 17]. Но если фокус стилистики декодирования направлен «на идейные и эстетические ценности литературного произведения параллельно с получением лингвистической информации» [Арнольд, 2002, с. 33], то риторическое декодирование нацелено на реконструкцию механизмов текстообразования, оцениваемых с позиции их коммуникативно-речевой эффективности.

Продуктивным источником риторики декодирования выступает и разработанная П. Я. Гальпериным и его последователями (А. А. Леонтьевым, А. И. Подольским, Н. Ф. Талызиной и др.) теория ориентировочной деятельности субъекта [Гальперин, 2007]. РДТ берет на вооружение ключевое понятие «ориентировочная основа действия» (П. Я. Гальперин, Н. С. Пантина), которое трансформирует в идею текстоформирующего образца, определяющего и регулирующего как кодирование, так и декодирование.

РДТ аксиоматически признает знаковую природу текста. «Знаковый характер текста вытекает уже из самого определения знака как двусторонней сущности. <...> Вычленение двух планов – плана выражения и плана содержания – в знаке... стало решающим при определении феномена текста» [Земская и др., 2010, с. 83–84].

В типологии знаковых систем, предложенной Ю. С. Степановым, РДТ фокусирует свое внимание на IX из X рубрик шкалы семиотичности, связанной со структурными уровнями языка, которые обладают следующими семиотическими свойствами: «означающее и означающее сближаются: означающее – общие отношения в системе языка, а означающее (запись) – форма этих отношений; знак абсолютно выделим» [Степанов, 1998, с. 92].

Выделимость знака свидетельствует о возможности его объективации в русле умозаключения У. Эко: «найти код – это значит теоретически постулировать его» [Эко, 2004, с. 83]. Однако В. М. Розин, объясняя сущность стратегии семиотического исследования, отмечает сосуществование различных трактовок самого понятия «код» в научной практике. Сегодня «код понимается как семиотический метод анализа структур и как сама семиотическая структура, но часто и как структура восприятия» [Розин, 2001, с. 121].

В РДТ такое расширительное понимание кода преодолевается различением двух взаимообусловленных ментальных процессов – кодирования и декодирования, где код задает существование метакода. Соответственно, в контексте РДТ требуется решение следующих задач: 1) определить сущность текстообразующего кода и декодирующего метакода; 2) описать знаковую ситуацию РДТ; 3) обосновать метасемиотический характер РДТ как поискового процесса.

РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТОТИП КАК КОД И МЕТАКОД

Идея кода традиционно связывается с теорией текстообразования, в которую внесла и вносит свой вклад риторика. Так, Р. Барт, рассуждая о транслингвистике, главная задача которой, по мнению ученого, заключается в изучении референции, связанной с выдвижением на первый план контекста, или ситуации, указывает на ее предшественницу – риторику, которая «в течение многих столетий ставила перед собой ту же задачу – фиксацию (правда, сугубо нормативную) речевого кода (code de la parole)...» [Барт, 2001, с. 174].

В рамках РДТ фиксация кода заменяется его распознаванием: создается ситуация, когда риторический код декодирующего как нормативный образец встречается и соотносится с текстообразующим кодом продуцента, что создает предпосылки для формирования методологии лингвистической реконструкции текстообразования.

Традиционно под кодом с опорой на семиотическое наследие Ч. С. Пирса понимают «знак, приписываемый объекту по соглашению, безотносительно

к наличию или отсутствию общих с объектом характеристик» [Гринев-Гриневич, Сорокина, 2014, с. 86].

Мы, не вступая в противоречие с классической теорией семиотики, но экстраполируя ее на текст как «семиотический организм» (В. М. Розин), исходим из конвенционального признания того, что актуализация риторического кода обеспечивает такое качество текстообразования, результатом которого становится эффективный текст. В ситуации кодирования эффективность понимается как потенциальная способность текста к установлению баланса между реализованными свойствами риторичности и целеполаганием продуцента.

Отметим, что интерес к так называемому идеальному тексту традиционно культивирует и теория текста, считая его предметом своего изучения [Москвин, 2012, с. 45].

В РДТ идея кода воплощается в риторическом текстотипе, или ментальном тексте-образце, представляющем собой когнитивную прототипическую структуру, которая аккумулирует представления о текстовой эффективности [Морина (Голышкина), 2022]. Аргументом в поддержку трактовки кода как текстотипа выступает функционально-прагматическая концепция текста А. Г. Баранова, краеугольным камнем которой является понятие текстотипичности, которая зиждется на обуславливающей текстопостроение когнитивной компетенции продуцента как метапринципе семиозиса [Баранов, 1993; Баранов, 1997].

Риторический текстотип задается и регулируется моделью коммуникативного контекста, в частности структурой коммуникативного акта, что создает условия для создания эффективного текста, обладающего следующими параметрами риторичности: диалогичностью как следствием авторства и адресности, публичностью, аргументированностью, выступающей фундаментом персуазивности, актуальностью, акциональностью, технологической осознанностью [Голышкина, 2020, с. 163].

Последнее свойство предполагает следование риторическому канону как технологии создания эффективного текста, включающей инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы, которые отражают универсальный идеоречевой цикл, фиксирующий движение «от мысли к слову» [Безменова, 1991, с. 43].

Каждый этап риторического канона имеет свою целеустановку. Так, инвенция призвана разработать содержательно-смысловой сценарий текста, создать его семантический каркас, диспозиция – структурно упорядочить содержательно-смысловые компоненты текста, выстроить его композицию, элокуция – вербализовать текстовый конструкт, сформированный предыдущими этапами, путем осмысленной

селекции и комбинации языковых средств, наиболее точно воплощающих замысел продуцента. Иначе говоря, риторический канон задает три базовых аспекта текстопостроения: содержательный, формальный и функциональный.

С позиции семиотического осмысления канон представляет собой такую технологическую структуру, где трихотомия «инвенция – диспозиция – элокуция» коррелирует с предложенными Ч. У. Моррисом измерениями семиозиса – семантикой, изучающей отношения знаков к их объектам, синтактикой, устанавливающей отношения знаков друг к другу, и прагматикой, предмет исследования которой – отношение знаков к интерпретаторам [Моррис, 1998а].

Таким образом, моделирование текста риторического типа представляет собой процедуру вторичного семиотического означивания, обусловленного знаковой природой ментального текста-образца, базирующегося на структуре риторического канона.

Трактовка риторического текстотипа как текстообразующего кода получает верификацию посредством обращения к семиологической концепции У. Эко, в которой код определяется как «структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря тому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 2004, с. 84]. Именно такая трактовка кода, связанная с пониманием его как ментальной текстообразующей модели, воспроизводимой в речевой практике, и воплощается в риторическом текстотипе-образце.

В идеале владение риторическим кодом как ментальным ориентиром позволяет продуценту создавать те самые «конкретные сообщения», способные к воздействию эффекту. Однако успешное воспроизведение риторического текстотипа – сложный процесс, обусловленный текстовыми компетенциями продуцента, типом дискурса, спецификой коммуникативной ситуации, выбранным жанром, корректирующим текстопорождение, и т. п. Иными словами, активация риторического кода связана не с любой мыслеречевой деятельностью, а с практикой осознанного текстообразования, нацеленной на результативность.

Положение о том, что «благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым» [там же, 2004, с. 66], способствует признанию риторического текстотипа как инструмента РДТ, диагностирующего конгруэнтность вербальных экспликатов (означающего) и риторических текстообразующих стратегий, актуализующих параметры текстовой эффективности (означаемого). Иначе говоря, использование декодирующим риторического кода формирует условия

для выявления механизмов и установления закономерностей эффективного текстообразования. Практика декодирования основывается на принципе отражения схемы кодирования, выступает своего рода надстройкой над процедурами текстообразования, что позволяет трактовать *риторический текстотип* как *метасемиотический конструктор*, или *метакод*.

ЗНАКОВАЯ СИТУАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Любое семиотическое исследование не может обойтись без реконструирования знаковой ситуации. Обращение к учению о знаках Ч. С. Пирса позволяет рассматривать знаковую ситуацию как триадическое сосуществование знака, объекта и интерпретанты. «Знак, или *репрезентамен*, это нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме того человека равноценный знак или, возможно, более развитый знак. Тот знак, который он создает, я называю *интерпретантой* первого знака. Далее знак что-то обозначает, – именно свой *объект*» [Пирс, 2000, с. 177].

Особое внимание исследователи уделяют такому компоненту знаковой ситуации, как интерпретанта, который периодически подвергается дискуссионным толкованиям. Так, Ч. У. Моррис определяет интерпретанту как «предрасположенность к определенной реакции (*X*) на определенный вид объекта (*Y*)» [Моррис, 19986, с. 117].

По мнению У. Эко, перспективным видится понимание интерпретанты как иного способа представления того же самого объекта. Далее исследователь приходит к заключению о запуске с помощью интерпретанты непрерывного процесса семиозиса. Так, «чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак, и т. д.» [Эко, 2004, с. 67]. Точка зрения У. Эко объективирует метасемиотическую природу интерпретанты, которая определяется потребностью знака в нескончаемой интерпретации как условия его семиотического существования. Не случайно в видении Н. А. Лукьяновой, переосмысляющей учение Ч. С. Пирса, «интерпретанта – своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации» [Лукьянова, 2012, с. 192].

Рассмотренные трактовки интерпретанты последовательно дополняют друг друга, объединяясь

вокруг концептуального положения о динамичности знака, непременно погруженного в контекст восприятия.

Поскольку процесс декодирования неразрывно связан с представлением о кодировании, реконструируем в первую очередь знаковую ситуацию создания текста риторического типа, которая проливает свет на семиотику декодирования.

Так, при кодировании репрезентативом как конкретным знаком, участвующим в коммуникации, выступает текст. Объектом, в данном случае мысли, становится риторический текстотип как ментальная репрезентация, как прототип будущего текста, способного выступать действенным инструментом коммуникации. Интерпретанта как результат действия знака может трактоваться как предрасположенность текста оказывать персуазивно-перлокутивный эффект путем актуализации параметров риторичности (диалогичности, публичности, персуазивности, аргументативности, актуальности, акциональности, технологической осознанности) (Рис. 1). При этом укажем, что данная знаковая ситуация будет жизнеспособна только в том случае, если интерпретатору, или продуценту, в той или иной степени известен объект. Именно поэтому материалом РДТ становятся в первую очередь тексты профессиональной публичной коммуникации – политической, публицистической, научной, просветительской, религиозной и т. п., продуценты которых обладают текстовой компетентностью, осознают воздействующий и регулятивный потенциал текста.



Рис. 1. Знаковая ситуация кодирования

В ситуации декодирования мы реализуем принцип семиотического отзеркаливания. Здесь репрезентативом выступает риторический текстотип, актуализация которого обеспечивает поисково-аналитическую деятельность декодирующего. При этом объектом декодирования является, безусловно, текст. Интерпретанта связывается с системой параметров риторического текстотипа, обуславливающих возможности выявления воздействующего

потенциала текста-объекта и создающих условия для верификации гипотез интерпретатора (Рис. 2). Иначе говоря, риторичность есть основание диагностирования текстовой эффективности.



Рис. 2. Знаковая ситуация декодирования

Таким образом, определение конститuentов знаковой ситуации декодирования вносит вклад в определение семиотических границ между порождением текста и рефлексией о его порождении, что обостряет потребность включения в семиозис как минимум фигуры интерпретатора.

РИТОРИЧЕСКОЕ ДЕКОДИРОВАНИЕ ТЕКСТА КАК МЕТАСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Предложенное выше понимание знаковой ситуации декодирования создает обоснованные предпосылки для расширения состава ее элементов путем обращения к семиотической концепции Ч. У. Морриса. Ученый рассматривает семиозис «как пятичленное отношение – V, W, X, Y, Z – в котором V вызывает в W предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y) (который, следовательно, не действует как стимул) при определенных условиях (Z). В случаях, где существует это отношение, V есть *знак*, W – *интерпретатор*, X – *интерпретанта*, Y – *значение* [означивание, сигнификация (signification)], а Z – *контекст*, в котором встречается знак» [Моррис, 19986, с. 117]. Включение в знаковую ситуацию позиций W и Z актуализирует такие знаковые свойства, как восприимчивость и динамичность.

В концепции РДТ в качестве знака V мы, продолжая следовать триадичной логике «объект – репрезентант – интерпретанта», рассматриваем риторический текстотип, который есть код эффективного текстообразования. Интерпретатором W в РДТ выступает декодирующий как включенный в процессы понимания и интерпретации субъект. Предрасположенность к воздействию эффекту, обеспечиваемому параметрами

риторического текстотипа, связывается с интерпретантой X . В качестве объекта Y выступает подлежащий декодированию текст, сигнифицирующий идею эффективности. При этом диагностирование результативности текста опирается на реконструкцию инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, коррелирующих с тремя измерениями семиозиса – семантикой, синтактикой и прагматикой. Контекстом Z для актуализации риторического текстотипа выступают ситуации групповой или массовой коммуникации, где как раз и оказываются востребованными тексты риторического типа.

Особенность рассмотренного семиотического процесса заключается в приписывании риторическому текстотипу не просто статуса знака, но кода, вскрывающего механизмы создания текстовой эффективности, что свидетельствует о метасемиотической природе ментального текста-образца. По сути, идея метакодности / метазнаковости как способности знака представлять знаки другого кода-объекта выступает концептуальным основанием РДТ и позволяет трактовать сам процесс декодирования как метасемиотический.

Наши рассуждения о метасемиозисе РДТ находят поддержку в семиотических исследованиях в области информатики и управления, где метазнак, или метауровень знаковой системы, рассматривают «как некоторую управляющую систему над знаковой системой (фрагментом сети знаков), оценивающую ее текущее состояние и предлагающую действия, направленные на ее изменение» [Кулинич, 2016, с. 8–9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные семиотические основания концепции РДТ сводятся к следующим положениям:

1. Ментальный текст-образец как прототипическая структура представления знания в ситуации текстопорождения есть код, обеспечивающий возможность создания эффективного текста, в ситуации декодирования – метакод, позволяющий реконструировать механизмы текстообразования и осуществлять аналитическую рефлексию о модели коммуникативного контекста продуцента и о текстовом персуазивно-перлокутивном потенциале. При этом семиотическая природа риторического текстотипа определяется тремя измерениями – семантическим, синтактическим и прагматическим, что получает объективацию в соответствующих текстообразующих стратегиях – инвентивной, диспозитивной, элокутивной.

2. Знаковая ситуация РДТ в ее базовом представлении в качестве семиотического объекта

рассматривает исследуемый текст, направляющий поисковую деятельность декодирующего на репрезентацию экспликаторов риторического текстотипа и диагностирование риторичности текста как основания его эффективности.

3. Осмысление компонентов расширенной знаковой ситуации РДТ свидетельствует о мета-семиотичности риторического текстотипа и, как следствие, самого процесса декодирования.

Разработанные семиотические положения формируют базис для утверждения лингво-онтологического статуса РДТ и условия для развития методологии лингвориторической реконструкции текстообразования, выявляющей способы и средства вербализации стратегий и тактик создания текста, а также зоны риторических рисков, возникающих в ситуациях несоответствия текстотипу-образцу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.
2. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005.
3. Riffaterre M. The Stylistic Function // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. Cambridge, Mass., 1964. P. 316–323.
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Гальперин П. Я. Введение в психологию. 7-е изд. М.: КДУ, 2007.
6. Земская Ю. Н. [и др.]. Теория текста / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин / под ред. А. А. Чувакина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2010.
7. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
9. Розин В. М. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
10. Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения: семантика, прагматика, поэтика: сборник статей. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 168–175.
11. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Основы семиотики. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014.
12. Москвин В. П. Понятие текста и критерии текстуальности // Русская речь. 2012. № 6. С. 37–48.
13. Морина (Голышкина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 305–308.
14. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993.
15. Баранов А. Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи: сборник научных трудов / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 4–12.
16. Голышкина Л. А. Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (837). С. 160–171.
17. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991.
18. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Т. 1. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998а. С. 36–88.
19. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос. 2000.
20. Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание» // Семиотика. Т. 1. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998б. С. 116–130.
21. Лукьянова Н. А. Уровни соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 191–196.
22. Кулинич А. А. Семиотические когнитивные карты. Ч. 1. Когнитивный и семиотический подходы в информатике и управлении // Проблемы управления. 2016. № 1. С. 2–10.

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (1981). Simulacres et simulation. Paris : Galilée.
2. Mal'kovskaya, I. A. (2005). Znak kommunikatsii. Diskursivnye matritsy = Communication sign. Discursive matrices. 2nd ed., revised. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
3. Riffaterre, M. (1964). The Stylistic Function. Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. Cambridge, Mass., 316–323.
4. Arnol'd, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk = Stylistics. Modern English. 4th ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
5. Gal'perin, P. Ya. (2007). Vvedenie v psikhologiyu = Introduction to Psychology. 7th ed. Moscow: KDU. (In Russ.)

6. Zemskaya, Yu. N. et al. (2010). Teoriya teksta = Text theory. In Chuvakin, A. A. (ed.). 2nd ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
7. Stepanov, Yu. S. (1998). Yazyk i Metod. K sovremennoy filosofii yazyka = Language and Method. Toward modern philosophy of language. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
8. Eko, U. (2004). Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu = Missing structure. Introduction to semiology. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
9. Rozin, V. M. (2001). Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
10. Bart, R. (2001). Lingvistika teksta = Text linguistics. Text: aspects of study: semantics, pragmatics, poetics: digest of articles. Moscow: Editorial URSS, 168–175. (In Russ.)
11. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2014). Osnovy semiotiki = Fundamentals of semiotics. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka (In Russ.)
12. Moskvina, V. P. (2012). Ponyatie teksta i kriterii tekstual'nosti = The concept of text and criteria of textuality. Russian speech, 6, 37–48. (In Russ.)
13. Morina (Golyshkina), L. A. (2022). Mental text sample as orientation for decoding rhetoric. Cognitive Studies of Language, issue 3 (50): Cognition, Culture, Communication in Contemporary Humanities: digest of articles of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk: NSTU Publ., 305–308. (In Russ.)
14. Baranov, A. G. (1993). Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta = Functional-pragmatic concept of the text. Rostov-na-Donu: Rostovskii universitet Publ. (In Russ.)
15. Baranov, A. G. (1997). Kognitivnost' teksta (k probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti) = Cognitive typicality of the text (on the problem of levels of abstraction of textual activity). Genres of speech: digest of scientific papers. In Gol'din, V. E. (ed.), issue 1. Saratov: Kolledzh, 4–12. (In Russ.)
16. Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Concept and Methodological Tool // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (837), 160–171. (In Russ.)
17. Bezmenova, N. A. (1991). Ocherki po teorii i istorii ritoriki = Essays on the Theory and History of Rhetoric. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Morris, Ch. U. (1998a). Osnovaniya teorii znakov = Foundations of the theory of signs. Semiotics (vol. 1, pp. 36–88). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ. (In Russ.)
19. Pirs, Ch. S. (2000). Izbrannye filosofskie proizvedeniya = Selected philosophical works. Moscow: Logos. 2000. (In Russ.)
20. Morris, Ch. U. (1998b). Iz knigi «Znachenie i oznachivanie» = From the book «Meaning and Signification». Semiotics (vol. 1, pp. 116–130). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ. (In Russ.)
21. Luk'yanova, N. A. (2012). Urovni sopodchineniya semioticheskikh elementov v kommunikativnom prostranstve = Levels of subordination of semiotic elements in the communicative space. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 321(6), 191–196. (In Russ.)
22. Kulinich, A. A. (2016). Semioticheskie kognitivnye karty. Ch. 1. Kognitivnyy i semioticheskiy podkhody v informatike i upravlenii = Semiotic cognitive maps. Part 1. Cognitive and semiotic approaches in informatics and management. Problems of management, 1, 2–10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морина (Гольшкина) Людмила Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Morina (Golyshkina) Lyudmila Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the Philology Department, Faculty of Humanities
Novosibirsk State Technical University

Статья поступила в редакцию	29.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	22.06.2023	accepted for publication



Стилистические и грамматические особенности средневековой латинской поэзии вагантов

А. И. Муравьева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

hommy774@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается поэзия вагантов как особый феномен наряду с другими направлениями средневековой лирики XII–XIII вв. Специфика поэзии вагантов заключается в том, что она изначально создавалась на латинском языке. Социальное положение вагантов отразилось в темах их творчества: этических воззрениях, оппозиции официальной церкви, прославлении свободы духа. Автор анализирует жанровые и стилистические направления поэзии вагантов, тематику, влияние народной латыни на орфографию и морфологию их языка.

Ключевые слова: ваганты, трубадуры, труверы, античные отсылки, библейские реминисценции, средневековая латынь.

Для цитирования: Муравьева А. И. Стилистические и грамматические особенности средневековой латинской поэзии вагантов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 73–79. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_73

Original article

Stylistic and Grammatical Features of Medieval Latin Poetry of Vagants

Alsu I. Muravyeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

hommy774@yandex.ru

Abstract. The article considers the poetry of vagants as a special phenomenon along with other trends of medieval lyrics of the 12th–13th centuries. The main difference between vagant poetry and other genres is that it was originally written in Latin. The social position of the vagants is reflected in the thematic complex of their works: particular ethical views, opposition to the official church and glorification of the freedom of the spirit. The genre and style of vagant poetry, its main themes, the influence of colloquial Latin on the orthography and morphology of the language of vagant poetry are analysed in the paper.

Keywords: vagants, troubadours, troubvers, classical references, biblical references, Medieval Latin

For citation: Muravyeva, A. I. (2023). Stylistic and Grammatical Features of Medieval Latin Poetry of Vagants. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 73–79. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_73

ВВЕДЕНИЕ

Поэзия вагантов занимает особое место в европейской литературе наряду с другими направлениями средневековой лирики XII–XIII вв. Цель данной статьи – краткий обзор основных исследований латинской поэзии вагантов, анализ жанровых и стилистических особенностей этой поэзии, определение ее места среди других направлений средневековой поэзии (в частности, трубадуров, труверов, миннезингеров), а также изучение влияния особенностей народной латыни на фонетику, орфографию и грамматику латинского языка вагантов.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ

Среди блестящих зарубежных знатоков поэзии вагантов XX века можно назвать немецкого филолога и переводчика Карла Лангоша (1984). В 70-е годы в нашей стране также появляется целый ряд работ, посвященных латинской поэзии XII–XIII вв. В это время были опубликованы переводы поэзии вагантов и предисловие к ним Л. Гинзбурга [Гинзбург, 1970]. Появляется статья-предисловие к их изданию и книга Б. И. Пуришева, который проанализировал особенности всех направлений средневековой поэзии и место вагантов среди них [Пуришев, 1974]. Но наиболее глубоко причины возникновения и ухода с исторической арены этого поэтического сословия, отличие и влияние поэзии вагантов на другие поэтические сословия, жанровое и метрическое многообразие этих стихов исследовал М. Л. Гаспаров [Гаспаров, 1975]. Его монументальный труд оказал большое влияние на современных исследователей, которые изучают разные аспекты этой поэзии. В настоящее время интерес к теме не угасает. В 2007 году Е. В. Матёрова анализирует основные жанры поэзии вагантов в своей научной работе «Поэзия вагантов: генезис и жанры» [Матёрова, 2007]; в 2014 г. выходит статья М. Г. Денежкина об обратной образности поэзии вагантов [Денежкин, 2014]. Истоки и основные темы этой поэзии подробно рассмотрены в учебнике Я. В. Погребной (2017).

В данной статье культурологический аспект изучения поэзии вагантов будет дополнен лингвистическим анализом языка этой поэзии с точки зрения отражения особенностей народной латыни в фонетике, орфографии, и, частично, в морфологии.

МЕСТО ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ СРЕДИ ДРУГИХ НАПРАВЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ

К изучению средневековой поэзии обращались многие исследователи. На рубеже XIX–XX вв. петербургский историк К. А. Иванов [Иванов, 2019] подробно описал особенности основных направлений средневековой поэзии. Наряду с вагантами образ жизни бродячих поэтов вели трубадуры и труверы во Франции, миннезингеры в Германии. Подробно рассмотрев жанровое разнообразие любовной лирики трубадуров, К. А. Иванов противопоставляет им суровую поэзию труверов, воспевавших подвиги и доблесть героев. Он возводит их поэзию к кельтскому и франкскому эпосу и утверждает, что из песен труверов развиваются хвалебные кантилены и *chanson de geste*, рассказывавшие о происхождении и подвиге героя. Исследователь объясняет этимологию названий трубадуров и труверов следующим образом: «В основе обоих существительных лежит глагол, обозначающий изобретательную, творческую деятельность и выражаемый провансальским словом *trovar* или *trobar* и старофранцузским *treuver*» [Иванов, 2019, с. 31].

Среди трех циклов *chanson de geste* наиболее интересен для нас античный цикл. В нем труверы описывали эпические подвиги современных им героев, выводя их под античными именами Ахилла, Гектора, других героев троянского цикла, проводя параллели между троянским царем Приамом и первым королем франков. Современный автору средневековый город назывался Троей. При этом все события, антураж и чувства, приписываемые этим античным героям, отражали обстановку, современную для трувера.

Это явление отражает непрерывность духовной связи с прошлым. Такая традиция была характерна и для ранней римской литературы, когда, используя древнегреческие имена и названия, комедиографы Плавт и Теренций наполняли свои комедии сюжетами и обычаями римской жизни.

Главное отличие бродячих поэтов-вагантов от вышеуказанных сословий заключается в тематическом и жанровом многообразии их творчества, истоки которого в их социальном положении. Состав вагантов очень разнообразен: ищущие лучшего образования школяры, странствующие или изгнанные клирики, проповедники. Объединяло их то, что, в отличие от трубадуров, труверов и миннезингеров, все они творили на латыни. Именно язык и глубокое знание Античности объединили этих людей в единое поэтическое сословие. Получившие гуманитарное образование, они прекрасно разбирались в античной поэзии, знали основные

сюжеты античной мифологии, и это уживалось в их стихах с философско-богословскими проблемами XII–XIII веков и безусловной принадлежностью к христианскому мировоззрению. Высокой образованностью и знанием древних языков они были близки к высшим слоям общества, но бедность и низкое происхождение, а также бродячий образ жизни сближали их с сословием жонглеров и шпильманов, развлекавших простонародье.

ЖАНРОВОЕ И СТИЛИСТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ

Поэзии вагантов свойственно прославление радостей жизни, любви, прекрасной природы. В то же время ее отличают пародийность, проклятия, сатирическое обличение алчности и распущенности духовенства, которые объясняются двойственностью социального положения вагантов и оппозиционностью к официальной церкви и государству. Отсюда проистекает жанровое и стилистическое многообразие поэзии вагантов, большей частью, анонимной. Здесь мы можем увидеть жанр стихотворного памфлета, религиозной пародии, жанр пасторелы, спора-агона между двумя участниками или даже предметами («Флора и Филлида», «Спор Вакха с пивом»), воспевание весны и природы, характерные для народных весенних песен; шуточные проклятия, обращенные к собственной нищете и тяжелой жизни.

Характерное для вагантов преклонение перед великими поэтами древности – Вергилием, Горацием, Овидием, Луканом – можно увидеть как в прямом их упоминании в качестве *arbiter elegantiae*, так и в выборе тем стихотворений. Так, пасторальные темы восходят к «Буколикам» Вергилия, а любовные стихи во многом отражают восхищение творчеством Овидия. В «Послании к архиканцлеру Регинальду, архиепископу Кельнскому» Архипиита Кельнского звучат такие строфы:

Лишь Лукан с Вергилием

*Их воспеть достойны
Год, и два, и три подряд
Песнь слагая стройно ...
Мне и ратного труда
Книжный труд милее
Я люблю Вергилия
Больше, чем Энея...*

Так как это стихи образованного сословия, то присутствуют постоянные реминисценции из античных мифов и древних авторов.

Так, у Примаса Гуго Орлеанского (одного из трех поэтов-вагантов, чьи имена нам известны) есть

стихотворение «Орфей в аду»; в «Исповеди» Архипиита Кельнского – аллюзия на миф об Ипполите и Федре:

*Ах, когда б я в Кельне был
Не архипиитом
А Тезеевым сыном
Скромным Ипполитом...*

Объединенное едиными интеллектуальными ценностями, и, главное, блестящим знанием латыни, это разнородное поэтическое сословие демократично по своим идеалам и далеко от замкнутого литературно-поэтического ордена. В сборнике «Carmina Burana» есть стихотворение «Орден вагантов», в котором прямо излагаются необходимые качества ваганта, независимо от религиозной и сословной принадлежности, богатства, возраста, склонности к разгулу и пьянству.

*... Орден наш заслуженно братством стану звать я:
Люди звания разного рвутся к нам в объятья.
Всех, того и этого, примем без изъятья –
В братии скитальческой все скитальцы – братья...*

Здесь же излагаются и те черты, которые не приемлет поэтическое братство: глупое щегольство, проявление злости, жестокость к нищим, жадность. В этом весьма вольнолюбивом стихотворении прямо декларируется оппозиция к официальной религиозности, ей противопоставляются истинно христианские ценности. Неудивительно, что официальная церковь отторгала вагантов и сыграла большую роль в уничтожении этого сословия уже к концу XIII века. Особенно характерно обличение развращенности и корыстности клириков для поэзии Вальтера Шатильонского («Жалоба на своекорыстие и преступления духовенства», «Обличение Рима»).

Сочетание античных и библейских реминисценций характерно для поэзии вагантов. Постоянными персонажами анонимных авторов становятся: Менелай, Парис, Елена, Гекуба, Венера и Амур, Вакх, Юпитер, Артемида и др. В одном и том же стихотворении могут присутствовать библейские персонажи Спаситель, Иуда, Моисей наряду с Юпитером и другими богами Олимпа. Это было возможно, поскольку основной аудиторией для поэзии вагантов были люди, способные понять латинский язык и оценить метафорически-образный стиль их стихов. Только человек, получивший гуманитарное образование, мог понять, что в начале стиха Примаса Гуго Орлеанского «Наставление поэту, отправляющемуся к потаскухам» упоминается имя гетеры Фрины, подруги Праксителя, о красоте которой слагались легенды, которая послужила моделью для

знаменитого творения Праксителя «Афродита Книдская».

У Вальтера Шатильонского в одной строфе появляются Диоген, Сократ, Ювенал:

*Si pauper Diogenes
Fuit hujus sortis
Si Socrates legitur
Sic fuisse fortis
Juvenalis extitit
Magister cohortis...*

Жанровое разнообразие поэзии вагантов подробно рассматривают многие исследователи. Так, Е. В. Матёрова выделяет: «попрошайные» песни, песни о Фортуне, застольные песни и гимны, «священную пародию» (*parodia sacra*), сатирические «мятежные песни» (*carmina rebella*) [Матёрова, 2007]. К жанрам любовной поэзии она относит малые жанры – весеннюю песню и пастурелу, а также ученые «античные» поэмы.

Темы единства красоты природы и любви характерны и для пастурелей трубадуров и для аналогичного жанра поэзии вагантов. Повторяющийся рефрен, темы возрождения жизни на фоне прихода весны, соотнесение описаний расцветающей природы и любви характерны для этого жанра поэзии, восходящего к народным весенним песням.

*Из-за леса, из-за гор
Свет весенний хлынул.
Словно кто-то створки штор
На небе раздвинул....
Рефрен: Приходи же, стар и млад,
Песню пой на новый лад
Пляши до упаду...*

Большое количество песен вагантов построено в виде избыточных проклятий по отношению к нищете, нравственным порокам и конкретным врагам, оклеветавшим автора («Отповедь клеветникам», «Проклятие вору, укравшему у бедного ваганта шляпу», «Обличение денег», «Взбесившийся мир» и т.д.).

Они написаны с большим сарказмом, направленным на обидчика и на самого автора. Чрезвычайная изобретательность в наказаниях, которые описывает поэт, не соответствует тяжести проступка. Эта избыточность сама по себе придает стиху пародийное и юмористическое звучание. Так, укравшему его шляпу неизвестному вору вагант желает познать нападение собак, лихорадку и чахотку, снежную бурю, услышать хохот фурий, пережить пожар, кошмарные сны. Но в последней строфе как самое страшное наказание звучит:

*Сделай, господи, чтоб он
Полным истуканом
На экзамене предстал
Пред самым деканом...*

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ

Закономерным, с нашей точки зрения, является вопрос о том, почему стихи вагантов писались на латинском языке. Исследователи [Гаспаров, 1975] указывают в первую очередь на так называемое Возрождение XII и XIII веков, когда понадобилось большое количество образованных людей. Классическая латынь пережила первый расцвет в период Каролингского возрождения VIII века, когда наряду с трудами христианских авторов переписывали и читали Вергилия, Горация и Овидия, Цицерона, Тита Ливия, и др. В XII веке происходит второй расцвет интереса к классической латыни и чтению авторов. Создаются антологии, комментарии к текстам и глоссы. Возникает литература на латыни, представленная жанрами агиографии, риторики, проповеди, хроники, религиозных гимнов и секвенций.

Появление первых университетов и необходимость перевода и адаптации новых знаний, пришедших в Европу в результате Крестовых походов XII века – вот две основные причины возрождения интереса к классическому образованию в период Высокого Средневековья. Образование же включало как необходимый элемент знание древних языков, античной литературы и мифологии. Студенты изучали латынь и богословские труды, созданные на латыни. Двухязычие было характерно для этого периода, поскольку средневековая литература создавалась на классическом латинском языке, а средневековая народная латынь служила средством межнациональной коммуникации в университетах.

Поэзия вагантов отличается от других направлений средневековой поэзии именно языком. Он объединяет в единое братство это образованное, но очень разнородное сообщество. Ваганты создают свои произведения, используя язык античных образцов. Но влияние народной, разговорной латыни, в том виде, в котором она дошла до XII и XIII веков, проявляется как расхождение с литературной нормой. «Народная латынь – это общеразговорный язык во все периоды его существования, с особым учетом тех инноваций, которые появились в поздний период его развития, непосредственно предшествовавший периоду формирования романских языков» [Алисова, Репина, Таривердиева, 1987, с. 86].

Ваганты, будучи людьми образованными, писали на классической латыни, но они общались

между собой на современном им варианте народной латыни. Поэтому, анализируя особенности их поэтического языка, можно увидеть тенденции, которые складывались в народной латыни на протяжении веков. Их язык позволяет приблизиться к устному и письменному варианту средневекового латинского языка и увидеть характерные отличия от норм латыни классического периода.

Эти особенности были отражены еще в трудах зарубежных филологов середины XIX века (А. Фукс, Г. Шухардт, Ж. Моль). В XX веке особенности народной латыни на всех уровнях языка были рассмотрены в учебнике М. С. Гурычевой, А. Н. Дынникова и М. В. Лопатиной, Т. Б. Алисовой, Т. А. Репиной, М. А. Таривердиевой [Алисова, Репина, Таривердиева, 1987; Дынников, Лопатина, 1998; Гурычева, 2021].

Наибольшие изменения происходят в народной латыни на уровне фонетики и орфографии. Некоторые изменения появляются еще в архаическом периоде и окончательно закрепляются во II–III веках н. э. В поздний период они становятся все более устойчивыми и получают окончательное развитие во всех романских языках.

ВЛИЯНИЕ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ НА ФОНЕТИКУ, ОРФОГРАФИЮ И ГРАММАТИКУ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ

Анализируя влияние народной латыни на язык вагантов, можно выявить следующие особенности в фонетике и орфографии:

- стяжение (монофтонгизация) дифтонгов: **ae / e** и **oe / e**, что характерно еще для императорского периода Рима. Это явление почти постоянно встречается в стихах вагантов, например, *letabundus / laetabundus, sepe / saepe, vie / viae, eterna / aeterna, Phebus / Phoebus, pena / poena*:
 - a) Erant ambe virgines
Et ambe regine
Et respondent facies
Luci matutine...
 - б) Sed cum eius animus
Evolat ad curas
Celi vias dividit
Et rerum naturas...
- переход **o / u**. По мнению исследователей, в виде отдельных случаев фиксировался еще в I в. до н. э., а окончательно закрепился во II–III вв. н. э., например, *iocundum / iucundum*:

Ver, quod nunc apparuit
Dans solum fecundum
Salutari meruit
Per carmen **iocundum**...

- смешение в написании **ti / ci** как проявление палатализации в народной латыни, например, *hospicium / hospitium, tercio / tertio, eciam / etiam*:

Secundo redarguor
Eciam de ludo
Sed cum ludus corpora
Ne dimittat nudo...
Tercio capitulo
Memore tabernam...

- замена сочетания **hi / chi**, например, *nichil / nihil, michi / mihi*:

Ex his et ex aliis
Racione recta
Est vita milicie
Michi praelecta...

- переход геминат в простые согласные, например, *Ypolitus / Hyppolitus, fel / fellis*:

Si ponas **Y**politum
Hodie Papie
Non erit **Y**politus
Insequenti die...

- замолкание аспираты **h**, рано проявившееся в разговорной латыни, например, *Ypolitus / Hyppolitus*;
- чередование сонантов **n / m**, например, *numquam / nunquam*:

Tot et tanta, fateor
Sunt amici mei
Quod numquam incogitat
Aliene rei...

Грамматические особенности, характерные для народной латыни, наиболее часто проявляются в глагольных формах:

- отпадение окончаний перфекта, например, *fuere / fuerunt*:

Ubi sunt, qui ante nos
In mundo fuere...

- стяжение перфектных форм, например, *norunt / noverunt*:

Deus erat; virgines
Norunt deum esse...

- стяжение форм наречий, например, *forsan* / *forsitan* (полный вариант наречия встречается у Лукреция, Вергилия, Овидия);

Idcirco divicias
Forsan non amatis...

- частое употребление диминутивов, например, *vitamque misellam / miseram*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, богатая история исследований поэзии вагантов позволяет определить уникальность и общность их творчества с другими направлениями средневековой поэзии XII–XIII веков. Уникальность поэзии вагантов определяется: латинским языком, социальным происхождением этого сословия, бродячим образом жизни, оппозиционностью по отношению к официальной религии, сочетанием христианского мировоззрения с глубоким

знанием и почитанием лучших образцов античной поэзии. Общность проявляется в истоках жанров любовной и героической средневековой поэзии и поэзии вагантов, восходящих к античным образцам. Также на общность жанров поэзии вагантов и других средневековых поэтических сословий повлияли народные песни, пасторальная поэзия, стихи, построенные в виде диспута между персонажами или вещами.

Стилистическое своеобразие поэзии вагантов заключается в активном использовании античных и библейских реминисценций и аллюзий.

В отличие от трубадуров, труверов и миннезингеров, ваганты создают свои стихи на классическом латинском языке, который, однако, отразил влияние разговорной средневековой латыни XII–XIII веков. В языке поэзии вагантов видны особенности фонетики и морфологии народной латыни, сложившиеся на протяжении столетий и оказавшие влияние на формирование новых романских языков. Понимание этих процессов важно для адекватного перевода средневековых поэтических текстов и исследования языковых изменений в различных романских языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гинзбург Л. Лирика вагантов. М.: Художественная литература, 1970.
2. Пуришев Б. И. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М.: Художественная литература, 1974.
3. Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975.
4. Матёрова Е. В. Поэзия вагантов: генезис и жанры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
5. Денежкин М. Г. Поэзия вагантов и развитие университетской культуры на рубеже XII–XIII вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4 (14). С. 3–12.
6. Иванов К. А. Трубадуры, труверы, миннезингеры. М.: Вече, 2019.
7. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. М.: Высшая школа, 1987.
8. Гурычева М. С. Народная латынь. М.: Ленанд, 2021.
9. Дынников А. Н., Лопатина М. Г. Народная латынь. 2-е изд., испр. и дораб. М.: Изд-во МГУ, 1998.

REFERENCES

1. Ginzburg, L. (1970). *Lirika vagantov* = The Vagant lyrics. Moscow: Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
2. Purishev, B. I. (1974). *Poe`ziya trubadurov. Poe`ziya minnezingerov. Poe`ziya vagantov* = The poetry of troubadours. The poetry of the Minnesingers. The poetry of the vagants. Moscow: Xudozhestvennaya literatura.
3. Gasparov, M. L. (1975). *Poe`ziya vagantov* = The Vagant Poetry. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Materova, E. V. (2007). *Poe`ziya vagantov: genezis i zhanry`* = The Vagant Poetry: Genesis and Genres: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Denezhkin, M. G. (2014). Goliardic Poetry and the Rise of University Culture at the Turn of the XII–XIII centuries. *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, 4(14), 3–12. (In Russ.)
6. Ivanov, K. A. (2019). *Trubadury`, truvery`, minnezingery`* = Troubadours, trouvères, minnesingers. Moscow: Veche. (In Russ.)

7. Alisova, T. B., Repina, T. A., Tariverdieva, M. A. (1987). Vvedenie v romanskuyu filologiyu = Introduction to Romance Philology. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
8. Gurycheva, M. S. (2021). Narodnaya latyn' = Vulgar Latin. Moscow: Lenand. (In Russ.)
9. Dy'nikov, A. N., Lopatina, M. G. (1998). Narodnaya latyn' = Vulgar Latin. 2nd ed. Moscow: Izdatelstvo MGU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьева Алсу Иршатовна

старший преподаватель кафедры классической филологии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muravyeva Alsu Irshatovna

Senior Lecturer at the Department of Classical Philology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	17.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	22.06.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.367
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_80



Семантика фазисных пассивных конструкций со связкой «оставаться»

И. М. Некрасова

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
nekrasova142008@yandex.ru*

- Аннотация.** Цель исследования: анализ семантической структуры сочетания «оставаться + страдательное причастие» как аспектной модификации пассивной конструкции с семой длительности. Исследование выполнено на основе корпусных данных, параллельно со сравнительным анализом результатов, полученных ранее на материале английского и немецкого языков. Результат анализа: установлены лексико-семантические группы причастий, имеющих тенденцию соединяться со связкой «оставаться». Актуальность: малоизученность фазисных связок как операторов регулярного преобразования *быть*-пассива.
- Ключевые слова:** аспектное преобразование, пассив, связка, причастие, языковой корпус, ролевая структура, пациент, референт
- Для цитирования:** Некрасова И. М. Семантика фазисных пассивных конструкций со связкой «оставаться» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 80–86. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_80

Original article

The Semantics of the Aspect Passive Constructions with the Copula “оставаться” (remain)

Irina M. Nekrasova

*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
nekrasova142008@yandex.ru*

- Abstract.** The aim of the investigation is to describe the semantics of the structure «remain + past participle» as an aspect modification of the passive construction with the meaning of continuation. The research is performed on the basis of text-corpus data, along with the contrastive analysis applied to the results of preceding studies in English and German. The result of the analysis: several semantic groups of past participle tending to interact with the copula «remain» are established. The urgency of the investigation: aspect copula verbs remain little-studied as operators of the modification of the *be*-passive.
- Keywords:** aspect modification, passive, copula verb, past participle, text corpus, participants of the situation, patient, referent
- For citation:** Nekrasova, I. M. (2023). The Semantics of the Aspect Passive Constructions with the Copula “оставаться” (remain). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 80–86. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_80

ВВЕДЕНИЕ

В современном русском языке залог считается грамматической категорией, формируемой средствами морфологии и синтаксиса, однако традиционно рассматривается в аспекте морфологии. Это связано с наличием двух принципиально разных форм выражения страдательного залога – синтетической формы с постфиксом *-ся* и аналитического пассива с глаголом *быть*. По мнению В. Виноградова, который различал 15 видов возвратных глаголов, регулярным грамматическим значением обладают только возвратно-страдательные формы; остальные функции аффикса *-ся* отходят в область глагольного словообразования [Виноградов, 1986]. А. А. Потебня был первым среди отечественных лингвистов, кто рассматривал залог как категорию, тесно связанную со строем предложения. Он различал формы на *-ся*, в которых «нет полной страдательности», и обороты, образуемые страдательными причастиями; в последних выражается «признак, данный в предмете», представляемый как произведение неназванного объекта: *письмо написано* [Потебня, 1977]. Точка зрения на аналитический пассив как центральную форму страдательного залога (А. В. Исаченко, А. В. Бондарко и др.) подтверждается исследованиями памятников XI–XIV вв.: причастия были специализированными формами выражения пассива в древнерусском языке до «внедрения» возвратных образований [Стрельцова, 1978].

Традиционно рассмотрение страдательных оборотов в русском языке ограничивается сочетанием страдательного причастия с глаголом «быть» как составного именного сказуемого (СИС), тогда как, например, в германских языках регулярно употребляются пассивные конструкции со связкой *становиться*: *werden*-пассив в немецком языке и *get*-пассив в английском, выражающие семантику перехода из одного состояния в другое. В русском языке для выражения процессуальности служит синтетический пассив: *Книга читается* = *Книга становится / делается прочитанной*. Вместе с тем существуют фазисные глаголы сохранения состояния, которые могут употребляться со страдательным причастием. В германистике уже давно говорят о пассиве с глаголом «оставаться». Так, Г. Хельбиг определяет *sein*-пассив как «результативно-статичную» форму, *bleiben*-пассив – как «непрерывно-статичную»; наряду с *werden*-пассивом эти конструкции образуют единую систему внутри страдательного залога [Helbig, 1989]. Пассивные формы со связками *remain / keep / stay* описаны на материале английского языка [Некрасова, 2022]. Кроме того, в русском, английском и немецком языках выявлены

нетрадиционные пассивные конструкции, образуемые позиционными связками *стоять, лежать, сидеть*, которые обладают семантикой длительности и сближаются со связкой *оставаться* [Некрасова, 2022].

Наша точка зрения о целесообразности выделения фазисных ПК как разновидности пассивных конструкций опирается на концепцию регулярных реализаций структурной модели предложения, которые охватывают и полусвязочные глаголы, в том числе с семантикой сохранения состояния (*остаться*). «Общим для всех регулярных реализаций является то, что они нормально и по определенным правилам возводятся к исходной форме предложения» [Шведова, 1980]; Г. Золотова развила эту концепцию, рассматривая регулярные реализации как структурно-семантические модификации, или «семантические изменения модели на определенную, заданную величину» [Золотова, 1973, с. 207]. В нашем случае исходной формой предложения выступает пассивная конструкция (ПК) с глаголом «быть»; значение фазисности осложняет семантику тождества (идентификации) признака, маркируя один из этапов развития состояния: «оставаться (=продолжать быть)» [там же, с. 211]. Регулярные реализации позволяют рассматривать аспектные операторы как глаголы с «двойной» семантикой, благодаря которым преобразование СИС производится не на поверхностном уровне, а на глубинном, путем замены связки «быть».

Целью данного исследования является описание семантики формы «оставаться + страдательное причастие» как аспектного (фазисного) преобразования *быть*-пассива: *Дверь остается открытой* ← *Дверь была открыта*. Анализ партиципантов ситуации проводится на уровне глубинной (ролевой) структуры, в терминах семантических актантов. Для соотнесения исходной и производной конструкций используется трансформация, при анализе семантики привлекается метод компонентного анализа в сочетании со сравнительным методом. Поставленная цель предполагает решение трех задач:

- 1) отбор сочетаний «оставаться + страдательное причастие», демонстрирующих наибольшую частотность;
- 2) их группировка в лексико-семантические группы;
- 3) сопоставление выявленных языковых фактов с данными, полученными ранее на материале английского и немецкого языков.

Основным источником языкового материала для нашего исследования послужил Национальный корпус русского языка¹, в котором представлены тексты разных жанров: художественная литература,

¹ URL: www.ruscorpora.ru

публицистика, научный дискурс и др. Обновленная версия НКРЯ дает возможность поиска коллокаций в сочетании с лексико-грамматическим поиском. Запрос словосочетания осуществлялся следующим образом: (1) Лемма = оставаться, (2) partcp, praet, pass. Из 1068 примеров неснятая омонимия составила примерно 15 % вхождений.

ФОРМА И СЕМАНТИКА ПАССИВА

Пассив является разновидностью СИС; специфика именного сказуемого вытекает из оформления предикативного признака как пассивного, включая следующие характеристики: 1) субъект представляется как обладатель признака, а не его создатель; 2) пассивный признак – это состояние в широком смысле слова, ср.: «синтаксическое значение пассивного признака есть обобщенное значение именной части» [Лекант, 1976, с. 107]. Семантика пассива, в отличие от семантики актива, является более однозначной, что выявляется на уровне анализа ролевой структуры. «Первый актант активного предложения может быть, по терминологии У. Чейфа, агенсом (N идет), пациенсом (N спит), экспериенцером (N любит) и т. д., тогда как семантика пассивной конструкции оказывается более однородной: глагол в пассиве всегда представляет ситуацию как состояние (N приглашен) или процесс как 'вхождение в состояние' (N приглашается); в любом случае семантическая роль первого актанта – пациентс» [Некрасова, 2021, с. 21].

Прилагательные и причастия являются специализированными формами именной части; пары предложений типа *Лук был тугой* – *Лук был натянут* выражают обобщенные значения свойства, состояния, однако их семантика совпадает только на уровне ролевой структуры: первый актант = пациентс. Трансформация исходной активной конструкции выявляет действие, предшествовавшее состоянию, и подразумеваемого деятеля: *Лук был натянут* (кем-то) ← *Кто-то натянул лук*. Таким образом, пассив представляет собой специфическую разновидность СИС со «скрытым» агенсом. Перфектно-результативное значение сохраняется и в случае фазисного преобразования, с дополнительной семой продолжительности / непрерывности состояния: *Лук оставался* (= продолжал быть) *натянутым* (кем-то).

Большая часть предложений рассмотренного нами языкового материала представляют собой двучленный пассив с опущенным агенсом:

Окно в гостиной оставалось зашторенным (В. Распутин. *Дочь Ивана, мать Ивана*).

Примеры трехчленной ПК с агентивным дополнением составляют примерно 3%:

После убийства дом оставался окруженным **милицией** в течение многих дней (Ю. Елагин. *Укрощение искусств*).

В 5% случаев в этой позиции встречаются неодушевленные существительные:

Современные наемные рабы... остаются задавленными **нуждой и нищетой** (Л. Данилкин. *Ленин. Пантакратор солнечных пылинок*).

Основоположники синтаксической семантики характеризуют агенс как «предмет, обладающий потенцией, силой делать что-то», отмечая, что этой силой могут быть наделены и неодушевленные участники ситуации: *The door was opened by the wind* [Чейф, 1975, с. 128]; позднее был введен термин «эффектор» для обозначения неодушевленного участника, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее.

Следует разграничивать пассивные конструкции и так называемые «пассивообразные» формы. Чаще всего в сочетании с глаголом «оставаться» встречается субъектный результатив, который выражает состояние подлежащего как результат собственного воздействия. Отличие выявляется трансформационным методом, путем сравнения исходной и производной конструкций:

...**оставаясь** низко **склоненной**, женщина подняла голову (А. Солженицын. *В круге первом*) ← **Женщина** (агенс) низко **склонилась** (рефлексив).

Поверхностная структура пассива и «пассивообразных» форм может совпадать. Ср.:

Субъектный результатив:

Поэт **оставался погруженным** в глубокое раздумье (Л. Гроссман. *Записки Д'Аршиака*) ← **Поэт** (агенс) **погружился** в глубокое раздумье.

Пассив:

Колба (пациентс) **оставалась погруженной** в воду (А. Бутлеров. *Теоретические и экспериментальные работы по химии*) ← (Кто-то) **погрузил** колбу в воду.

Исследование в аспекте регулярных реализаций наталкивается на вопрос о грамматической форме предикатива исходной модели ПК (*Дверь была открыта*) и ее фазисной модификации (*Дверь оставалась открытой*). В современном русском

языке полусвязочные глаголы обычно соединяются с полной формой причастия как именной частью СИС; в этом отношении представляет интерес описание связочных глаголов в аспекте диахронии, которое свидетельствует о тенденции к употреблению кратких форм прилагательного и причастия. Приведем статистические данные относительно фазисной связки *остаться*: «В XVII–XVIII вв. второй по частотности формой при глаголе *остаться* выступает краткое прилагательное и краткое страдательное причастие, например: ...только **остался** Новград от того [нашествия] **избавлен**» [Руднев, 2014, с. 129]. Тенденция начинает меняться в XIX в.; если в конце XVIII в. доля кратких форм прилагательного и причастия (по отношению к другим предикативным именам) суммарно составляла 27,5 %, а полных – 11 %, то к концу XIX в. соотношение практически поменялось: 16,5 % и 25,5 % соответственно [Руднев, 2014, с. 129, 135]. На наш взгляд, использование обеих форм причастия в качестве именной части обусловлено типологической особенностью русского языка как флективного, но не противоречит факту регулярной реализации исходной модели ПК, так как в любом случае сохраняется возможность трансформации: *Врата башен оставались заперты / запертыми* ← *были заперты / являлись запертыми*.

В нашем исследовании зафиксировано 49 вхождений с краткой формой причастия, пять из них восходит к текстам XVIII в., например:

Ибо кто грѣшить, тотъ самъ себя убиваетъ, и душа его **остається погребена** въ тѣлѣ своемъ, какъ въ гробѣ (Ф. Эмин. *Путь ко спасенію*).

Краткая форма причастия встречается в современной прозе, публицистике, научных текстах:

В камере бывалые люди объяснили ему, что в случае смерти подозреваемого родственники **остаются незамараны** клеймом «дочь преступника» или «жена осужденного» (Д. Донцова. *Доллары царя Гороха*).

Очень часто надежды пациентов, решившихся на пластическую операцию, **остаются обмануты** (*Знание – сила*. 2008. № 3).

Пока два кустика клубники **оставались соединены** усом, они были одной особью (*Знание – сила*. 2010. № 5).

СЕМАНТИКА ПК С ФАЗИСНЫМИ СВЯЗКАМИ

Особенностью фазисных связей является способность соединяться с отрицательной формой причастия, которая усиливает семантику длительности / непрерывности:

На протяжении десятилетий Россия **оставалась невовлеченной** в такой захватывающий вид спорта, как «Формула-1» (*Известия*. 11.11.2001).

По наблюдению Г. Хельбига, при образовании ПК с глаголом «оставаться» действует определенное семантическое ограничение: исходный глагол должен обозначать реверсивный процесс; в противном случае используется отрицательная форма причастия [Helbig, 1989]. В нашем анализе зафиксировано 214 вхождений с частицей «не»:

Балкон **оставался не застекленным** (А. Бузулукский. *Дяди Петин открытый балкон*).

Наряду с приставкой **не-** используется **недо-**:

Некоторые вещи должны **оставаться недосказанными** (Е. Колина. *Дневник измены*).

Обидно, когда твои таланты **остаются недооцененными** (Д. Сабитова. *Цирк в шкапулке*).

Сходную семантику выражают сочетания типа «оставаться недостаточно изученным», «слабо разработанным», «мало исследованным». Интересно отметить, что в ряде случаев отрицательный вариант причастия преобладает; так, количество вхождений сочетания «оставаться востребованным» составило 8, «оставаться невостребованным» (не- отдельно и слитно) – 47.

Аналогичные примеры ПК с отрицательной формой причастия выявлены на материале английского языка, где доминируют словообразовательные формы с префиксами *un-* и *dis-*, в сочетании с глаголом *remain*:

Unfortunately, much of this expertise **remains unrecognized** by the British school system. If you **remain dissatisfied**, you may approach the Insurance Ombudsman Bureau [Некрасова, 2022].

Анализ ролевой структуры показал, что семантика аспектных ПК обусловлена взаимодействием трех факторов: одушевленность / неодушевленность пациенса, вещественное значение причастия и фазисное значение связки; это позволило сгруппировать причастия, имеющие тенденцию соединяться со связкой «оставаться» и выявить лексико-семантические группы (ЛСГ) с обобщенными значениями. При отборе причастий учитывался признак частотности (количество вхождений пять и выше). Наиболее продуктивными оказались следующие: *открытый* (87), *закрытый* (47), *скрытый* (49), *связанный* (28). В ЛСГ включены также синонимические варианты.

ЛСГ-1: «открытый» (*вопрос, дверь и другие части строения*):

Кто такие первоначальные русы, вопрос **остается открытым** (Г. Садулаев. *Таблетка*).

Окна комнаты... **оставались отворены** почти весь день (Г. Газданов. *Пробуждение*).

Ворота в лагерь **оставались распахнутыми** с утра до вечера (Р. Ахмедов. *Промельки*).

ЛСГ-2: «закрытый» (*части строения, учреждения, идеи и др.*):

Британские архивы времен Второй мировой войны... **остаются закрытыми** и теперь (Наука и жизнь. 2006. № 1).

Ключ давным-давно исчез, и сейф **оставался запертым** (Б. Мессерер. *Слово о родителях*).

Долгое время для традиционной русской критики Достоевский **оставался закрытым** (Н. Бердяев. *Мирозерцание Достоевского*).

ЛСГ-3: «скрытый» (*идеи, ценности, тайны и др.*):

...смысл этого спектакля так и остается **скрытым для непосвященных** (А. Гостева. *Travel Агнец*).

Несметные сокровища... **оставались сокрытыми** от людских взоров (Р. Темиргалеев. *Сокровища под парусами*).

Половина убытков банков может **оставаться спрятанной** в балансах финансовых организаций (Однако. 2009. № 12).

Это **остаётся покрыто** мраком неизвестности... (И. Тургенев. *Гамлет Щигровского уезда*).

ЛСГ-4: «забытый, невостребованный» (*люди, земли, дороги и др.*):

Мы **остаемся забытыми**, с перечеркнутой надеждой когда-нибудь получить утешение (А. Цветаева. *Королевские размышления*).

Бедные работники **оставались покинутыми** на произвол судьбы (А. Герцен. *Былое и думы*).

Путь до сих пор **остаётся заброшенным** (Ю. Казаков. *Северный дневник*).

А ведь сколько несомненных талантов **остаются невостребованными, забытыми!** (М. Харитонов. *Стенография начала века*)

ЛСГ-5: «связанный, скрученный» (*человек, части тела*); «связанный, соединенный» (*метафора*):

...отец Петр все еще **оставался связанным** (И. Солоневич. *Две силы*).

Рук ему не развязали, и они по-прежнему **оставались стянутыми** за спиной (Ф. Тютчев. *На скалах и долинах Дагестана*).

Он **оставался связанным** с детством, с родительским домом (Вокруг света. 1992. № 1).

ЛСГ-6: «изолированный, окруженный» (*войсковые части, элементы системы*):

Немцам удалось сокрушить первую линию, небольшая часть которой **остаётся окруженной** и плененной (В. Гельфанд. *Дневники 1944–1946*).

Судебная система остается **изолированной и блокированной** в информационном поле (Известия. 27.09.2001).

ЛСГ-7: «разделенный, разъединенный» (*территории, население*):

Европа остается разделенной на национальные рынки (Коммерсант. 22.03.2004).

Партия протестантов по-прежнему **оставалась разобщенной** (К. Носов. *Битва при белой горе*).

До конца XVIII века Дагестан **оставался раздробленным** на мелкие государственные образования (Знание – сила. 2013. № 9).

Но он сам **остался разъединенным** с женской природой (Н. Бердяев. *Мирозерцание Достоевского*).

ЛСГ-8: «включенный – выключенный» (*прямое и переносное значения*):

Верхнее освещение оставалось выключенным (И. Ефремов. *Час Быка*).

Уже сейчас развитие медицины и IT-индустрии позволяет пожилым людям дольше оставаться включенными в социальную среду (Информационное общество. 2014. № 4).

ЛСГ-9: «покрытый» и др. со значением изменения конфигурации или поверхности объекта:

Место города и потом много лет **оставалось покрытым** водой (В. Ян. *Чингиз-хан*).

Цѣлые полгода... земля не производить ничего, **оставаясь покрытою** снѣгомъ (Русская мысль. 1881. № 1).

...несчастный Кабанов **остаётся засыпанным** и по сегодня, 7-го мая (Русское слово. 21.05.1911).

ЛСГ-10: «запертый, арестованный»:

Я считаю благоразумнейшим... **оставаться запертым** в своей каюте (Б. Островский. *Великая северная экспедиция*).

...счета компании **остаются арестованными** (РБК Daily. 23.06.2010).

ЛСГ-11: «поврежденный» и др. со значением нарушения целостности объекта:

Вместе с тем большое количество антенн **остаётся изуродованным**... (Известия. 03.08.2001).

...часть мозга навсегда **остаётся поврежденной**... (Боевое искусство планеты. 18.10.2003).

Когда он уезжал, мой мир **оставался разбитым и растерзанным** (У. Нова. *Инка*).

ЛСГ-12: «написанный, изображенный»:

...стены деревянных магазинчиков еще долго **оставались исписаны** мелом: «Да здравствует Гагарин!» (М. Палей. Поминовение).

Оговорки **остаются напечатанными**, а наши описки – это навсегда (Н. Климонтович. Последняя газета).

...остальное **оставалось начерченным** карандашом и углем по бѣлому полотну (Е. Салиас. Петербургское действо).

Семантический анализ затрагивал также коннотацию как дополнительный компонент лексического значения. Стилистически нейтральные сочетания образуют ЛСГ 1–3, 8, 12; остальные группы представлены причастиями, у которых отрицательная коннотация связана с собственно вещественным значением (*поврежденный*) или одушевленностью пациенса (*окруженный, связанный*); стилистическая окраска дополняет семантику воздействия на пациенс и придает суммарную экспрессивность всей конструкции. Выявленные причастия сохраняют способность к лексико-семантическому варьированию (ЛСГ-5, 8 и др.) и метафоризации, например:

Когда Чудак заявлялся в учреждение, он все еще продолжал **оставаться наэлектризованным** (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

Забастовка шла своим ходом, страна **оставалась парализованной** (А. Лоран. Бельгия клокочет).

Не скорби, Лавре, ибо недолго тебе **оставаться запертым** во времени (Е. Водолазкин. Лавр).

В исследовании на материале английского языка наиболее продуктивными оказались причастия, соответствующие ЛСГ 2 и 3, в сочетании с глаголами *remain* и *stay*: *closed* (86), *hidden* (80), *locked* (24); специфическими для английского языка являются сочетания *stay put* (156) и *keep informed* (76); примерно половина ЛСГ также выражает результат негативного воздействия на пациенс [Некрасова, 2022].

В исследовании позиционных связей *стоять, лежать, сидеть* на материале английского, немецкого и русского языков [Некрасова, 2022] выявлены причастия, соответствующие ЛСГ 1, 2, 4, 5, 9–11, что свидетельствует о сходстве фазисных связей с семантикой непрерывности / длительности, ср.:

...частично возделанная земля **оставалась брошенной** – Та дорога **лежит брошенной** уже целые века. – Two pairs of handmade sandals **lay abandoned**. – Ein Rednerpult **steht verlassen** gegenüber;

...через то бы возвратившиеся из карантена люди не **оставались разоренными**... – Москва **стояла опустошенной и разоренной**... в 1612 году. – At the blast site several vehicles **stood destroyed**. – Die Betonträger **liegen zerbrochen** daneben.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Точка зрения на аналитический пассив с глаголом «быть» как «нулевую» форму согласуется с концепцией регулярных преобразований исходного типа предложения и позволяет рассматривать сочетание «оставаться + страдательное причастие» в качестве аспектного (фазисного) преобразования «быть»-пассива с дополнительной семой длительности (непрерывности). На уровне ролевой структуры первым актантом ПК всегда является пациенс; при этом пассив представляет собой специфическую разновидность СИС, отличительным признаком которой является наличие «скрытого» агенса. Перфектно-результативное значение пассива сохраняется и в случае фазисного преобразования, так же как и возможность эксплицитного присутствия второго актанта в составе трехчленной ПК в роли агенса или эффектора.

На основе корпусной выборки наиболее типичных причастий, способных соединяться со связкой «оставаться», установлено 12 лексико-семантических групп аспектных ПК, более половины из которых демонстрируют тенденцию к отрицательной коннотации, актуализируя семантику воздействия, как правило, физического (ЛСГ 5–6, 9–11), на пациенс. Усиление семантики длительности рассматриваемой разновидности ПК происходит на фоне соединения фазисных связей с отрицательной формой причастия. Сформулированные выводы являются общими для русского, английского и немецкого языков, что подтверждается сопоставительным аспектом исследования на материале позиционных связей «стоять», «лежать», «сидеть», с одной стороны, и связей со значением «оставаться», с другой. Спецификой русского языка является способность использования в составе фазисной ПК как краткой, так и полной формы предикатива, что обусловлено типом языка, но не противоречит факту регулярной реализации быть-пассива. Точка зрения на аспектные ПК как модификацию исходной структурной модели позволяет рассматривать их как элементы единой системы, характеризующиеся общими структурными и семантическими признаками, что раздвигает рамки наших представлений о страдательном залоге.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.

2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. М.: Просвещение, 1977.
3. Стрельцова М. И. О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на -м, -н, -т в древнерусском языке (по памятникам XI–XIV вв.) // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 213–218.
4. Helbig G. Das Passiv – und kein Ende // DaF. Leipzig, 1989. H. 4. S. 215–221.
5. Некрасова И. М. Семантика составного именного сказуемого с фазисными связками длительности (на материале английского языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 13–23.
6. Шведова Н. Ю. Регулярные реализации простого предложения // Русская грамматика /под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru>
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
8. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976.
9. Некрасова И. М. Пассивная конструкция в аспекте синтаксической семантики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 75–84.
10. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
11. Руднев Д. В. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX веков: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1986). Russkii yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove = Grammar study of word. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
2. Potebnya, A. A. (1977). Iz zapisok po russkoy grammatike = From notes on Russian grammar (vol. 4). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
3. Strel'tsova, M. I. (1978). O svyazi vido-vremennykh i zalogovykh znachenii v prichastiyakh na -m, -n, -t v drevnerusskom yazyke (po pamyatnikam XI–XIV vv.) = On the connection between tense and voice meanings in participles on -m, -n, -t in Old Russian (according to the monuments of the 11th – 14th centuries). In Problemy teorii grammaticheskogo zaloga (pp. 213–218). Leningrad: Nauka, 1978. (In Russ.)
4. Helbig, G. (1989). Das Passiv – und kein Ende. DaF (H. 4, S. 215–221). Leipzig.
5. Nekrasova, I. M. (2022). The semantics of the nominal predicate with aspect copula verbs of continuation. Eurasian Humanitarian Journal, 4, 13–23. (In Russ.)
6. Shvedova, N.Yu. (1980). Regularnye realisatsii prostogo predlozheniya. Russkaya grammatika = Regular realizations of the simple sentence. In Shvedova, N. Yu. (ed.), Russian Grammar. Moscow: Nauka. <http://rusgram.narod.ru>
7. Zolotova, G. A. (1982). Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka = Study of the functional syntax of Russian. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Lekant, P. A. (1976). Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom jazyke = Types and forms of the predicate in modern Russian. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
9. Nekrasova, I. M. (2021). Passive Construction in the aspect of syntactic semantics. Humanitarian Studies. History and Philology, 4, 75–84. (In Russ.)
10. Chafe, W. (1975). Znachenie i struktura yazyka = Meaning and the Structure of Language. Translated from English. Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Rudnev, D. V. (2014). Svyazochnye glagoly v russkom yazyke XVII–XIX vekov = Copula verbs in the Russian language of the 17th–19th centuries: Senior Doctoral Thesis in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Ирина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Irina Mikhailovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Romanic and Germanic Languages and Cross-Cultural Communication
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.05.2023
21.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Культурный скрипт «деньги» в литературном и кинематографическом контекстах: Л. Н. Толстой, Р. Брессон, А. Фархади

Г. В. Овчинникова

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Международная полицейская академия ВПА, Тула, Россия

Государственный музей-усадьба «Ясная Поляна», деревня Ясная Поляна, Россия

galinaovchinnikova@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые ставится вопрос об определении культурных сценариев в продолжение исследований по теории сценариев средневековых текстов Н. А. Катагощиной и Л. А. Становой. Использование комплекса аналитических методов (метод лексикографических определений, этимологический анализ, лингвистический и культурологический анализ) позволило установить семантическую структуру иностранных языковых культур: русской, французской и иранской. Результаты исследований будут использованы на курсах лексикологии, общей лингвистики, межкультурной коммуникации и сравнительной типологии.

Ключевые слова: текстология, языковая культура, культурный сценарий, Толстой, Брессон, Фархади

Для цитирования: Овчинникова Г. В. Культурный скрипт «деньги» в литературном и кинематографическом контекстах: Л. Н. Толстой, Р. Брессон, А. Фархади // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 87–92. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_87

Original article

The Cultural Script “Money” in Literary and Cinematic Contexts: L. N. Tolstoy, R. Bresson, A. Farhadi

Galina V. Ovchinnikova

State University of Education, Moscow, Russia

International Police Academy, Tula, Russia

Yasnaya Polyana State Estate Museum, Yasnaya Polyana village, Russia

galinaovchinnikova@yandex.ru

Abstract. For the first time, the question of defining cultural scripts as a further development of the theory of scripts of medieval texts by N. A. Katagoshchina and L. A. Stanovaia is raised. The use of a set of analysis methods, such as the method of dictionary definitions, the method of etymological analysis, the method of linguistic and cultural analysis allowed us to establish the semantic structure of cultural scripts with the nuclear seme “money” in foreign language linguistic cultures: Russian, French and Iranian. The results obtained will be used in courses of lexicology, linguoculturology, intercultural communication, comparative typology.

Keywords: textology, linguoculture, cultural script, Tolstoi, Bresson, Farhadi

For citation: Ovchinnikova, G. V. (2023). The Cultural Script “Money” in Literary and Cinematic Contexts: L. N. Tolstoy, R. Bresson, A. Farhadi. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 87–92. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_87

Article original

Le script culturel «argent» dans des contextes littéraire et cinématographique: L. Tolstoï, R. Bresson, A. Farhadi

Galina V. Ovtchinnikova

*Université d'Etat Lumières, Moscou, Russie**Académie Internationale de Police, Tula, Russie**Domaine-musée d'Etat de Léon Tolstoï, village de Yasnaya Polyana, Russie**galinaovtchinnikova@yandex.ru*

Annotation. Pour la première fois, la question de la définition des scripts culturels est soulevée en tant que la suite du développement des recherches sur la théorie des scripts des textes médiévaux, entreprises par N. A. Katagoshchina et L. A. Stanova. L'exploitation d'un ensemble de méthodes d'analyse (méthode des définitions lexicographiques, l'analyse étymologique, l'analyse linguistique et culturologique) a permis d'établir la structure sémantique des cultures linguistiques étrangères: russe, française et iranienne. Les résultats obtenus lors des recherches seront utilisés dans les cours de lexicologie, de linguistique générale, de communication interculturelle, de typologie comparative.

Mots-clés: textologie, culture linguistique, script culturel, Tolstoï, Bresson, Farhadi

Pour référence: Ovtchinnikova, G. V. (2023). Le Scénario culturel «Argent» dans des Contextes littéraires et cinématographiques: L. N. Tolstoï, R. Bresson, A. Farhadi. *Vestnik de l'Université linguistique d'État de Moscou. Sciences humaines*, 8(876), 87–92. 10.52070/2542–2197_2023_8_876_87

INTRODUCTION

Les recherches dans le domaine de la textologie intéressent les linguistes russes et étrangers. L'approche qui prend pour le point de repère une position de l'auteur est très importante [Бондарчук, 2004]. Elle est bien appliquée dans cet article pour résoudre les objectifs, concernant l'analyse des scripts culturels, équivalents à l'argent dans les langues de familles différentes, sans oublier la problématique du concept [Семина, 2007; Овчинникова, 2021]. Il y a de nombreuses discussions autour de la définition des culturèmes et des culturèmes linguistiques. Pour la première fois pour ce type de recherches on propose le terme du script culturel, basé sur la théorie du script des textes médiévaux, élaborée par N. A. Katagochtchina [Катагощина, 1978] et L. A. Stanovaia [Становая, 2018].

L'utilisation d'un ensemble de méthodes d'analyse telles que la méthode lexicographique, la méthode de l'analyse étymologique, la méthode de l'analyse culturologique a permis d'établir des traits communs et des traits différents des cultures russe, française et iranienne. Les résultats obtenus seront utilisés dans les cours de lexicologie, de stylistique, de linguistique générale, de communication interculturelle, de typologie comparative.

Les scripts culturels sont des stéréotypes culturels qui se reflètent dans une langue et représentent des

routines, typiques à une culture. L'argent, en tant que partie intégrante de la vie de la société, occupe une place importante dans l'inventaire de recherches de la langue, et constitue donc un objet important d'étude non seulement dans l'aspect linguistique, comme une catégorie universelle, mais aussi dans l'aspect culturel (le rouble appartient à la culture russe, l'euro c'est une devise de l'Union Européenne, le rial, le pactole, le toman font parti de la culture iranienne).

Selon l'avis de Y. Lotman, un homme culturel est celui qui sait reprendre les limites prescrites par la tradition [Lotman, 1993].

Le statut culturel de l'argent est né également de la compréhension de telles limites, à travers la vision de l'homme «dans le miroir de sa pensée» [Lotman 1993, p. 8]. Le statut culturel de l'argent dépend aussi du développement et du type de culture. Toute la culture a ses propres réflexions sur l'argent, ses principes de son appréciation économique et juridique.

A l'époque de l'Antiquité l'argent était un facteur fiable qui menait à la richesse. Ce fait était normal pour la société de ces temps. Par contre, en parlant de la culture orthodoxe russe, on constate qu'on y traite l'argent comme un mal inévitable. La richesse provoque le manque de respect dans la société.

On peut dire que l'argent en Russie est considéré sous l'un des tabous culturels.

L'analyse étymologique du terme « argent » remonte au latin « *denarius* » qui était le nom de la devise utilisée par les Romains. D'après sa définition lexicographique, le lexème « argent » ne contient que des sèmes noyaux (moyen de change, intermédiaire des échanges, unité de compte), des sèmes différentiels (sous forme de billets ou de pièces de monnaie), une réserve de valeurs pour faire des économies; des sèmes différentiels (un euro, un dollar, un franc, un centime, une pièce d'or, un rouble, un kopeck etc.). Mais le corpus illustratif étudié a montré que les contextes littéraire et cinématographique élargissent ce champ sémantique par les sèmes connotatifs qui font partie du code culturel: pouvoir, omnipotence, malheur, bonheur, chagrin, mal.

Le sujet de l'omnipotence de l'argent qui porte malheur a été soulevé dans la littérature européenne du XIX^{ème} siècle par Honoré de Balzac (*Balzac. Gobseck et autres récits d'argent*), Charles Dickens (*Dickens. Ch. David Copperfield*), Alexandre Ostrovski (*A. Ostrovski. La Sans-dot*), Anton Tchekhov (*Tchekhov. Théâtre complet*), Léon Tolstoï (*Л. Н. Толстой. Люцерн*) et d'autres.

Léon Tolstoï présente ses réflexions sur la notion de l'argent dans plusieurs œuvres: *Guerre et Paix*, *Anna Karénine*, *Résurrection* et *Le faux coupon*. L'écrivain russe a étudié avec un grand intérêt *Le discours sur les sciences et les arts* de Jean-Jacques Rousseau, et il a aimé son idée que les politiciens comprendraient un jour, peut-être, qu'on pourrait acheter beaucoup de choses avec de l'argent, mais jamais de bonnes mœurs [Rousseau, 2004].

En 1853, Léon Tolstoï a noté que souvent on mettait sous silence la notion d'argent, par contre c'est un des ressorts principaux de notre vie, et l'attitude envers l'argent exprime le caractère et la moralité de l'homme de la meilleure façon. Le récit *Lucerne* met en évidence le sème connotatif «pouvoir de l'argent». Selon Léon Tolstoï, la domination d'une personne sur une autre détruit la personne qui domine, ainsi que la richesse et l'argent détruisent leur possesseur. Les pensées de l'auteur sont le résultat de son voyage en Suisse et de l'événement qui lui est arrivé le 7 juillet 1857 à Lucerne et qui est devenu un de ses plus célèbres récits (*Л. Н. Толстой. Люцерн*). Léon Tolstoï l'a écrit en dix jours, indigné par le comportement des aristocrates anglais qui habitaient l'hôtel le plus prestigieux, le Schweizerhof. Cette aristocratie richissime a écouté tout le répertoire d'un musicien qui était venu jouer de la guitare et chanter les airs sous les fenêtres de l'hôtel pour gagner de l'argent, mais personne n'a songé à lui donner même un petit sou pour sa belle interprétation du répertoire. Ce récit a été mis à l'écran en URSS en 1968. Le scénariste Zinovi Sérébrianski, le metteur en scène Nikolai Khropko et l'acteur émérite de la Fédération de Russie Anatoli

Verbitski, interprète du rôle principal de Nékhloudov, ont réussi à traduire les idées de Léon Tolstoï qui se pose la question de savoir pourquoi ces personnes cultivées, humanistes, et capables d'éprouver d'honnêtes sentiments, qui s'occupent du développement du christianisme en Afrique ou de l'état des célibataires chinois ne sont pas capables d'un élan du cœur. L'adaptation cinématographique est une sorte de lien entre deux arts : littéraire et cinématographique. Beaucoup de chercheurs ont consacré des publications à ce sujet. Jean-Marie Leclerc parle du rapprochement entre les deux moyens d'expression qui s'étaient très fortement éloignés l'un de l'autre depuis que le cinéma était devenu parlant.

Pour Léon Tolstoï tous ces représentants de la société mondaine semblent posséder beaucoup d'argent, mais ils semblent être malheureux malgré tout cet argent. À son avis, l'une des causes des malheurs de l'humanité est le pouvoir de l'argent. C'est le sujet principal de sa nouvelle *Le faux coupon*.

À la différence de la nouvelle *Lucerne* qui a été écrite en quelques jours, Léon Tolstoï consacre presque une dizaine d'années à son œuvre *Le faux coupon*. En 1887, l'écrivain note dans son journal intime qu'il a commencé sa nouvelle, mais il achève cette œuvre seulement en 1904. La publication posthume a été faite en 1911 par sa fille cadette Alexandra Lvovna Tolstaïa à Moscou, et la même année à Berlin par Tchertkov.

L'idée maîtresse de la nouvelle *Le faux coupon* de Léon Tolstoï est le Mal, provoqué par l'argent. Un des héros principaux, Mitia Smokovnikov, reçoit mensuellement de l'argent de poche sous forme de coupons de 2 roubles 50 kopecks de la part de son père Fiodor Mikhaïlovitch Smokovnikov (dont le prénom et le patronyme font l'allusion à Fedor Mikhaïlovitch Dostoïevski). Mitia a contracté une dette envers un ami pour un billet de théâtre. Il voudrait payer sa dette à temps, et il demande à son père de lui donner plus d'argent ce mois-ci. Comme son père lui refuse la somme manquante, Mitia se rend chez son ami Makhine à la vie dissolue, un coureur des jupons, joueur de cartes, en sachant que Makhine a toujours de l'argent. Mais Makhine au lieu de prêter à Mitia les quelques sous manquants lui propose de tricher. Il lui suggère de transformer le coupon en douze roubles cinquante, en ajoutant le chiffre 1 devant 2,50. Les conséquences de la falsification de ce coupon avec un simple chiffre provoquent de très grands malheurs en cascade pour toute personne qui possède ce coupon falsifié. Les deux lycéens écoulent le faux coupon dans un magasin. La patronne Maria Vassiliévna n'a rien remarqué, et elle a été injuriée par son mari Evguéni qui lui souhaitait secrètement de mourir, en la grondant. Evguéni réussit à repasser

ce coupon à un marchand de bois, Ivan. Ivan Mironov, vendeur de bois, a voulu payer son verre de vin dans un cabaret, mais le cabaretier appelle la police. Ivan est emmené au bureau de police, paie un pot-de-vin de quatre roubles au responsable de la police pour quitter la prison et entame un procès contre Evguéni. Mais Evguéni Mikhaïlovitch a donné dix roubles à son portier Vassili pour que ce dernier fasse un faux témoignage. Vassili devient plus tard cambrioleur, Ivan Mironov abandonne le commerce de bois et devient voleur de chevaux. Stépane Pélaguëiouchkine devient assassin de Mironov, et il perd sa femme et sa fille par la suite pour ce Mal qu'il a fait. Piotr Nikolaiévitch Sventitski accuse à tort son cocher Prochka Nikolaev, le propriétaire terrien est lynché un an plus tard par des paysans à qui il a confisqué les bêtes. Et cette ronde d'événements catastrophiques continue. La nouvelle de Léon Tolstoï englobe soixante-dix-neuf personnages principaux et trente-cinq personnages secondaires qui se croisent, et les interactions touchent toutes les couches de la société russe du tsar au moujik. Les actions sont rapides, les personnages apparaissent et disparaissent, comme les cadres d'un film qui se suivent. La circulation du faux coupon qui porte des malheurs et des souffrances demande un style dynamique, sobre à la fois et direct. Un grand linguiste en littérature soviétique Youri Lotman a nommé *Le faux coupon* de Léon Tolstoï le premier essai cinématographique [Lotman, 1993].

La première représentation cinématographique du *Faux coupon* a eu lieu au mois de février 1913 en Russie par la compagnie d'Alexandre Khanjonkov, le metteur en scène Piotr Tcherdynine, et les rôles principaux ont été interprétés par Pavel Birioukov et Nikolai Sémenov. Cette version est perdue, ainsi que la version italienne *Il falso cupone* qui a vu le jour la première fois au mois de mars 1914 avec une star italienne, Amleto Novelli.

3. Il a fallu attendre presque soixante-dix ans pour qu'une nouvelle soit mise à l'écran, et la nouvelle de Léon Tolstoï voit le jour. Le film de Robert Bresson *L'argent* a remporté la Palme d'or au festival de Cannes au mois de mai 1983. Le chronotope change, et il en suit la modification des détails dans le temps et l'espace. La France et Paris remplacent la Russie, le vendeur de mazout remplace le vendeur de bois, le faux coupon de 500 francs remplace le faux billet de 12 roubles 50 kopecks, mais l'idée dominante de Léon Tolstoï et le sème connotatif de l'argent qui porte malheur reste. Le sujet tolstoïen du début du XXe siècle passe à la fin du siècle dans le film bressonien. Norbert a reçu un faux billet de 500 francs de la part de son camarade de lycée, Norbert l'a utilisé chez Lucien, un photographe. Mais le patron à son tour se débarrasse du billet, en réglant Yvon, le livreur de

mazout. La même ronde de catastrophes s'ensuit : un scandale, le faux témoignage de Lucien, et Yvon est licencié. Comme il a une femme et une fille à nourrir, il est obligé d'accepter d'être chauffeur pour un hold-up.

En suivant Léon Tolstoï, le cinéaste se concentre sur l'action avec un enchaînement de scènes, évidentes par leur justesse (les lettres, la relation d'Yvon avec la vieille dame). *L'Argent* est donc un grand film qui rend compte de l'actualité de la nouvelle de Léon Tolstoï presque cent ans après, en gardant la mise en scène puissante et rigoureuse. On comprend bien le style froid et sobre de Robert Bresson. Il n'invite pas d'acteurs professionnels. Il a recourt à des acteurs non-professionnels, dont les dialogues sonnent juste, parce que Robert Bresson privilégie la perception auditive. Le cinéaste définit sa propre écriture, ses tentatives de capturer le réel comme «des images en mouvement et des sons» [Bresson, 1995, p. 79].

Il est nécessaire de souligner particulièrement la trouvaille cinématographique de Robert Bresson qui voit l'importance de l'introduction de cent personnages dans la nouvelle de Léon Tolstoï, mais pour éviter l'hyperdensité des personnages, il fait agir les objets. C'est une porte qui acquiert de multiples fonctions dans ce film. Elle apparaît dans les épisodes différents plus de soixante-dix fois : tantôt elle est close pour montrer la situation sans issue de son personnage, tantôt il y a une petite fente entre le sol et la porte pour montrer un rayon lumineux qui peut éclairer une voie honnête pour le héros du film, tantôt elle est grande ouverte pour faire réfléchir le spectateur. Le film s'appelle *L'argent*, mais son champ sémantique est plus profond, il s'agit de l'âme de l'individu, de sa responsabilité. À la différence de Léon Tolstoï, Robert Bresson pose des questions, mais ne donne pas de réponses. Robert Bresson incorpore une autre nuance afin de permettre aux spectateurs de réfléchir. Il utilise le terme *un faux billet* pour désigner le *faux coupon* de l'œuvre de Léon Tolstoï, car Yvon après son emprisonnement reçoit *un billet de sortie*, une sorte de billet de libération. L'idée de non-violence présente dans l'œuvre de Léon Tolstoï est parfaitement rendue dans ce film. C'est uniquement le Bien qui peut étouffer et écraser le Mal. Dans *Le Faux coupon* de Léon Tolstoï, Vassili répond au mal d'Evguéni Mikhaïlovitch par un bon acte, ses souffrances lui ont donné une bonne leçon, comment rendre le bien pour le mal. Evguéni lui a causé beaucoup de mal avec le coupon falsifié, et Vassili offre à Evguéni un billet de cents roubles, pour qu'il se rappelle toujours son portier Vassili. Selon Tolstoï, le Mal peut être neutralisé seulement par le Bien.

L'effacement des personnages, selon Raphaël Picon, dans le film de Robert Bresson coïncide avec précision aux lois, imposées par la circulation de

l'argent. La convertibilité des composantes du réel en billets de banque réduit celles-ci à leur valeur marchande et les transforme en objets d'échange.

Présenté à Cannes en 1983 au Palais des Festivals, *L'argent* est l'ultime long-métrage de Robert Bresson qui a partagé la Palme d'or avec Andreï Tarkovski. Robert Bresson, d'après les recherches de Tony Pipolo [Pipolo, 2010], a créé un nouveau type de cinéma, grâce à un raffinement méticuleux des possibilités grammaticales et expressives de la forme. Youri Lotman a beaucoup apprécié le film de Robert Bresson qui a un don de travailler avec des sources littéraires, et il prête toujours attention aux éléments psycho-biographiques de l'œuvre.

Cette histoire de faux billets et de faux témoignages qui bouleversent la vie d'un livreur qui va connaître une série infernale d'événements dans sa vie ne laisse aucun spectateur indifférent. Le Mal touche les personnages, et ces derniers perdent leur âme à cause de quelques billets de 500 francs. Le film *L'argent* incarne bien les sèmes connotatifs de l'œuvre littéraire de Léon Tolstoï, mais dans un autre pays et à une autre époque.

4. Une quarantaine d'années passe, le film *Un héros* d'Asghar Farhadi est classé premier au festival de Cannes en mai 2021. Il ne s'agit pas d'intertextualité, mais on peut envisager une analyse contrastive de la filmographie de l'œuvre de Léon Tolstoï *Le faux coupon* et du film iranien. Le chronotope passe de la fin du XIXe siècle au XXIe siècle à travers les mœurs et les coutumes de la population iranienne. Le rouble et le franc sont remplacés par le pactole et une pièce d'or, par contre le sème connotatif de l'argent porte-malheur reste présent.

Dans ce contexte on peut parler de la mémoire socioculturelle, car l'œuvre littéraire de Léon Tolstoï *Le faux coupon*, le film *L'argent* de Robert Bresson et le film *Un héros* d'Asghar Farhadi ont de forts liens sémantiques au niveau des sèmes connotatifs de la notion d'argent.

Asghar Farhadi avait cette histoire en tête pour le scénario de son film depuis un certain temps, et il voulait le tourner en Iran, dans la ville de Shiraz, car cette ville a plus de poids culturel, compte tenu des monuments historiques et des œuvres des poètes islamiques. Les gens de Shiraz sont beaucoup moins compliqués dans leur manière de vivre, ce qui est très important pour une équipe de soixante personnes, ainsi que pour refléter les mœurs en Orient, concernant la notion d'argent. Par exemple, à la différence des coutumes européennes, si quelqu'un doit de l'argent à une autre personne, le premier peut-être emprisonné, mais si le lendemain la victime dit qu'elle n'a plus besoin de cet argent, le prisonnier sera libéré.

Le cinéaste utilise cet élément pour l'intrigue de son film qui commence par une dette (comme dans les œuvres de Léon Tolstoï et de Robert Bresson) de Rahim, un père divorcé, qui a une amie qui l'aime beaucoup. Rahim est relâché de prison pendant deux jours, le temps donné pour obtenir l'argent afin de s'acquitter de sa dette. À un arrêt de bus, sa fiancée trouve un sac plein de pièces d'or. Tous les deux, ils ont prévu de garder l'or trouvé et de le revendre contre du liquide. Mais les circonstances (le prix de l'or a chuté, le créancier refuse d'accepter un paiement partiel) les arrêtent sur ce chemin du Mal, et Rahim conçoit le plan de retrouver la propriétaire du sac. Cette bonne action fait de Rahim le héros des réseaux sociaux. L'analyse de la critique des réseaux sociaux est hors cadre de cet article, mais le champ sémantique de l'argent contient dans ce film les sèmes connotatifs de l'honnêteté et de la nécessité de rester humain. Cet argent trouvé dans un sac tombé du ciel, contenant 17 pièces d'or, trouvé à un arrêt de bus par la fiancée de Rahim, était très attractif, mais au dernier moment, Rahim renonce à son projet négatif. Il choisit au contraire de coller des annonces dans le quartier pour retrouver la propriétaire du sac et lui rendre l'argent. Aux yeux des Iraniens et des médias, Rahim devient un vrai héros, un modèle à suivre.

CONCLUSION

Ces trois créateurs de cultures diverses, à des époques différentes, Léon Tolstoï, Robert Bresson et Asghar Farhadi posent un dilemme de moralité, ils font comprendre aux lecteurs et aux spectateurs, qu'il faut savoir faire le choix entre l'argent sale ou sa réputation et de gagner au moyen du Bien dans la bataille contre le Mal. La théorie de non-violence de Léon Tolstoï trouve son écho dans les films d'aujourd'hui. Le champ sémantique du script culturel de l'argent est représenté dans tout le corpus du matériel illustratif avec les mêmes sèmes-noyaux et les mêmes sèmes connotatifs, par contre les sèmes différentiels sont dus à la différence des pays et des cultures, ainsi que de leurs mœurs et coutumes.

Cette analyse comparative du champ sémantique de l'argent en fonction du script interculturel dans l'œuvre littéraire *Le faux coupon* de Léon Tolstoï et dans les films français *L'argent* et le film franco-iranien *Un héros* est entreprise pour la première fois, mais elle pourrait servir de base pour de nouvelles recherches dans le domaine de la textologie au carrefour interdisciplinaire: linguistique, cinématographique, théâtral et interculturel.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук Г. Г. Роль индивида в создании языковых единиц по аналогии // Проблемы соотношения культуры, языка и мышления в парадигме современной английской лексикологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Лингвистика. 2004. Вып. 489. С. 17–24.
2. Семина И. А. Концепт: универсальность или специфичность? // Вопросы филологических наук. 2007. № 6 (29). С. 94–97.
3. Овчинникова А. С. Отражение концепта «душа» в переводах поэзии В. С. Высоцкого на французский язык // Когнитивные исследования языка. М.: Флинта, 2021. Вып. № 3 (46). С. 766–769.
4. Катагощина Н. А. Понятие scripta и проблема языковой интерпретации старофранцузских текстов // Исследования по романской филологии: сб. статей памяти акад. В. Ф. Шишмарева. Л., 1978. С. 44–50.
5. Становая Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 219–229.
6. Lotman Y. Les notes cinématologiques. № 20. 1993. P. 4–11.
7. Rousseau J.-J. Le discours sur les sciences et les arts. P.: Le Livre de poche, 2004.
8. Bresson R. Notes sur le cinématographe. P.: Gallimard, 1995.
9. Pipolo T. Robert Bresson: A Passion for film. Bloomington: OUP, 2010.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G. G. (2004). The role of the individual in the creation of linguistic units by analogy. Problems of the correlation of culture, language and thinking in the paradigm of modern English lexicology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 489, 17–24. (In Russ.)
2. Semina, I. A. (2007). Concept: universality or specificity? Voprosy filologicheskikh nauk, 6(29), 94–97. (In Russ.)
3. Ovchinnikova, A. S. (2021). Concept: universality or specificity? Reflection of the concept of “soul” in translations of V. S. Vysotsky’s poetry into French. Cognitive studies of language, 3(46). (In Russ.)
4. Katagoshchina, N. A. (1978). The concept scripta and the problem of linguistic interpretation of Old French texts. Studies in Romance philology: collection of articles in memory of Academician V. F. Shishmarev. Leningrad, pp. 44–50. (In Russ.)
5. Stanovaya, L. A. (2018). The use of “vertical” and “horizontal” methods in language history research. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences, 189, 219–229. (In Russ.)
6. Lotman, Y. (1993). Les notes cinématologiques, 20, 4–11.
7. Rousseau, J.-J. (2004). Le discours sur les sciences et les arts. Paris: Le Livre de poche, 2004.
8. Bresson, R. (1995). Notes sur le cinématographe. Paris: Gallimard, 1995.
9. Pipolo, T. (2010). Robert Bresson: A Passion for film. Bloomington: OUP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овчинникова Галина Витальевна

доктор филологических наук

профессор кафедры романской филологии Государственного университета просвещения

зав. кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА

старший научный сотрудник Государственного музея-усадьбы «Ясная Поляна»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovchinnikova Galina Vitalievna

Doctor of Philology (Dr. habil.)

Professor of the Department of Romance Philology, State University of Education

Head of the Department of Linguistics and Humanities, International Police Academy

Senior Researcher, “Yasnaya Polyana” State Estate Museum

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.04.2023
25.05.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Восприятие мелодии народной песни как результат действий ментальных кодов

Е. В. Петrochenko

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

petrochenko@mail.ru

Аннотация. Глубинная интонационная связь национальной музыки и языка обусловлена функционированием когнитивных механизмов, выявляемых опосредованно, методами психолингвистического эксперимента. Исследование проводится на материале старинной народной песни. Данные перцептивно-слухового анализа свидетельствуют о наличии общих ментальных кодов у русских музыкантов для идентификации «своего», национально-специфического, в мелодическом движении тона, а также при восприятии эмоциональных смыслов вокальной речи родного языка.

Ключевые слова: интонация, восприятие, вокальная музыка, психолингвистика, когнития, ментальные коды

Для цитирования: Петrochenko Е. В. Восприятие мелодии народной песни как результат действий ментальных кодов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 93–101. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_93

Original article

Perception of Folk Song Melody as a Result of Mental Code Operation

Elena V. Petrochenko

Voronezh State University, Voronezh, Russia

petrochenko@mail.ru

Abstract. Deep interrelation between folk music and language is determined by cognitive mechanisms, which are identified indirectly by means of psycholinguistic methods. The study is based on ancient folk songs. The data obtained by perception analysis suggest that Russian musicians should have common mental codes to identify some native, nationally-specific features in the tone movement, as well as to perceive and identify the emotive meanings of native vocal speech.

Keywords: intonation, perception, vocal music, psycholinguistics, cognition, mental code

For citation: Petrochenko, E.V. (2023). Perception of Folk Song Melody as a Result of Mental Code Operation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 93–101. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_93

ВВЕДЕНИЕ

Музыка, прежде всего *вокальная* музыка, имеет антропологическую и когнитивную связь с языком (А. А. Потебня, А. А. Леонтьев, Б. В. Асафьев). Природный генетический синкретизм, общность психофизиологической и акустической базы систем языка (речи) и музыки, с одной стороны, и автономное их существование, с другой стороны, превращают «вокальную музыку» в особый объект ментальной деятельности. Задача изучения данной формы языка в *когнитивном* аспекте заключается в рассмотрении отношений музыкальной (вокальной) речи и языка, процессов их взаимобратной связи в сознании человека. Считается, что в ходе восприятия вокальной музыки (песни, арии и др.) реципиент использует хранящиеся в его памяти интонационные образцы, сравнивая с ними услышанное. Происходит естественная *когниция*, понимаемая многими авторами как механизм использования предзнаний, опыта, навыков [Кубрякова, 2004; Демьянков, 2005; Altenmüller, 2006].

Общей функцией перцептивно-слуховой системы, как известно, является доставка звукового сигнала к рецептору с его последующим анализом. В музыкальном материале анализаторы выделяют *мелодический* контур. Согласно гипотезе нейробиолога М. Н. Корсаковой-Крейн, «наш мозг считает звуковой рисунок тональных напряжений (неустойчивостей) и тональных разрешений (устойчивостей)», формируя структуру мелодии на уровне пространственного мышления – «мелодическую мысль» [Корсакова-Крейн, 2010, с. 108]. Понятие «мелодического ладового тяготения», введенное Ю. Н. Тюлиным в «Курсе гармонии» еще в 1939 г. [Тюлин, 1966], стало основополагающим в теории музыки (Ю. Н. Тюлин, И. В. Способин, Ю. Н. Холопов). Именно в мелодии, прежде всего, сосредоточен национальный колорит, и будь то народный певец или композитор, «ему некуда уйти от словаря *родной речи и ее склада*»¹ [Брюсова, 1948, с. 19]. Указывая на своеобразие ладовой организации народной песни, И. В. Способин отмечает, что «по одной только гармонии не всегда можно определить страну, национальность, но сочетание мотивов, интонаций ... позволяет сделать это с достаточной определенностью» [Способин, 1969, с. 188]. В настоящей работе ставилась *цель* выявления механизмов оценочной и интерпретационной функций сознания при восприятии *мелодии народной песни* (термин советского музыковеда Н. Я. Брюсовой [Брюсова, 1948]). Когнитивный аспект *мелодии* вокально-музыкальной речи в ее взаимосвязанности с *интонационным* уровнем языка практически

не освещен в лингвистической литературе. Вследствие чего в *задачи* работы входило изложение нашего подхода к рассматриваемому вопросу в теоретическом плане, а также проведение психолингвистического эксперимента. *Актуальность* работы заключается в междисциплинарном подходе к проблеме изучения ментального восприятия мелодии народной песни (на стыке дисциплин интонологии, психолингвистики и музыковедения) и в попытке рассмотреть вопрос в когнитивном ключе.

Народная песня, наряду с другими жанрами вокальной музыки, относится к виду звучащей речи и может рассматриваться как *вокальная форма языка*². Если априори принять факт восприятия *вокальной национальной музыки* через ее *интонационные* формы и знаки (мелодические конструкции, интервалы, ладовые мотивы и признаки, ритмические структуры), коррелирующие с параметрами интонации родной речи, складывается представление об однородности ментальных констант звучащей речи и музыки в сознании носителя языка.

ИНТОНАЦИОННЫЙ ПЕРЦЕПТ
В ФУНКЦИИ МЕНТАЛЬНОГО КОДА

Язык включен в процесс обработки мелодии (как речевой, так и музыкальной), он участвует в процедурах кодирования, трансформирования и интерпретации информации, являясь когнитивным инструментом, «средством доступа» к разуму человека и его ментальным и психическим процессам [Кубрякова, 2004, с. 12]. В основе механизмов восприятия лежат *ментальные коды*, которые были сформированы системами языка и музыки, их подсистемами и *знаками*. Трактовка «знака» в приложении к восприятию (вокальной) музыки представляется довольно широкой: от психологического знака *гештальт* (представления о музыкальном явлении, включающем форму и семантику музыкальной стилистики), до «специальных» знаков музыкальной системы (лада, ритма, количества интервала и др.) и языкового *знака* в его функции (фонемы, синтагмы, интонемы, предложения). Знаки разных уровней формируют *коды*, на которые опирается восприятие и мышление. Мы разделяем представление о коде как «особой ментальной субстанции», которая, подобно фонеме, непосредственно в музыкальном звучании не существует. «Код возникает только тогда, когда звуковой материал становится объектом восприятия, переживания, осмысления, когда человеческое сознание начинает приписывать ему те или иные значения» [Юферова, 2016, с. 120]. В таком понимании прослеживается

¹ Выделено нами. – Е. П.

² Термин, предложенный нами для обозначения речевого жанра «вокальная музыка» [Величкова, Петроченко, 2021].

философия теории А. А. Потебни о знаке и значении слова [Потебня, 1958], применимой, очевидно, и к структурам интонационного уровня. Следуя рассуждениям ученого, можно утверждать, что когнитивная природа знаков (или кодов) доказывается наличием некоего *признака* (признаков) знака, выполняющего роль посредника между вокальной *формой* звучащего и *значением* услышанного (воспринятого) акустического комплекса. В мелодии народной песни таковыми посредниками могут выступать натуральные лады, диатоника, ладовая переменность, определенные мелодические ходы (например, плагальный ход для русской музыки) и др., отмечаемые музыкальными теоретиками [Брюсова, 1948; Способин, 1969].

Процесс восприятия музыки, в частности, вокальной, начинается с некоего *интуитивного* уровня – *когниции*, процедуры мыслительных операций с использованием «предзнаний», не связанных напрямую со словом [Демьянков, 2005]. Музыковеды обозначают начальную фазу механизмом прояснения *предынтонации* [Цветкова, 2007], или, *соинтонирования* [Гарипова, 2017], в котором задействованы *интонационные коды*. Они фигурируют в качестве грамматических моделей, абстрактных схем и структурных единиц, подчиняющихся определенным правилам сочетаний и функциональным отношениям [Юферова, 2016]. В настоящем исследовании мы придерживаемся представления общей психологии о *ментальной деятельности* как *направленности восприятия* – этнически обусловленных мыслительных действий, имеющих определенный *культурный код*, *социальные* и *национальные* характеристики [Хотинец, 2000], в том числе, национально-специфические коды фонационного, акустического и перцептивно-слухового уровней. Результат восприятия музыкального звучания обозначается музыковедами психологическим термином *перцепт*, понимаемым как целостный образ – «гештальт», создаваемый слуховыми *ощущениями*. Поскольку слуховые ощущения дифференцируют звуковые сигналы, их роль в структурировании перцепта очевидна [Гарипова, 2017].

В целостном комплексе голосовой, вокально-музыкальной (как и речевой) информации посредством разноуровневых кодов воспринимается семантическое содержание одновременно с *эмоциональными* значениями. В психологии были сделаны попытки создания классификации эмоций (Р. Плутчик, К. Изард, П. В. Симонова) с разделением их на первичные (базовые) и вторичные, которые различаются по набору и подходу к их выделению. Бóльшей объяснительной силой в вопросе *восприятия* эмоций в звучащей речи обладает, на наш взгляд, концепция отечественного нейролингвиста

Е. Н. Винарской [Винарская, 1989]. Изменчивая *зона* специфика эмоции противоречит принятым дискретным языковым определениям, поскольку, как утверждает Е. Н. Винарская, «они выражают не объективные значения, а субъективные смыслы», и эти вторичные производные эмоции у взрослого человека «выражаются только *интонационно*»¹ [Винарская, 2001, с. 13]. Зона субъективного ощущения эмоции (*модальности*, в понимании Е. В. Винарской), тем не менее, структурирована *квантами* знания, которые посредством лексических единиц обеспечивают в языковом обществе понимание *эмоциональных смыслов*. В рамках нашего исследования предстояло выявить применение общих для носителей языка интонационных кодов в восприятии вокальной формы и эмоциональной семантики мотива народной песни.

ОПЫТЫ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВОКАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Метод психолингвистического эксперимента применяется как один из способов проникнуть в сферу ментальной деятельности слушающего музыку человека. Мы исходили из представления, что в режиме восприятия вокальной мелодии носителями языка – музыкантами – будут применяться *коды* слуховых впечатлений с определенной ментальной *направленностью*, сформированные в звучащем пространстве родного языка на фоне национальной и западноевропейской музыкальной культуры. **Материалом** эксперимента послужили *старинные* народные песни. Корпус 1 включал 20 вокальных форм (далее – ВФ). Русские песни были взяты из сборника «Русские народные песни. Песни, записанные на Волге М. А. Балакиревым и Н. Ф. Щербиной» (1866)²: «Не было ветру» (ВФ 01), «Пóдойду, пóдойду» (ВФ 02), «Как по морю» (ВФ 03), «Винный наш колодезь» (ВФ 04), «Надоели ночи, надоскучили» (ВФ 05), «Как из улицы в конец» (ВФ 06), «Сидит наша гостинька» (ВФ 07) и др. (всего 15 ВФ). Важным критерием являлся тот факт, что данные песни *не* относятся к репертуару так называемого популярного (городского застольного) народного фольклора последнего столетия. Франко-немецкие старинные песни, соотносимые по тематике и ряду ритмических музыкальных характеристик (метру и темпу), заимствованы из сборника-архива «Lieder von Volkslied»³: «Ich stehe auf einem hohen Berg» (1782), «Die verschwundene Hannelore» (XVIII в.), «Der Winter ist vergangen» (XVII в.) и др. (всего пять ВФ).

¹ Выделено нами. – Е. П.

² М. Балакирев. Русские народные песни. М.: Музгиз, 1957.

³ URL: http://lieder-archiv.de/texte_von-volkslied-pid6571.html

В группу испытуемых вошли 52 профессиональных музыканта: 17 мужчин и 35 женщин в возрасте от 41 до 65 лет, артистов оркестра Воронежского театра оперы и балета, преподавателей музыкального колледжа и школ, получивших в рамках академического музыкального образования одинаковый объем знаний по гармонии и музыкальной (русской и зарубежной) литературе¹. Эксперимент состоял из двух опытов, каждый проводился в два сеанса. На всех этапах предстояло получить сведения о направленности *системных* ментальных действий в процессе восприятия вокального текста (ВФ).

Опыт 1. Отобранные для опыта песни были репродуцированы женским голосом (альт) без артикуляции (закрытым ртом). При таком способе представления мотива ВФ снято влияние лексико-синтаксических значений, что, в свою очередь, активизирует когнитивную функцию перцептивной базы слуха. Звучание песни воспринималось испытуемым только по интонации (мелодии и ритму), в «чистом виде». Все 20 мотивов (в аудиозаписи) предлагалось прослушать каждому музыканту (эксперимент носил индивидуальный характер) и ответить на вопрос: «*Вы воспринимаете прослушанную мелодию (песни) как: А – русскую, В – очень типичную русскую народную, С – не совсем типичную русскую или D – скорее не (типичную) русскую?*». Через неделю этот опыт был повторен. Во втором сеансе часть испытуемых внесла коррективы в свои протоколы; в среднем, ответ изменился относительно двух-четырех ВФ, при этом чаще всего вариант А менялся на В, а вариант С заменялся D, или наоборот.

Опыт 2. Второй опыт был направлен на выявление интонационных перцептов эмоциональных смыслов. Корпус 2 составили 13 ВФ, а именно те, которые большинством испытуемых были восприняты как «русские». Испытуемому ставилось задание оценить прослушанную мелодию народной песни по эмоциональному колориту и / или музыкальному модусу. В протоколе для этого опыта указывались две интонационные характеристики, два различных в ментальном плане кода: 1) ладовый признак (мажор или минор), 2) эмоциональный смысл – через предлагаемую лексику для обозначения эмоции. На каждый из двух ладовых модулей были составлены по два вербальных варианта с названиями эмоционального перцепта (см. табл. 1). Мы исходили из известного в музыковедении факта, что музыкальный лад (модус) не связан напрямую с эмоциональной модальностью: мажорная мелодия *не обязательно* интерпретируется как

эмоционально «мажорная» (радостная, светлая), и наоборот, минор не всегда воспринимается как «минорная» музыка (грустная, мрачная). К основным, базовым, эмоциям были добавлены именно те «вторичные производные эмоции» [прив. по: Винарская, 2001], которые представляются наиболее подходящими для интерпретации возникшего от вокальной музыки ощущения. Помимо имеющихся в протоколе обозначений испытуемый мог вписать другое, свое слово (слова), а также дать дополнительный комментарий.

Таблица 1

ИНВЕНТАРЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ВФ

мажорный	мажорный	минорный	минорный
радость ↑↗	гнев ↑	горе ↑	гнев ↑
веселье ↗	угроза ↑	грусть ↘	отчаяние ↘
печаль ↘	хвала ↗	нежность ↗	страдание ↘
ликование ↗	призыв ↗	игривость ↗	возмущение ↑

Условные обозначения: жирным выделены базовые эмоции высокой субъективной ценности / интенсивности ↑; ↗↘ – направленность субъективной ценности эмоции (прогрессивная и регрессивная интенсивность).

Протокол прослушивания для испытуемых содержал только названия эмоций, без дополнительных обозначений. Участник указывал слово, соответствующее его оценке эмоционального смысла, а также обозначал, в какой *степени* воспринятая эмоция выражена в звучащем мотиве песни: в средней (+) или же в весьма большой (+ +). Во втором сеансе, проведенном через неделю, испытуемый имел возможность изменить свою оценку по обоим характеристикам. В сумме от четырех сеансов получены 208 протоколов, по каждой мелодии (ВФ), соответственно, были даны 104 ответа-оценки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Как мы полагали, в ходе выполнения задания у группы испытуемых «подключаются» ментальные *музыкальные* механизмы, выработанные не только в процессе многолетней профессиональной деятельности, но и в опыте повседневного бытового слушания музыки, когда сознательный анализ перцептивной информации переходит на уровень «селективного внимания» [Müller, Krummenacher, 2006, с. 239]. Полученные результаты с высокой степенью вероятности подтвердили нашу гипотезу. Из 15 ВФ русского старинного фольклора только два мотива получили неоднозначную

¹ Не участвовали в опытах музыканты, имеющие специализации «сольное и хоровое народное пение», «вокальное искусство», «теория музыки».

интерпретацию, почти половиной участников они не были восприняты как ВФ русской песенной культуры. Остальные 13 ВФ большинство испытуемых отнесли к (типично) русским песням (от 79 до 100 % по разным текстам). Все пять мелодий франко-немецких песен большинством испытуемых (от 39 до 52 человек) были оценены как С или D, с явным перевесом варианта D – «скорее **не** (типичная) русская», т. е. «не своя», с комментариями: «похоже на менуэт», «как мелодия английского ка-нона», «что-то, скорее, из венских классиков» и пр.

Интересный факт когнитивного плана выявлен при интерпретации вариантов А – *русская* и В – *очень типичная русская народная*. Как оказалось, испытуемые понимали определение «типичный» по-разному. Для одних (21 из 52 участников) «типичная русская мелодия» понималось как «свойственная русской музыке, (очень) близкая к русской», как они поясняли, «на 90 % русская». Другие испытуемые ответили, что для них «типичная русская», в отличие от «русской», является «настоящей, истинно русской, с древними корнями», «исконно русским фольклором»¹. Данное различие свидетельствует о несовпадении ментального кода в определении *степени типичности* мотива как принадлежащего русской народной вокальной музыке. Насколько существенны, в связи с этим, интонологические различия восприятия, – вопрос когнитивного музыкознания. В психолингвистическом плане мелодическая форма этих вариантов, скорее, схожа, так как они имеют одну интонационную базу – русского языка. Объединив в итоге две группы, «русские» и «очень типичные русские», мы абстрагировались от музыкальной стилистики, приняв допущение о тональном родстве этих *вариаций* народного мотива. Поскольку в восприятии испытуемых музыкантов грань эта весьма размыта, можно утверждать, что у испытуемых возникает один *интонационный перцепт* – «русская народная песня». Его формированием управляют музыкальные коды (признаки жанра, лада и мелодии) в ментальном единстве с кодами звучащей речи (актуальное членение предложения, коммуникативный тип и эмоциональный смысл); в составе тех и других содержатся национально-специфические признаки.

Восприятие **эмоциональной** семантики вокальных фраз, как представлялось до проведения опыта, не ограничится выбором слова (слов) из предложенного в протоколе списка, и, скорее всего, будет дополнено другой вербальной характеристикой из опыта музыкальной практики. Однако менее чем в половине случаев (в 46 протоколах, составляющих 44 % от общего количества) испытуемый добавлял

к названной эмоции определение, например: «*хороводная*», «*раздольная*», «*игровая плясовая*», «*обрядовая свадебная*», «*лирическая печальная*» и др. При этом иногда указывалась отдельно модальная принадлежность («минорная», «мажорная»), что свидетельствует об эмоциональной значимости данного интонационного параметра (в понимании Е. Н. Винарской). Треть музыкантов (18 человек) иногда пользовалась терминами из теории музыки: «натуральный минор», «переменный лад», «плагальный каданс» и др.

Изменение первоначальной оценки эмоционального смысла ВФ в повторном выполнении задания (сеанс 2) подтверждает положение о *зонах* характере эмоционального восприятия. Заметим, что *новое* ощущение (выбор другой лексической единицы для обозначения эмоции) коснулось десяти из 13 мелодий, в большинстве из которых не менее половины испытуемых (от 25 до 48 музыкантов) изменили, «откорректировали» свой ответ. Субъективная оценка характера мотива показала направленность «к осознанию сравнительной интенсивности эмоциональной напряженности» [Винарская, 2001, с. 15]: либо в сторону усиления, точнее, перехода в зону высокой субъективной ценности (например, от «страдания» к «возмущению»), либо в сторону ослабления, в зону регрессивной субъективной ценности (например, от «горя» к «грусти»). Что касается знака *интенсивности эмоции*, лишь некоторые испытуемые (от двух до шести по каждой ВФ) отмечали эмоцию со знаком ++, в основном же ограничивались одним +. Как выяснилось в ходе опыта, испытуемый, меняя, например, в протоколе «радость+» на «веселье+», выбирал, по его выражению, «*более интенсивную радость*». Такие случаи логично интерпретировать как «радость++», или, эмоцию высокой ценности. Наблюдались изменения эмоции и в регрессивную зону. Например, исправление оценки «горе+» во втором сеансе на «грусть+», означает, что перцепт более не содержал в себе для слушателя прежнюю высокую эмоциональную интенсивность. В изменении воспринимаемой эмоции безусловно играет роль целый ряд факторов: 1) биоритм эмоционального состояния слушателя, 2) его психологическая установка на выполнение задания, 3) внешние факторы (звуковые помехи и ыпр.), 4) структура акустического сигнала (ВФ). Как правило, мелодию ВФ составляют две–четыре фразы, иногда с разнохарактерным движением тона. Какой из мотивов, начальный или финальный (каденция), вызывал у испытуемого тот или иной эмоциональный перцепт в первом и во втором сеансе, трудно сказать. Вследствие этого полученные в протоколах результаты было решено обобщить с

¹ Ср. значение слова «типичный» 1. и 2. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994.

учетом реакций обоих сеансов (см. табл. 2). Семантика мотивов (! в протоколе испытуемого отсутствовала) была выявлена нами исходя из характера мелодии каждой ВФ и содержания ее текста в соответствии с классификацией жанров народной песни, разрабатываемой М. С. Жировым и О. И. Алексеевой [Жиров, Алексеева, 2009]. В опыте предстояло выяснить, имеют ли эмоциональные перцепты испытуемых ментальную направленность относительно жанра и характера народной песни, которые определены музыковедами.

Согласно полученным данным, эмоции высокой субъективной ценности выявили шесть ВФ. Мотивы минорной модальности ВФ 05 и ВФ 08 («женские страдания») большинством испытуемых (70 идентификаций из 104) были восприняты как «горе»,

«гнев» или «возмущение»; в другом сеансе эти мотивы, по мнению тех же испытуемых, выражали «грусть/печаль» или «страдание», как для большинства участников опыта. Все ВФ с семантикой «женские страдания» получили аналогичную эмоциональную оценку, независимо от акустического лада. Ощущение «печали» вызвала у 45 испытуемых ВФ 13 (прощальная, рекрутская песня).

В мотивах мажорной модальности высокую долю идентификации (58 % ответов) получила базовая эмоция «радость»: в ВФ 02 (бахвальная песня жениха), ВФ 04 и ВФ 06 (былинная, бытовая шуточная) и ВФ 11 и ВФ 12 (крестьянская, трудовая плясовая), часто в сочетании с эмоцией зоны прогрессивной ценности. «Веселье», «хвалу» или «призыв» музыканты слышали в ВФ 06 и ВФ 11. Особый

Таблица 2

ДАННЫЕ О ВОСПРИЯТИИ ИСПЫТУЕМЫМИ ЭМОЦИИ ВФ

Эмоцион. модальность	Эмоциональный смысл	№ ВФ	Доля идентификаций (%)	Семантика ВФ
минор ↑	Горе	13 05; 08	20	прощальная (рекрутская) «женские страдания»
	Гнев	05	15	«женские страдания»
	Возмущение	05 07; 09; 11	33	«женские страдания» игровая (корильная)
минор ↘	Грусть (печаль)	01; 08 03 07; 09; 11 13	58	«женские страдания» былинная (лирическая) игровая (корильная) прощальная (рекрутская)
	Страдание	03 01; 05	32	былинная (лирическая) «женские страдания»
	Отчаяние	13	18	прощальная (рекрутская)
минор ↗	Нежность	08	10	«женские страдания»
	Игривость	04 10	33	былинная (бытовая, шуточная) игровая (корильная)
мажор ↑	Радость	02 04; 06 12	58	игровая (бахвальная жениха) былинная (бытовая, шуточная) трудова (плясовая)
	Гнев	0	0	
	Угроза	10	20	игровая (корильная)
мажор ↗	Веселье (ликование)	06 10 11; 12	42	былинная (бытовая, шуточная) игровая (корильная) трудова (плясовая)
	Хвала (хвальба)	02 11	40	игровая (бахвальная жениха) трудова (плясовая)
	Призыв	11	12	трудова (плясовая)
мажор ↘	Печаль	08	12	«женские страдания»

Примечание. Не учитывались ответы, составляющие от 10 % и менее (т. е. менее пяти музыкантов), которые в одном из сеансов возникали как «случайные» ощущения.

случай представляют ВФ с семантикой укора (корильные песни). Несмотря на шутовское притворство в разыгрывании (свадебного) обряда, в двух из них были услышаны интонации «возмущения» (33 % случаев – ВФ 07 и ВФ 09) и «угрозы» (20 % случаев – ВФ 10), чередующиеся с минорной «грустью», «игривостью» и мажорным «весельем» (42 % случаев – ВФ 10). По нашему материалу, таким образом, наибольшую частотность демонстрируют базовые эмоции «возмущение» и «радость», вторичные эмоции минорной модальности – «грусть/печаль», мажорной модальности – «веселье» и «хвала/хвальба». Вероятно, что именно эти эмоциональные смыслы входят в ядерную зону перцепта «старинная русская народная песня». Словесные комментарии («как на проводах в армию», «подтрунивает», «жалоба, укор девушки», «танец деревенских парней», «будто хвастается» и др.) выступают составляющими когнитивного процесса формирования перцепта.

Противоречивая интерпретация наблюдалась в ВФ 09 (игровая, корильная). Мотив песни определялся как «грусть» или «печаль» у 58% испытуемых, третью же музыкантов он был воспринят как «возмущение», что, очевидно, предполагает характер жанра. Несовпадение в восприятии обуславливает музыкальная структура мотива: минорный (натуральный) музыкальный лад в сочетании с танцевально-игровым ритмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа позволяют сделать некоторые обобщения и сформулировать предварительные выводы о функционировании ментальных кодов при восприятии мелодии вокальной музыки, которые на данном этапе исследования не могут претендовать на окончательные. Чрезвычайная сложность, синкретичность и полиморфность рассматриваемого явления предполагает проведение целого ряда разноуровневых и междисциплинарных научных исследований. Психолингвистический подход к вопросу оказался весьма продуктивным на этом пути. Нам удалось в первом приближении получить сведения о системных действиях ментальных констант музыкального мышления.

На основе полученных данных можно утверждать следующее:

- при восприятии мелодии вокальной музыки слушатели-музыканты пользуются **одними и теми же**, «параллельными», **перцептивно-слуховыми ментальными кодами**: интонационными подсистемами звучащей речи и музыки – лад, мелодика, интервалика, ритм, тема–рема, минорность–мажорность и т. д. (о параллелизме подсистем см.: [Потапова, Потапов, 2018]);

- **восприятие** музыканта выявляет **определенную направленность**, обусловленную его культурно-этническим характером и действиями академического музыкального мышления и языкового сознания: вокальная мелодия на основе родного языка единодушно оценивается как *русская старинная народная* песня. Мелодии ВФ соотносятся в перцептивной базе носителя языка (музыканта) с интонационными образцами *национальной* народной песни, о чем свидетельствует высокий процент идентификации ВФ родного языка (от 79 до 100 % идентификаций по отдельным мелодиям) с четким отграничением от ВФ западноевропейской культуры – неродного языка (от 72 до 100 % идентификаций по отдельным мелодиям);

- ментальные коды восприятия (одноголосной) вокальной речи имеют **эмоциональную основу зонной, динамической природы**. Степень эмоциональной напряженности звучания мелодии оценивается по-разному: половина и более музыкантов (от 51 до 90 % оценок) изменяли оценку при повторном прослушивании. При этом оценка оставалась в области базовой эмоции (мажорной или минорной модальности), но переходила в прогрессивную или регрессивную зону интенсивности;

- акустический лад мелодии песни (мажор, минор) может не совпадать с модальностью «услышанного» эмоционального смысла. Так, некоторые музыканты (по двум сеансам 12 % идентификаций) в ВФ 08 услышали эмоциональную мажорность, а в ВФ 04, наоборот, третью слушателями (33 %) был воспринят минорный колорит;

- обобщенный ментальный интонационный перцепт «мелодия русской старинной народной песни» представлен в сознании современного музыканта небольшим количеством жанровых образцов с **ограниченным** набором выражаемых **эмоций**. Так, базовые эмоции высокой степени напряженности «горе» и «возмущение» воспринимаются слушателями (53 % идентификаций) в жанрах с семантикой «женские страдания», «рекрутская», «корильная», они составляют в перцептивной базе одну группу мелодий – минорной модальности. Эмоция «радость» (58 % оценок) характерна для восприятия бытовых шуточных, трудовых плясовых и бахвальных песен (жениха), которые объединяются во вторую группу мелодий – мажорной модальности. Для первой группы мелодий высокую частотность имели эмоции минорной модальности «грусть / печаль» и «страдание» (90 % идентификаций), а для второй группы эмоции мажорной модальности «веселье» (42 % идентификаций) и «хвала / хвальба» (40 % идентификаций). Таким образом, соотносительность воспринимаемой в мелодии эмоции с семантикой

жанра народной песни имеет системный характер и служит подтверждением положения теории Ю. Н. Тюлина о музыкальном мышлении, подчиненного «определенной, свойственной нашему сознанию музыкальной системе», которая «вырабатывается исторически и на основе музыкального опыта закрепляется в сознании с ранних лет, одновременно с формированием словесной речи» [Тюлин, 1966, с. 21]. Мелодия старинной русской народной песни выявляет свою релевантность для восприятия носителем языка ее национальной принадлежности и эмоционального характера, поскольку связана с интонационными параметрами устной речи.

Значительная доля одинаковой идентификации в вербальной форме показывает наличие системной стратегии в слуховом восприятии мелодии народной вокальной музыки, свойственной, возможно, всем членам языкового сообщества. Как представляется, в процессе (неосознанного) соинтонирования подключаются коды в виде динамических вокальных форм, соотносимых в языковом сознании с речевыми структурами определенной эмоциональной модальности и коммуникативного типа предложения. Планируется прояснить данный вопрос на следующих этапах исследования в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
3. Altenmüller E. Musikwahrnehmung und Amusien // Neuropsychologie. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. S. 425–434.
4. Корсакова-Крейн М. Н. Тональное пространство и мелодическое мышление // Философские исследования. 2010. № 3. С. 108–124.
5. Тюлин Ю. Н. Учение о гармонии. М.: Музыка, 1966.
6. Брюсова Н. Я. Русская народная песня в русской классике и советской музыке. М.–Л.: Музгиз, 1948.
7. Способин И. В. Лекции по курсу гармонии. М.: Музыка, 1969.
8. Величкова Л. В., Петроченко Е. В. «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Волгоград. 2021. Т. 20. № 2. С. 133–143.
9. Юферова О. А. Феномен кода в музыкальной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37 (2). С. 113–121.
10. Потенба А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2.
11. Цветкова О. И. Уровни восприятия музыкального текста // Сумма философии. Вып. 7. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. С. 269–276.
12. Гарипова Н. М. О механизмах когнитивных процессов психики при восприятии музыки // Когнитивные исследования на современном этапе (КИСЭ–2017): материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во ПФУ, 2017. С. 323–331.
13. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
14. Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высшая школа, 1989.
15. Винарская Е. Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 12–16.
16. Müller H., Krummenacher J. Funktionen und Modelle der selektiven Aufmerksamkeit // Neuropsychologie. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. S. 239–253.
17. Жиров М. С., Алексеева О. И. Культурная морфология русской народной песни: теоретико-методологический аспект // Научные ведомости БелГУ, Белгород. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 10 (65). Вып. 9. С. 34–43.
18. Потапова Р. К., Потапов В. В. Синкретический дуализм музыки и речи как особый семиотический феномен бытия человека // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. ИНИОН РАН, 2018. № 3 (34). С. 52–71.

REFERENCES

1. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znaniye = Language and knowledge. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
2. Demyankov, V. Z. (2005). Kogniciya i ponimaniye teksta = Cognition and text recognition. Issues of cognitive linguistics, 3, 5–10. (In Russ.)
3. Altenmüller, E. (2006). Musikwahrnehmung und Amusien. Neuropsychologie (S. 425–434). Berlin, Heidelberg: Springer.
4. Korsakova-Kreyn, M. N. (2010). Tonal'noe prostranstvo i melodicheskoye myshleniye = Pitch range and “melodic” thinking. Filosofskiy issledovaniya, 3, 108–124. (In Russ.)

5. Tyulin, Yu. N. (1966). Uchenije o garmonii = The theory of musical harmony. Moscow: Muzyka. (In Russ.)
6. Brjusova, N. Ya. (1948). Russkaya narodnaya pesnya v russkoj klassike i sovetskoj muzyke = Russian folk songs in Russian classics and Soviet music. Moscow–Leningrad: Muzgiz. (In Russ.)
7. Sposobin, I. V. (1969). Lekcii po kursu garmonii = Lectures on the course of musical harmony. Moscow: Muzika. (In Russ.)
8. Veličkova, L. V., Petročenko, E. V. (2021). “Vocal form” as a music-phonetic speech genre: aspects of study. Science journal of Volgograd state university. Linguistics, 20(2), 133–143. (In Russ.)
9. Yuferova, O. A. (2016). The phenomenon of code in musical communication. Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts, 37(2), 113–121. (In Russ.)
10. Potebnya, A. A. (1958). Iz zapisok po russkoj grammatike = Some notes on Russian grammar (vols. 1–2). Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
11. Zvetkova, O. I. (2007). Urovni vospriyatiya muzikal'nogo teksta = The levels of vocal text perception. Summa filosofii, 7, 269–276. Ekaterinburg: Isdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)
12. Garipova, N. M. (2017). O mehanizmah kognitivnyh processov psihiki pri vospriyatii muzyki = Cognitive psychic processes in music perception. Kognitivnye issledovaniya na sovremennom etape, KISE-2017 (pp. 223–331): Proceedings of All-Russia Conference. Kazan': Isdatel'stvo PFU. (In Russ.)
13. Hotinec, V. Yu. (2000). Etnicheskoe samosoznanie = Ethnic conscience. St. Petersburg: Aleteja. (In Russ.)
14. Vinarskaya, E. N. (1989). Vyzritel'nyye sredstva teksta (na materiale russkoj poezii) = The study of textual means of expression (based on Russian poetry). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
15. Vinarskaya, E. N. (2001). K probleme bazovyh emocional'nyh konceptov = The problem of basic emotive concepts. Vestnik VGU. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2, 12–16. (In Russ.)
16. Müller, H., Krummenacher, J. (2006). Funktionen und Modelle der selektiven Aufmerksamkeit. In Neuropsychologie (S. 239–253). Berlin, Heidelberg: Springer.
17. Zhirov, M. S., Alekseeva, O. I. (2009). Cultural morphology of the Russian folk song: theoretical and methodological aspect. Belgorod state university scientific bulletin. Philosophy, sociology, law, 9, 34–43. (In Russ.)
18. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2018). Sinkreticheskij dualizm muzyki i rechi kak osobyj semioticheskij fenomen bytiya cheloveka = Syncretic dualism of speech and music as a special semiotic phenomenon of human existence. Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnyye aspekty, 3(34), 52–71. INION RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петроченко Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии

Воронежского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petročenko Elena Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the German Philology Department

Faculty of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.10.2021
06.02.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_102



Автореференция в женском дискурсе начала XVII века: «Апология в защиту той, кто пишет» Мари де Гурне

Е. В. Тулубеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
evtulubeeva@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает лингвистический статус автореференции на примере апологического трактата Мари де Гурне, определяемого как женский дискурс, который принадлежит перу незаурядного автора-женщины начала XVII века. Анализируются *социально-прагматические основания присутствия автора в тексте, особое внимание уделяется семантико-прагматическому потенциалу эксплицитных автореферентных предикаций, которые подчинены логической структуре апологетики и формируют авторское «Я» в андроцентрическом обществе.*

Ключевые слова: автореферентность, автореферентные предикации, апология, женский дискурс, Мари де Гурне, семантико-прагматический потенциал, социальные гендерные стереотипы, французские писательницы XVII века

Для цитирования: Тулубеева Е. В. Автореференция в женском дискурсе начала XVII века: «Апология в защиту той, кто пишет» Мари де Гурне // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 102–108. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_102

Original article

Self-Reference in Female Discourse of the Early 17th Century: “Apology for the Woman Writing” Marie de Gournay

Elena V. Tulubeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
evtulubeeva@mail.ru

Abstract. The article considers the linguistic status of self-reference on the example of Marie de Gournay's apology treatise defined as female discourse which was penned by an original female author of the early 17th century. It analyses socio-pragmatic grounds of the presence of the author in the text and pays special attention to the semantic-pragmatic potential of explicit self-referential predications which bend the logical structure of apologetics and form the author's “I” in androcentric society.

Keywords: self-reference, self-referential predications, apology, female discourse, Marie de Gournay, semantic-pragmatic potential, social gender stereotypes, French female authors of the 17th century

For citation: Tulubeeva, E. V. (2023). Self-Reference in Female Discourse of the Early 17th Century: “Apology for the Woman Writing” Marie de Gournay. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 102–108. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_102

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм современной отечественной лингвистической науки предполагает изучение языковых проекций чувств, намерений, знаний *homo loquens* в различных дискурсах, объективируя тем самым механизмы самоопределения, самовыражения и саморепрезентации речевого субъекта в процессе речевого творчества. Из коммуникативно-прагматического понимания названных антропоцентрических категорий, опирающихся на рефлексию, оценку и выражения речевым субъектом своих эмоциональных, волевых, эпистемических и других состояний, вытекает автореферентный характер языковых средств.

Настоящая статья представляет собой анализ лингвопрагматических механизмов автореференции и ее лингвистического статуса в женском письме начала XVII века, принадлежащем перу Мари де Жарс де Гурне и определенном отечественными и французскими исследователями как «женский дискурс» [Крюкова, 2022; Dezon-Jones, 1983].

Письмо де Гурне репрезентирует женщину во французском обществе и культуре конца XVI века – начала XVII века и представляет собой логическую структуру, способную противостоять доктринам и стереотипным установкам патриархального общества. Аргументы, к которым прибегает автор в своих произведениях, делая попытку отречься от социально-культурной парадигмы своего времени, выстроенной на иерархической дифференциации полов [Крюкова, 2022], содержат отсылки писательницы к самой себе, конструируя тем самым автореферентный женский дискурс, в котором актуализированы процессы самоопределения, самовыражения и саморепрезентации.

МАРИ ЛЕ ЖАР ДЕ ГУРНЕ (MARIE LE JARS DE GOURNAY, 1565–1645): ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВТОРА-ЖЕНЩИНЫ В АНДРОЦЕНТРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рубеж XVI–XVII веков – один из самых бурных политических периодов в истории Франции: период политических противостояний и открытых битв, памфлетных войн, философских споров, среди которых значительное место занимал «Спор о женщинах» (*Querelle des Femmes*). Участники последнего использовали разнообразные философские подходы, обсуждая проблемы положения женщин в обществе, женской власти, женской речи и доступа к образованию, а также вопросы о женской красоте и нравственности.

Во французском обществе XVII века дифференциация полов являлась социальной категорией и лежала в основе гендерных стереотипов поведения в обществе (семье и свете), а также в основе стереотипов всех видов труда и деятельности, в том числе и писательской. В силу укоренившихся социальных стереотипов женщины молчали, не участвуя в создании памятников культуры и оставаясь в статусе описываемого объекта в мужском творчестве. Однако ситуация начала постепенно меняться в конце XVI – начале XVII века, когда у женщин дворянского сословия появилась хорошо организованная светская жизнь. Подтверждение тому – знаменитая салонная культура Франции, в которой доминировали дамы, представляя весьма ощутимую социальную силу. Именно в литературных салонах женщины начали делать уверенные шаги в писательстве. Но если конец XVII века ознаменовался творчеством де Лафайет, де Скюдери, де Севинье, Комон де ля Форс, Катрин Бернар и других дам, то в начале XVII века литераторство было еще абсолютной монополией мужчин.

Тогда же стали выходить в печать антифеминистские произведения, самым яростным и популярным из которых оказался памфлет Жака Оливье «Алфавит женских недостатков» (*L'Alphabet des imperfections et malice des femmes*) 1617 года, выдержавший восемнадцать переизданий за тридцать пять лет. Знаменитый и влиятельный Мишель Монтень в «Опытах» также выразил свое мнение: женщины неспособны к управлению, им необходимо отказываться в чувстве дружбы и определять жесткие рамки для образования [Трофимова, 2015].

В защиту женщин выступили не только мужчины, как например, шевалье де Л'Эскаль с трактатом «Защитник женщин» в 1618 г. (*Le champion des femmes. Qui soutient qu'elles sont plus nobles, plus parfaites, & en tout plus vertueuses que les hommes*), но и «названная дочь» Монтеня – Мари ле Жар де Гурне, не разделявшая суждений своего духовного отца и учителя о женщинах. В 1622 г. она опубликовала трактат «О равенстве мужчин и женщин» (*Egalite des hommes et des femmes*), а в 1626 г. – памфлет «Жалоба женщин» (*Grief des Dames*), в которых отстаивала равенство полов, отказываясь от иерархии «лучше – хуже», и рассматривала все основные различия в общественном положении женщин и мужчин как следствие неравного образования и социальных ограничений [там же, с. 346]. Широко известна ее цитата из «Жалобы женщин»:

Bienheureux es-tu lecteur si tu n'es point de ce sexe qu'on interdit de tous les biens, le privant de la liberté, [...] à qui l'on interdit [...] toutes les vertus, afin de luy constituer pour seule félicité [...] ignorer, faire le

sot et servir [Le livre scolaire, URL]. – Блажен ты, читатель, если не принадлежишь к этому полу, кому запрещены все блага и отказано в свободе <...>, которому запрещены ... все добродетели, чтобы оставить ему лишь одно блаженство <...> невежество, раболепство и способность исполнять роль глупца¹.

Де Гурне не доказывает превосходство женщин над мужчинами, а ставит вопрос о пересмотре дуалистического представления общества, разделяя его на «мудрецов» и «безумцев», а не на мужчин и женщин. Она мечтает об интеллектуальной андрогинности, отстаивая своим письмом равные права женщин и мужчин на образование и не получение знаний.

Что же это была за женщина, чей голос прозвучал громко и весомо в серьезной философской полемике в андроцентрическом обществе? По мнению современных исследователей, вклад Мари де Гурне в литературно-философский канон огромен. В свое время она слыла одной из семидесяти самых известных женщин всех времен: в 1663 году Жан де ля Форж включил ее в «Круг ученых женщин» (*Le cercle des femmes sçavantes*). Мари была автодидактом, ученицей Монтеня, а после его смерти – редактором его трудов. Ришелье даровал ей привилегию на переиздание трудов Монтеня. В XX веке академическое издание «Опытов» вышло в Библиотеке Племы с вступительной статьей де Гурне, написанной в 1595 году.

Мари де Гурне обогатила французское литературно-философское наследие трактатами и эссе о языке и литературе, идеями об образовании женщин и воспитании принцев, стихотворными и прозаическими переводами с латыни. Среди ее сочинений мы находим памфлеты в защиту поэтических принципов Ронсара и дю Белле, корпус трактатов, направленных против реформы французского языка Малерба и излишнего пуризма поэтической речи, поэтические и прозаические переводы Вергилия, Овидия, Цицерона и других античных авторов. Она была одной из незаурядных писателей и философов, ее творчество многогранно и разнообразно, а наследие весьма объемно. Например, только сборник «Советы, или Подарки мадмуазель де Гурне» («*Les avis ou les Presents de la demoiselle de Gournay*») насчитывает 53 эссе и почти 900 страниц. Современники высоко ценили ее широкую эрудицию, ум, редакторскую деятельность и сочинения в различных жанрах. По мнению французского исследователя Нуазе, ее философско-моралистические сочинения позволяют поставить ее не в один ряд с Кристиной Пизанской

и мадам де Лафайет, а с Монтенем и Ларошфуко [Noiset, 1994].

Своей основной целью де Гурне видела порицание и исправление нравов. Она состояла в переписке и отрывито и смело обращалась к кардиналам и епископам, к ученым и профессорам университета, к принцам и королям. Свой блестящий перевод «Энеиды» она посвятила Людовику XIII, а «Равенство мужчин и женщин» – Анне Австрийской. Она восхищалась умом и дипломатическим талантом Генриха IV, но осуждала моральное разложение его двора, она увещевала юного Людовика XIII не забывать, что его миссия – служить своим подданным, выступала за запрет дуэлей. Если верить аббату Мишелю де Маролу, именно де Гурне высказала первую идею о создании Французской Академии [Schiff, 1910].

Однако, наряду с признанием ее таланта и писательского кредо («жить – значит думать»), ей приходилось всю жизнь терпеть разного рода нападки, насмешки, жестокие розыгрыши и даже травлю со стороны современников обоих полов. Ее критиковали не только за ее взгляды, идеи, но и за бедность, некрасивую внешность, за жизненный выбор «не иметь другого мужа, кроме как чести, обогащенной чтением хороших книг» [Gourde, 2005].

В качестве литературных свидетельств жестокости критики писательница оставила нам три произведения: «Копия жизни Мари де Гурне», «Живопись нравов» и «Апология в защиту той, кто пишет» (*Copie de la vie de la Demoiselle de Gournay, Peinture de mœurs, Apologie pour celle qui écrit*), где указала на причины нападков и выстроила аргументацию в свою защиту. Эссе содержат фрагменты автобиографии и характеризуются высокой степенью интроспекции, развернутой описательностью процессов самоопределения и саморепрезентации незаурядного автора-женщины начала XVII века. Следовательно, эти пробы пера могут служить материалом для исследования лингвистического статуса женского письма и лингвистических механизмов автореферентных статусов.

«АПОЛОГИЯ В ЗАЩИТУ ТОЙ, КТО ПИШЕТ»: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРЕФЕРЕНТНОСТИ

В качестве эмпирического материала было выбрано эссе «L'Apologie pour celle qui escrit», которое представляет собой *pro domo* – длинную защитительную речь в ответ на клевету и наветы, распространяемые устно. Де Гурне выбирает защиту через письмо, делая адресатом некоего прелата своих друзей, и трижды публикует свою апологию: впервые – в сборнике «Тень мадмуазель де

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. Т.

Гурне» («L'ombre de la Demoiselle de Gournay»), затем – в 1634 и 1641 годах в сборнике «Советы, или Подарки мадемуазель де Гурне» («Les Advis, ou, les Presens de la Demoiselle de Gournay»). Де Гурне многократно эксплицирует прагматические цели:

- заставить замолчать наветы:
...la calomnie me force à conter ce monceau de sornettes, afin d'essayer à la reprimer [L'Apologie pour celle qui escrit, 1646, с. 609–610];
- предоставить друзьям аргументы, чтобы разрушить образ, созданный клеветниками.
...je vous ay redigé par écrit ceste Apologie, afin que vous puissiez ... me deffendre contre les sottises du caquet populaire [там же, с. 633];
- восстановить истину благодаря искусству слова.
...toute personne sage approuvera franchise, plaindra la nécessité qu'on [lui] a donnée de produire ces discours au jour [там же, с. 621];
- остаться в памяти потомков:
...tesmoigner après moy que je meritois un meilleur sort» [там же, с. 592].

Апология представляет собой классический образец философского трактата с его многочисленными длинными отступлениями, цитатами и ссылками на высказывания античных авторов и является, по мнению Элианы Дезон-Джонс, «женским письмом» (*écriture féminine*) [Dezon-Jones, 1983, с. 27].

Основываясь на выводах Дезон-Джонс и отечественных исследователей Солодковой, Тюрневой, Бирюковой [Солодкова, Тюрнева, Бирюкова, 2020], занимающихся проблемой женского дискурса, мы определяем «Апологию» де Гурне как образец женского автореферентного дискурса, поскольку в ее основе лежит автореферентная ситуация, происходящая вокруг центрального референта: писательница оказывается объектом устной травли и создает текст, в котором все остальные референты группируются и организуются вокруг ее авторского Я. Автор становится субъектом и объектом идентифицирующих суждений, а в процесс референции вплетается механизм самоидентификации и самопрезентации.

Более 40 страниц Мари де Гурне посвящает своему жизнеописанию. Здесь, возможно, сказывается влияние ее учителя – Монтеня [Devincenzo, 2016]. Она откровенно сообщает читателям подробности своей жизни и раскрывает свой образ мыслей,

выражая гневный протест против сплетен и наветов. Открыто заявляет о том, что ей хочется иметь врагов, а не насмешников и болтунов (*moqueurs, brocardeurs*), не принимающих ее всерьез и не вступающих с ней в литературную полемику только потому, что она – женщина. Именно этот факт она считает наивысшим оскорблением (*voilà la suprême injure*).

Ее обвиняют в плохом ведении хозяйства и финансовых дел, в бедности, в проведении алхимических опытов. Однако основная мишень нападок – ее ученость и знания, которые в глазах современников выглядят весьма «подозрительными для женщины» [Noiset, 2000].

В ответ на обвинения де Гурне старательно доказывает свою образованность, которая ей не мешает оставаться женщиной в практических навыках ведения хозяйства и в светском обществе. Писательница выстраивает стройную защиту «через письмо», все время подчеркивая, что письмо всегда находится в сильной позиции, потому что оно истинно и вечно, в то время как словесная клевета ложна и временна. Ее горячая убежденность в том, что женское письмо способно противостоять клеветническому слову, актуализируется через автореферентные статусы – средства характеристики самой себя в качестве субъекта мышления и действия.

Как показывает анализ материала, эксплицитные автореферентные единицы подчинены особой логической структуре апологетики и образуют композиционно-семантические блоки: изложение обвинений, затем их опровержение и изложение собственной позиции.

Анализ референтных статусов в рамках лингвистической прагматики, определяющей референцию как основополагающую категорию, требует определения единицы языковой структуры-актуализатора. Вслед за С.Т.Нефедовым [Нефедов, 2015], который занимался проблемой определения прагматических оснований применения автореферентных обозначений, в качестве такой единицы мы принимаем «предикацию». В лингвистике под «предикацией» «понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта, характеризуемого, предикандума) и предиктируемого признака (предиката, характеристики)» [там же, с. 315].

Уже в названии «L'Apologie pour celle qui escrit» де Гурне заявляет о себе как о представительнице женского пола, эксплицируя тем самым два референтных статуса: *женщина* и *женщина, занимающаяся писательством*. Таким образом, ядро авторской идентичности представлено в сильной позиции текста и сформировано референтами на женский пол

и на писательскую деятельность женщины, которая, как мы указывали выше, не соответствовала гендерным социальным стереотипам своего времени.

Безусловным ядром автореференциальности текста является местоимения 1-го л. ед. ч. и его косвенные формы, сопровождаемые предикатами разнообразной семантики. В настоящую статью включены некоторые примеры *основных автореферентных статусов*, в которых предиктируемое содержит указания на характеристики как:

- **черты характера и образованность**, которые позволяют писательнице быть полезной обществу:

On ne me peut aussi dépeindre pour brouillonne, riotteuse ny querelleuse, bien que sensible, roide et vehemente: qualitez qui tout ainsi qu'elles seroient des espines, ou les produiroient, en une ame non éclairée de la Raison, se rendent seminaires et nourrices de plusieurs louables effects et nécessaires à la société, dans les ames illuminées de ce flambeau [L'Apologie pour celle qui escrit, 1646, с. 596]. – Меня нельзя назвать ни спорщицей, ни насмешницей, ни смутьянской, а скорее чувствительной, твердой и пламенной натурой... ведь именно эти качества образованных душ делают их весьма полезными обществу.

- **приверженность к истине**, несмотря на то что подобная позиция может вредить ей самой:

...je suis si partisane de la Verité, que je ne la puis pas mesmes nier, où elle me nuit, quand je suis obligée de parler: ces confessions en rendent preuve, que je pourrois supprimer en partie, ou les déguiser [там же, с. 607]. – ...я настолько привержена Истине, что не могу ее отрицать даже там, где она вредит мне, когда я вынуждена говорить: я уже делала некоторые признания, которые могла бы скрыть или замаскировать...»;

- отсутствие гордыни и смирение:

...j'ayme le silence sur mes actions, si je ne puis obtenir la louange, et supporte aygrement la calomnie [там же, с. 592]. – Я люблю молчание о своих поступках, если не могу получить похвалу, то горько сношу клевету...

- **трудное финансовое положение на грани бедности**: Де Гурне воспринимает нападки на свое плачевное финансовое состояние как следствие умаления ее интеллектуальных способностей и отказа общества признать ее достойной писательницей:

...ma triste fortune m'a portée à découvrir la face du genre humain voilée pour ceux qui sont en prospérité... [там же, с. 640]. – ...мое бедственное положение открыло

для меня другое лицо человеческого рода, скрытое от тех, кто процветает...

...apres la pauvreté, comme d'estre clair-voyante et sçavante [там же, с. 647]. – ... (меня упрекали) сначала за бедность, потом за ясновидение и ученость.

В качестве аргумента защиты она выбирает откровенное и подробное объяснение причин разорения семьи после смерти отца:

...en me plaignait de ces pertes que ie dois me plaindre de ces banqueroutiers [там же, с. 649]. – ...жалуюсь на те потери ... теперь я вынуждена жаловаться на финансовую несостоятельность и долги.

...pour accomplir icy l'histoire de mon maniemment de biens, ie confesse d'autre part que ma bonté trop confiante en autrui m'a cousté cinq cens escus... [там же, с. 650]. – ...чтобы завершить историю управления моим имуществом, я признаюсь в том, что мое доброе доверие к другим стоило мне пятьсот экю...

- **занятия алхимией**: значительное место в эссе отведено защите от обвинений в проведении дорогостоящих алхимических опытов, на которые у женщины в ее социальном и финансовом положении не может быть ни средств, ни знаний, ни способностей:

...on adjouste en mon fait un point particulier, c'est de pratiquer l'Alchimie, qu'ils croient en soy folie parfaite [там же, с. 606]. – ...добавляют еще и мои занятия алхимией, что считается полным сумасшествием.

Де Гурне доказывает, что деньги на опыты она получала за свои писательские труды:

...je travaillay sur cet Art, me cousta, je l'avoue, quelque somme non méprisable, quoy que non fort excessive, provenue certes de mes ... labeurs, non de mon patrimoine [там же]. – ...я работала над этим искусством, признаю, получив на это отнюдь не ничтожную сумму, хотя и не непомерную от моих ... трудов, а не из наследства...

Де Гурне признается, что она проводила алхимические опыты, хотя они были запрещены Парижским парламентом, объясняя их интересом к новым знаниям и стремлением укрепиться в обществе как *femme studieuse*, чтобы внести свой вклад в развитие науки вопреки социальным стереотипам:

...si je n'esperois nul succès en l'œuvre... pour voir, ce que deviendra la matière que je tiens sur le feu: curiosité

naturelle et saine [L'Apologie pour celle qui escrit, 1646, с. 608]. – «если бы я не верила в успех труда... чтобы увидеть, во что превратится материя, которую я держу на огне: естественное и здоровое любопытство».

Затем она заверяет, что вынуждена была прекратить опыты по причине высокой стоимости горячего и отсутствия ожидаемых результатов.

- **писательская деятельность**, которую Де Гурне считает основной причиной нападков и основным объектом своей защиты:

...on fagotte à fantaisie l'image d'une femme lettrée: on compose d'elle une fricasée d'extravagances et de chimères... et sous la forme de cet épouventail [там же, с. 605]. – ...создают своей фантазией образ образованной женщины: делают из нее фрикасе из экстравагантности и химер... иногда в форме пугала.

Наряду с прямой автореференцией, рассмотренной выше, излюбленным приемом де Гурне является инклюзивная автореференция, указывающая на ее принадлежность к одной или нескольким референциальным группам и принятия их идентифицирующих особенностей: к философам, мудрецам, добродетельным и честным натурам, которые так же, как и она, являлись мишенью для клеветы и травли: *âmes exquisés, illuminées, Philosophes, amateurs de Science, sages, pauvres vertueux, honnêtes, femmes studieuses etc.*

Рамки статьи не позволяют рассмотреть весь набор автореференциальных предикаций анализируемого апологического эссе. Отметим, что оно содержит множество примеров создания

пропозиций автореференциальных статусов первого порядка и развернутых доказательств их истинности или ложности относительно действительности – автореференциальных статусов второго порядка, конструируя таким образом авторское «Я» де Гурне: образованной женщины, которая «живет в соответствии с законами разума и добродетели» и способна противопоставить свое писательское слово наветам и клевете и тем самым влиять на восприятие образованной женщины в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ автореференциальных статусов, относящийся в общетеоретическом плане к области прагмалингвистики, дает ответы на вопрос, как используются ресурсы письменного языка в определенном социально-историческом контексте. «Апология в защиту той, кто пишет» Мари де Гурне объективирует процесс индивидуальной самоидентификации и самовыражения автора-женщины в андроцентрическом обществе, когда стереотипное мышление обязывало женщину соответствовать строгим гендерным представлениям. В многогранном и обширном творчестве де Гурне зарождаются традиции женского письма во Франции, в котором отражается поиск гармонии между своим «Я» и дискурсивными формами, характерными для французского общества начала XVII века.

Наследие де Гурне может служить богатым материалом для изучения свидетельств размывания границ устоявшихся культурных и дискурсивных моделей Нового времени, когда письмо отражало приоритет всеобщего над индивидуальным, публичного над частным, мужского над женским.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крюкова О. А. Проявления гендерного дискурса в творчестве Мари де Гурне // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 106–116.
2. Dezon-Jones É. Marie de Gournay: le je/u palimpseste // L'Esprit créateur. 1983. Vol. 23. No 2. P. 26–36.
3. Трофимова В. С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 338–349.
4. Le livre scolaire.fr: manuels numériques . URL: <https://www.lelivrescolaire.fr/page/36633738>
5. Noiset M.-Th. Marie de Gournay et le caprice des siècles // Études françaises. 1994. Vol. 29. No 3. P. 193–205.
6. Schiff M. La Fille d'alliance de Montaigne, Marie de Gournay. Paris: Librairie Honoré Champion, 1910.
7. Gourde S. Écriture contre parole. Marie de Gournay et son autodéfense dans Apologie pour celle qui escrit // Tangence. 2005. Vol. 77. P. 61–72. URL: <https://doi.org/10.7202/011699ar>
8. L'Apologie pour celle qui escrit. Dans des Advis, ou, Presens de la Demoiselle de Gournay. Paris: Jean Du Bray, 1646. Œuvres complètes, ouvr. Cité.
9. Солодкова Е. В., Тюрнева Т. В., Бирюкова Я. Ю. Сущность женского автореферентного дискурса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3. С. 105–113.
10. Devincenzo G. Dans les coulisses de l'atelier d'un maître verrier, ou Marie de Gournay et les séductions de la science. 2006. URL: <https://journals.openedition.org/studifrancesi/4260>

11. Неведов С. Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе // XLIII Международная филологическая конференция. Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 года. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. С. 313–320. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25179981>

REFERENCES

1. Kryukova, O. A. (2022). Gender Discourse Manifestations in the Works of Marie de Gournay. Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication № 1. P. 106–116.
2. Dezon-Jones, É. (1983). Marie de Gournay: le je/u palimpseste. L'Esprit créateur, 23(2), 26–36.
3. Trofimova, V. S. (2015). «Querelle des Femmes» in European cultures in the late 16th–early 17th century. Dialogue with Time, 50, 338–349.
4. Le livre scolaire.fr: manuels numériques. <https://www.lelivrescolaire.fr/page/36633738>
5. Noiset, M.-Th. (1994). Marie de Gournay et le caprice des siècles. Études françaises, 29(3), 193–205.
6. Schiff, M. (1910). La Fille d'alliance de Montaigne, Marie de Gournay. Paris: Librairie Honoré Champion.
7. Gourde, S. Écriture contre parole. Marie de Gournay et son autodéfense dans Apologie pour celle qui écrit. Tangence, 77, 61–72. <https://doi.org/10.7202/011699ar>
8. L'Apologie pour celle qui écrit. Dans des Advis, ou, Presens de la Demoiselle de Gournay. Paris: Jean Du Bray, 1646. Œuvres complètes, ouvr. Cité.
9. Solodkova, E. V., Tyurneva, T. V., Biryukova, Ya. Yu. (2020). The essence of the women's autoreferential discourse. Cherepovets State University Bulletin, 3, 105–113. (In Russ.)
10. Devincenzo, G. (2006). Dans les coulisses de l'atelier d'un maître verrier, ou Marie de Gournay et les séductions de la science. <https://journals.openedition.org/studifrancesi/4260>
11. Nefedov, S. T. (2015). Autoreference in scientific linguistic discourse. In XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya (pp. 313–320). St. Petersburg, 2014, March 11–16. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25179981>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тулубеева Елена Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tulubeeva Elena Valerievna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.05.2023
15.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Опыт сопоставительного анализа прагматических коннекторов (на примере французских коннекторов со значением резюмирования, пояснения, обобщения, вывода, завершения)

Е. Л. Туницкая

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Россия, thon@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена функционированию дискурсивных коннекторов близкой семантики во французском языке. Актуальность анализа связана с тем, что обучающиеся испытывают сложности в их разграничении и употреблении, не имея непротиворечивой информации об этом в научных и справочных материалах. Анализ выполнен на материале протоколов европейских парламентских дебатов; он уточняет значение некоторых коннекторов и показывает наличие у них, наряду с основным, периферийных, контекстуально обусловленных значений, за счет чего происходит взаимное пересечение их функционально-семантических полей.

Ключевые слова: дискурсивный коннектор, аргументативный анализ, контекстуальное значение, функционально-семантическое поле, окказиональная синонимия

Для цитирования: Туницкая Е. Л. Опыт сопоставительного анализа прагматических коннекторов (на примере французских коннекторов со значением резюмирования, пояснения, обобщения, вывода, завершения) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 109–115. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_109

Original article

Comparative Analysis of Pragmatic Connectors (on the example of French connectors with the meaning of summary, explication, generalization, conclusion, ending)

Elena L. Tunitskaya

*Russian Academy of Foreign Trade (Ministry of Economic Development of the Russian Federation)
Moscow, Russia, thon@list.ru*

Abstract: The article is devoted to the functioning of discursive connectors of close semantics in the French language. The relevance of the analysis is due to the fact that students experience difficulties in their differentiation, without having consistent information about it in scientific and reference materials. The analysis is based on the protocols of the European parliamentary debates; it clarifies the meaning of some connectors and shows the presence of peripheral, contextually conditioned meanings in them, due to which their functional and semantic fields intersect.

Keywords: discursive connector, argumentative analysis, contextual meaning, functional semantic field, occasional synonymy

For citation: Tunitskaya, E. L. (2023). Comparative Analysis of Pragmatic Connectors (on the example of French connectors with the meaning of summary, explication, conclusion, ending). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 109–115. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_109

ВВЕДЕНИЕ

Коннекторам французского языка – союзам, союзным выражениям и т. п. – традиционно уделяется большое внимание как во французской, так и в отечественной лингвопрагматике [Семантика коннекторов ... 2018; Rossari, 2000; Roulet, 1987]. Однако нечасто в поле зрения исследователей попадает периферийная, контекстуально обусловленная семантика коннекторов, в то время как большинство из них широкозначны, а, следовательно, обладают периферийными, контекстуально обусловленными значениями.

Мы осуществляем прагматический анализ союзных наречий и других союзных выражений, т. е. анализируем их актуальное значение и функцию в контексте целого высказывания.

Цель предпринятого нами исследования – проанализировать ряд коннекторов (с основным значением завершения, вывода, обобщения, резюмирования и пояснения) на основе выявления их значений в прагматическом контексте, с опорой на аргументативную теорию французских исследователей О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра (логико-прагматический подход) [Anscombre, Ducrot, 1988]. Как подчеркивают исследователи, прагматический коннектор несет в себе сведения о развитии мысли, программирует развитие диалогического смысла.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Примеры коннекторов завершения, вывода, обобщения, резюмирования (сокращенного изложения) для совместного исследования выбраны не случайно, поскольку эти значения априори кажутся близкими.

Текстовый материал для анализа был заимствован, в основном, из запротоколированных и опубликованных дебатов Европарламента¹, поскольку

¹ Parlement Européen. Débat 10 avril 2008. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20010704+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem6> ; Débat 11 février 2003. URL : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20000301+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 4 juillet 2001. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20010704+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem6> ; Débat 12 avril 2005. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050412+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 13 décembre 2006. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061213+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 14 mars 2006. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20060314+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 13 mai 2003. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20030513+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 14 novembre 2006. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061114+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> ; Débat 28 novembre 2001. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20011128+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR> (дата обращения: 18.08.2022).

дебаты как дискурсивный жанр, очевидно, направлены именно на аргументацию.

На базе отечественных словарей, учебников и аутентичных электронных пособий по французскому языку был составлен список коннекторов исследуемой семантики – 28 единиц [Александровская, 2008; Гак, 2004; Семантика коннекторов ... 2018; Adrian, 2018].

Причем рассматриваются они часто как синонимы: нюансы различий между ними не акцентируются. Так, электронный словарь синонимов Dictionnaire Reverso² перечисляет в качестве синонимов фразового наречия *bref* следующие коннекторы: *en résumé, en somme, en un mot, de toute façon, peu importe, en d'autres termes, en conclusion, enfin, quoiqu'il en soit, autrement dit*. Даже если исключить из списка коннекторы *quoiqu'il en soit, peu importe* и *de toute façon* с уступительным значением, требующие отдельного рассмотрения, перед нами внушительный список языковых единиц, которые не могут являться абсолютными синонимами.

Данный пример показывает, какие сложности в выборе коннектора и определении его значения в контексте испытывает обучающийся, а подчас и носитель языка.

ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее широкозначными представляются союзные наречия *bref, enfin, ainsi*, поскольку в анализируемом нами текстовом материале парламентских дебатов именно они были самыми частотными.

Интересно было бы также проследить связь значения коннектора с его внутренней формой. Именно по этому признаку мы изначально выбирали группы коннекторов для описания. Например, выражение *en un mot* ориентирует вторую часть высказывания на обобщение и краткое изложение, тогда как *en conclusion* предполагает последующий вывод.

Исходя из внутренней формы коннекторов, можно также предположить в некоторых случаях их полную синонимичность (*en un mot* и *en peu de mots*; *en résumé* и *pour résumer, en d'autres termes* и *en d'autres mots* и т. п.) Отличие таких синонимов может носить функционально-стилистический характер, что удалось проследить в отдельных случаях.

² URL : <https://dictionnaire.reverso.net/francais-synonymes/en+brief> (дата обращения: 18.08.2022).

АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ И ПОСТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

1. Внутренняя форма выражений *en un mot, en peu de mots* указывает на значение резюмирования (краткого изложения мысли). На практике говорящий редко ставит подобную коммуникативную задачу саму по себе. Так, в следующем примере видна еще и цель упрощения изложения. На эту мысль указывает, в частности, предложенный на сайте PROMT.One перевод фразы на русский язык:

En un mot, un État affaibli ne peut pas faire respecter le droit privé et le droit contractuel tandis qu'un État suffisamment fort pour les faire respecter doit contrôler ses propres bureaucraties. – Проще говоря¹, слабое государство не может обеспечить выполнение контрактов и соблюдение прав собственности...²

В ряде случаев заключительную часть высказывания, вводимую коннектором *en un mot*, можно рассматривать и как подведение итога, вывод:

Qu'allons-nous entreprendre dans ce domaine et, en outre, des budgets ont-ils été prévus à cet effet ? En un mot, je demande à la présidence belge de réaliser, au cours des mois à venir, un travail concret (Parlement Européen. Débat 10 avril 2008).

Однако сема вывода является здесь периферийной. Во-первых, мы можем добавить выражение вывода в высказывание, и фраза не покажется избыточной. Приведем встретившийся нам оригинальный пример совместного употребления двух коннекторов – «краткости» и вывода:

En un mot, et pour conclure ... soit nous revoyons à la baisse nos ambitions pour l'Europe, soit nous lui donnons les ressources³ (Parlement, 11 février 2003).

Разумеется, сокращенное изложение выше-сказанного самим говорящим или его собеседником чаще композиционно размещается в конце высказывания, но не исключено и продолжение высказывания тем же говорящим, поэтому возможность приписать этим коннекторам еще и значение логического завершения кажется нам проблематичной. Удачным критерием отсутствия

синонимии является, как мы уже продемонстрировали, допустимость совместного употребления двух коннекторов:

(?) *Finally (enfin) et en un mot, un État affaibli ne peut pas faire respecter le droit privé et le droit contractuel tandis qu'un État suffisamment fort pour les faire respecter doit contrôler ses propres bureaucraties.*

2. Судя по внутренней форме, коннекторы *autrement dit, en d'autres termes (en d'autres mots), c'est-à-dire, autant dire* должны были бы сигнализировать о перифразировании. Однако пример показывает, что речь обычно идет не о повторении сказанного иными словами, а о пояснении, определении какого-либо явления, а иногда даже об исправлении суждения в деталях или о выводе из него.

- Пример дефиниции:

Le Conseil européen nous a semblé étrangement incertain jusqu'au 31 décembre de l'année dernière, quand une solution a été trouvée, solution qui, en commission, a été qualifiée de virtuelle, c'est-à-dire non formalisée dans la réalité (Parlement 4 juillet 2001).

- Пример дефиниции, пояснения:

Ces droits présentent donc un caractère constitutif et non déclaratif; en d'autres mots, ils s'acquièrent indépendamment de toute concession ou de toute autorisation émanant des États membres (Parlement, 11 février 2003).

- Пример пояснения:

Il n'est pas du tout certain que les efforts seront communs, ou, en d'autres termes, que l'on tentera réellement d'améliorer la politique sociale dans tous les domaines (Parlement 12 avril 2005).

- Пример вывода:

L'Union européenne a à peine plus de quarante ans. Autant dire qu'elle est encore très jeune (Parlement 4 juillet 2001).

Во всех приведенных примерах допустимо употребление любого из анализируемых синонимов. Однако коннектор *c'est-à-dire* чаще прочих вводит не отдельное предложение, а словосочетание внутри предложения.

3. Большинство словарей и учебных пособий называют в качестве синонимов *en un mot*

¹ URL: <https://www.translate.ru> (дата обращения: 18.08.2022).

² Оговоримся, что резюмирование (краткое изложение) всегда подразумевает наличие перифразы, но нельзя утверждать обратного: перифразирование может быть и без сокращения.

³ Выражение *en peu de mots* встречается реже в том же значении, что и *en un mot*.

выражения *en résumé*, *pour résumer* и (реже) *bref* (*en bref*)¹. Рассмотрим примеры употребления данных коннекторов:

En résumé, il s'agit d'une ... proposition mal ficelée et rétrograde contre laquelle nous voterons (*Parlement 11 février 2003*).

Pour résumer la situation *en un mot*, comme ... un des honorables députés l'a suggéré, j'utiliserais le terme «réforme» (*Parlement 13 décembre 2006*).

Очевидно, все приведенные высказывания нельзя рассматривать как изложение ранее сказанного, пусть даже краткое, но лишь как подведение итога сказанному (обобщение) и вывод. Особенно показателен последний пример, когда одновременное употребление указания на краткость изложения *en un mot* не является тавтологией – у этих выражений в данном высказывании разные функции и значения.

Наши наблюдения согласуются, впрочем, с некоторыми словарными источниками, указывающими для коннекторов *pour résumer* и *en résumé* основным именно значение вывода. Таким образом, этимология этих коннекторов (их внутренняя форма) не позволяет судить об их актуальном значении.

4. Что касается коннектора *bref* и его книжно-письменного аналога *en bref*, сошлемся на выводы, сделанные нами в статье [Туницкая, 2014]: этимология прилагательного или наречия *bref* не помогает определить семантику коннектора, который, прежде всего, служит для выражения обобщения и вывода с элементами пояснения. Они подтверждаются новыми примерами. (Не случайно частое использование более разговорной формы *en bref* в заключении рекламных сообщений, несущих положительную оценку рекламируемого товара).

En agissant en commun au niveau mondial, l'Union est capable de réaliser des choses qu'il aurait été impossible de réaliser avec le rideau de fer et dans l'ancien continent bardé de frontières nationales.... *Bref*, l'Union n'est pas une menace mais une bénédiction (*Parlement 4 juillet 2001*).²

Пример, заимствованный нами из аутентичного интернет-пособия, показывает, что маркер завершения не тождественен по функции коннектору *bref*, хотя сам этот коннектор и употребляется чаще

в завершающей части высказывания: *Enfin, bref, vous refusez mon offre* [Adrian, 2018].

5. Собственно обобщающими, снимающими «лишние» детали, являются коннекторы *en général*, *en gros*.

La gestion du programme était également conforme *en général* aux procédures du PNUD.³

6. Что касается сочетаний *en somme*, *somme toute*, *après tout*, *tout compte fait*, то теоретические источники приписывают им, в основном, семантику вывода. При анализе примеров возникает, однако, убеждение, что анализируемые коннекторы отличны все же по значению от сочетаний *en conclusion*, *pour conclure*, явно указывающих на вывод. Вероятно, семантическая специфика этих единиц в том, что они завершают рассмотрение *ряда (перечня)* ситуаций и положений, из которых и делают *обобщающий* вывод. У них, таким образом, явно выражена и сема обобщения, и сема завершения высказывания, хотя и периферийная.

....Pour concrétiser cet objectif, il nous faudra regarder au-delà des mesures unilatérales du présent rapport. Par-dessus tout, il nous faudra admettre que l'aide massive au développement octroyée au cours des trente dernières années n'a eu, *en somme*, qu'un impact très limité (*Parlement 12 avril 2005*).

Je soutiens également l'objectif visant à faire de Bruxelles le siège unique et permanent du Parlement, afin d'utiliser de manière optimale les ressources humaines et financières. *Après tout*, l'existence de deux sièges double les coûts du Parlement – une situation pénalisante et absurde (*Parlement 12 avril 2005*).

Коннектор несет значение последнего, заключительного аргумента. Возможным переводческим эквивалентом является выражение «к тому же».

Il faut savoir que *tout compte fait*, le plus important pour la population ... c'est la forêt et non celui qui la possède (*Parlement 14 mars 2006*).

Cette situation va encore se détériorer parce que les dépenses reliées aux champs de compétence fédérale sont des dépenses qui croissent de façon *somme toute* modérée, alors que les dépenses reliées aux champs de compétence provinciale (*Parlement 13 mai 2003*).

7. Коннекторы собственно вывода не вызывают сомнения, ибо некоторые из них сохранили

¹ URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (дата обращения: 18.08.2022).

² Для сравнения приведем пример употребления анализируемого значения не в качестве коннектора, а в его основном значении, где сема краткости доминирует: *À Mme Boudjenah, en ce qui concerne la Tunisie, je voudrais dire en bref que le Conseil est d'avis....*

³ URL: <https://dictionnaire.reverso.net/francais-synonymes/> (дата обращения: 18.08.2022).

свою внутреннюю форму в основном значении: *en conclusion, pour conclure, en guise de conclusion, donc, ainsi*¹. На это указывают все источники и примеры² [Adrian, 2018].

Обратим внимание лишь на более официальный стиль выражения *en guise de conclusion*.

C'est pour ces raisons, et pour beaucoup d'autres, que nous ne pouvons, *en conclusion*, qu'exprimer ... notre désaccord par rapport à ce programme de travail gorgé de lieux communs et de bonnes intentions impossibles à réaliser... (*Parlement 14 novembre 2006*)

Pour conclure, j'inviterais instamment la présidence belge à garantir que les difficiles chapitres de négociation avec les pays candidats soient ouverts dans les plus brefs délais (*Parlement 4 juillet 2001*).

Après un début extrêmement sensé, aux quatre cinquièmes du discours, il s'est quelque peu égaré et, *en guise de conclusion*, il a laissé entendre que le développement des technologies de l'information, de la monnaie électronique et des porte-monnaie électroniques pourrait entraîner l'élimination de la monnaie... (*Parlement 28 novembre 2001*).

Notre continent prend *ainsi* en main sa destinée.³

Нам представляется, что семантика выражений *en conclusion* и *pour conclure* несет и периферийную сему завершения речи. Особенно это очевидно в следующем примере:

Encore un point *pour conclure*: pour le premier janvier 2002, vous devez également amener à bon port l'Eurozone -que vous présidez également (*Parlement 4 juillet 2001*).

Аналогичный вывод отмечаем в работе *Connecteurs logiques (mots de liaison) en français* [Adrian, 2018].

8. Исходя из внутренней формы коннектора, ряд сочетаний предположительно указывают на завершение мысли: *pour terminer, enfin, en fin de compte, finalement, en définitive*. В аутентичных дидактических материалах и словарях указывается семантика завершения (*finition*) или функция перечисления (*énumération*). Учитывая, что данные коннекторы вводят последний компонент

перечисления, речь идет фактически об одном и том же. Некоторые источники указывают и на значение вывода, причем словарь *Trésor de la langue française informatisé*⁴ добавляет, что это значение вторично и возникло позднее.

В анализируемом материале на коннектор *enfin* приходится больше употреблений, чем на все его синонимы, вместе взятые.

Мы обратили внимание на следующий факт: в некоторых случаях анализируемые коннекторы обозначают завершающий этап самого рассуждения, в этом случае речь идет о перечислении, а в высказывании фигурируют и другие коннекторы перечисления, упорядочивающие передачу мысли:

Deuxièmement, il importe de diversifier les cultures et de permettre aux petites et moyennes entreprises de prendre pied, en vue de créer une économie stable.

Troisièmement, il faut ce que l'on appelle un traitement spécial et différencié des pays pauvres, qui sera une autre préoccupation majeure de l'OMC. *Quatrièmement*, il faut que les soins de santé élémentaires, dont dépend toute politique de santé, existent et soient accessibles. *Enfin*, il faut renforcer les capacités sur tous les fronts (*Parlement 12 avril 2005*).

La Charte est un texte qui est complet parce que, pour la première fois, il intègre à la fois des droits civils et politiques mais aussi des droits économiques et sociaux et, donc, il permet un grand balayage des droits fondamentaux. *Enfin*, c'est un texte de référence (*Parlement 4 juillet 2001*).

В последнем случае коннектор вводит дополнительный элемент в аргументацию.

Deuxièmement ... j'espère que vous exercerez une certaine pression sur la Commission en vue d'accélérer la préparation de cette communication, ainsi que le lancement d'une nouvelle stratégie concernant la santé et la sécurité. *Finalement*, je sais que vous collaborerez avec nous, afin d'adopter, dans les plus brefs délais, le cadre général sur l'information, la consultation, ainsi que le statut de la société (*Parlement 4 juillet 2001*).

Русским эквивалентом при переводе могут быть здесь выражения *и наконец, в заключение, и последнее*. Выражение *pour terminer* встречается лишь в этой функции:

Pour terminer, en approchant de Laeken, la première chose que l'on aperçoit est l'imposant château royal. Ne faites cependant pas de cette réunion du Conseil un

¹ Мы рассматриваем широкозначное наречие *ainsi* и союз *donc* лишь в одном из значений – итога, вывода, поскольку другие их значения (следствия, повтора – напоминания, образа действия) выходят за рамки предложенной темы исследования.

² URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (дата обращения: 18.08.2022).

³ URL: <https://dictionnaire.reverso.net/francais-synonymes/> (дата обращения: 18.08.2022).

⁴ URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (дата обращения: 18.08.2022).

des ces événements royaux d'autrefois, lors desquels on s'accordait, sans tenir compte des citoyens, sur la manière de décider les choses... (*Parlement 4 juillet 2001*).

В других высказываниях те же коннекторы указывают на завершение описываемого в высказывании процесса или серии действий. В описание при этом иногда добавляется экспрессивный оттенок реализованного ожидания:

L'avantage, c'est que l'élargissement de l'Union peut *enfin* avoir lieu, un élargissement qui est plus qu'un simple élargissement. Il s'agit en effet d'une mutation qui permettra *enfin* à l'unité européenne de se concrétiser (*Parlement 4 juillet 2001*).

Au regard de ce qui se passe en Macédoine, il est également important pour la présidence que nous sortions de la logique «trop tard, trop peu» en ce qui concerne la politique étrangère, de sécurité et de défense, et que nous prenions *finale*ment des décisions de manière à ne plus nous enliser une nouvelle fois dans de tels conflits armés (*Parlement 4 juillet 2001*).

Эквивалентом перевода для подобных случаев может быть «наконец», «в конце концов».

Коннекторы *en définitive* и *en fin de compte* встретились нам лишь в подобной функции:

Montrez que vous comprenez cette préoccupation pour que la mondialisation puisse *en fin de compte* être également bénéfique pour le développement du modèle social européen, que vous avez placé au rang de vos objectifs (*Parlement 4 juillet 2001*).

Je suis simplement d'avis qu'il vaut mieux hisser un petit peu plus haut les pays qui n'ont pas la volonté d'aller plus loin, car *en définitive* l'environnement s'en

trouvera mieux protégé, en termes absolus (*Parlement 13 mai 2003*).

Оба констатированных значения являются базовыми, центральными. Во втором случае – указании на завершение процесса или действия – в некоторых контекстах появляется периферийное значение дополнительного аргумента, сделанного после некоторого размышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируемые коннекторы более или менее широкозначны, т. е. имеют одно (реже – два) основных значения, но приобретают минимум одно контекстуально обусловленное периферийное значение. Таким образом, функционирование анализируемых коннекторов можно было бы представить в форме пересекающихся функционально-семантических полей.

Задача схематического представления семантики данных коннекторов заключается не столько в уточнении их значений, что также немаловажно, сколько в том, чтобы подчеркнуть важность рассмотрения прагматических коннекторов как широкозначных единиц, постоянно вступающих в синонимичные отношения.

Определить основное значение коннектора по его этимологии (внутренней форме) возможно не всегда: некоторые из них на протяжении времени подверглись семантической эволюции.

Наиболее широкозначные единицы *bref*, *enfin* оказываются и самыми употребительными. Некоторые коннекторы представляются полными синонимами. Данное утверждение требует, впрочем, более детального анализа. В отдельных случаях нам удалось отметить стилистические отличия близких коннекторов (*bref* / *en bref*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семантика коннекторов: контрастивное исследование / научный редактор О. Ю. Инькова. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018.
2. Rossari C. Connecteurs et relations de discours : des liens entre cognition et signification. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2000.
3. Roulet E. Complétude interactive et connecteurs reformulateurs // Cahiers de linguistique française. 1987. N. 8. P. 111–140.
4. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège–Bruxelles: Mardaga, 1988.
5. Александровская Е. Б. Expression logique. Учебное пособие по французскому языку для старших курсов. М.: Нестор – Академик, 2008.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.

7. Adrian. Connecteurs logiques (mots de liaison) en français // La culture générale. 03.03.2018. URL: https://www.laculturegenerale.com/connecteurs-logiques-francais-liste/#Mots_de_liaison_pour_la_conclusion (дата обращения: 18.08.2022).
8. Туницкая Е. Л. Аргументативный подход к проблеме функционирования дискурсивных коннекторов на примере наречия *bref* // Романские языки и культура: конкуренция на международной арене и перспективы развития. М.: МГОУ, 2014. С. 169–173.

REFERENCES

1. In'kova, O. Yu. (2018). Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie. Moscow: TORUS PRESS. (In Russ.)
2. Rossari, C. (2000). Connecteurs et relations de discours: des liens entre cognition et signification. Nancy: Presses Universitaires de Nancy.
3. Roulet, E. (1987). Complétude interactive et connecteurs reformulateurs. Cahiers de linguistique française. N. 8. P. 111–140.
4. Anscombre, J.-C., Ducrot, O. (1988). L'argumentation dans la langue. Liège–Bruxelles: Mardaga.
5. Aleksandrovskaya, E. B. (2008). Expression logique. Uchebnoe posobie po frantsuzskomu yazyku dlya starshikh kursov. Moscow: Nestor. (In Russ.)
6. Gak, V. G. (2004). Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka = Theoretical Grammar of the French Language. Moscow: Dobrosvet.
7. Adrian. (03.03.2018). Connecteurs logiques (mots de liaison) en français. La culture générale. https://www.laculturegenerale.com/connecteurs-logiques-francais-liste/#Mots_de_liaison_pour_la_conclusion (date of access: 18.08.2022).
8. Tunizkaja, E. L. (2014). Argumentatiwnyj podchod k probleme vunkzionirovaniya dickurciwnych konnektorow na primere naretschija *bref* = Argumentative approach to the problem of the functioning of discursive connectors on the example of the adverb *bref*. In Romanckie jasyki i kul'tura: konkurenzija na mezhdunarodnoj arene i perspektiwy raswitija = Romance languages and culture: competition in the international arena and development prospects (pp. 169–173). Moscow: MGOU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туницкая Елена Леонидовна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры романо-германских языков

Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunitskaya Elena Leonidovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor of the Department of Roman-Germanic languages

Russian Academy of Foreign Trade (Ministry of Economic Development of the Russian Federation)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2023
19.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Планируемая непрямая коммуникация как способ программирования интерпретации смыслов в американском политическом дискурсе (на материале инаугурационных речей президентов США)

А. Е. Устьянцева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val_88@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена непрямым коммуникативным стратегиям, требующим последующей интерпретации, в инаугурационных речах президентов США XXI в. Процесс интерпретации, являясь задачей адресата, становится действием сотворчества и приобретает стратегический характер в американском политическом дискурсе. Когнитивно-интерпретативный подход к рассмотрению средств не прямой коммуникации позволил определить, что в данном случае они используются как прием программирования интерпретации слушающего в нужном для адресанта направлении.

Ключевые слова: не прямая коммуникация, планируемая не прямая коммуникация, коммуникативная стратегия, интерпретация, суггестивность, инференция, политический дискурс, американский политический дискурс, инаугурационная речь

Для цитирования: Устьянцева А. Е. Планируемая не прямая коммуникация как способ программирования интерпретации смыслов в американском политическом дискурсе (на материале инаугурационных речей президентов США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (876). С. 116–122. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_116

Original article

Planned Indirect Communication as a Way of Programming Interpretation of Meanings in American Political Discourse (based on the inaugural speeches of US presidents)

Anastasia E. Ustyantseva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val_88@bk.ru*

Abstract. The article is devoted to indirect communication strategies that require further interpretation of the inaugural addresses of the US presidents of the 21st century. Being the task of the recipient, the process of interpretation becomes an act of co-creation and adopts a strategic role in American political discourse. The cognitive-interpretive approach to the investigation into indirect communication means allowed us to determine that they are used as a method of programming the recipient's interpretation in the way necessary for the author.

Keywords: indirect communication, planned indirect communication, communicative strategy, interpretation, suggestiveness, inference, political discourse, American political discourse, inaugural address

For citation: Ustyantseva, A. E. (2023). Planned Indirect Communication as a Way of Programming Interpretation of Meanings in American Political Discourse (based on the inaugural speeches of US presidents). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 116–122. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_116

ВВЕДЕНИЕ

В современной когнитивно-функциональной парадигме наряду с ментальными процессами, связью языка и мыслительной деятельностью человека также исследуется результат этой деятельности и процессов – речь, общение, или коммуникация. Язык используется в качестве инструмента общения для реализации коммуникативных и прагматических интенций на протяжении уже многих тысячелетий.

Иногда у говорящего возникает потребность расширить коммуникативное пространство и отойти от прямого изложения своих намерений или фактов действительности, прибегнув к иному стилю общения – косвенному, или непрямому, что не всегда может определяться конкретными стилистическими, лексическими или грамматическими приемами или средствами, так как эта система открыта и подвижна. К сфере интересов современных лингвистов относятся изучение и анализ скрытых интенций коммуникантов, тактик и стратегий, направленных на осуществление эффективной коммуникации.

В настоящее время исследование не прямой коммуникации в политическом дискурсе приобретает всё большую актуальность. Это связано с тем, что многие политики намеренно используют тактики не прямой коммуникации, чтобы достичь определенных коммуникативных целей, не заявляя о них открыто. Эти тактики могут принимать форму метафор, иронии, сарказма и других лингвистических средств, которые могут быть трудны для понимания для тех, кто не знаком с культурными и политическими контекстами.

Важность изучения не прямой коммуникации в политическом дискурсе объясняется следующим: во-первых, это может способствовать лучшему пониманию сути сообщений политиков и разоблачать скрытые мотивы и цели, а также предотвращать недоразумения, связанные с неправильным пониманием выступлений политиков. Во-вторых, средства не прямой коммуникации могут быть рассмотрены как способы осмысления мира и вербализация опыта определенного социума. В-третьих, изучение не прямой коммуникации позволяет более эффективно анализировать и интерпретировать политические процессы и решения.

Данная научная статья обзорно-аналитического плана рассматривает проблему не прямой коммуникации в теоретическом ракурсе с целью разработки методологии исследования, а также содержит размышления автора о значимости феномена планируемой не прямой коммуникации при интерпретации смыслов, заложенных в инаугурационных речах президентов США XXI в.,

и понимании принципов формирования и действия не прямых коммуникативных единиц в американском политическом дискурсе.

Задача исследования, представленного в настоящей научной статье аналитического плана, заключается в выявлении и описании параметров функционирования средств планируемой не прямой коммуникации с применением не только традиционного лингвостилистического анализа, но и посредством когнитивно-интерпретативного подхода.

ВИДЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Исследуя феномен не прямой коммуникации (НК), В. В. Дементьев пишет, что «непрямая коммуникация представляет собой содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 3]. Он также рассуждает о ее целях, функциях, аспектах и моделях. Так, автор пишет о том, что не прямая коммуникация зачастую бывает планируемая и включает в себя рассмотрение проблем непристойности, социолингвистические и психоллингвистические факторы, не прямое сообщение и воздействие, не прямое общение, культурологический аспект. Среди актуальных проблем, которыми занимается современная лингвистика в рамках междисциплинарного подхода, он выделяет языковую игру, эстетическую коммуникацию и креативную функцию, что только подтверждает и преумножает актуальность изучения теории НК, так как это «лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками» [Шаховский, Ионова, 2004, с. 381–382].

Стоит отметить также принципиально разные подходы к рассмотрению НК в отечественной и западной лингвистике. В то время как современная западная дискурсология, прагматика, когнитивистика и коммуникативистика фокусируются на решении коммуникативных неудач, возникающих как следствие применения средств НК, и на повышении эффективности коммуникации, то современная отечественная лингвистика ставит своей целью изучение перлокутивных эффектов НК, способы применения тактик НК. Тем не менее, западная и отечественная традиции совпадают в том, что центральным считается расшифровывание скрытых смыслов, которые не читаются в буквальном значении слов в высказывании.

Поскольку явление НК многоплановое, то в различных научных дисциплинах его можно

обнаружить под разными терминами: отгораживание, имплицитность, импликация, тропы, эвфемизмы, косвенные речевые акты, вторичная номинации, неявное говорение и др. [Дементьев, 2006]. Именно из-за ее многогранности и неоднородности, НК тяжело отнести к какой-либо конкретной сфере языка или назвать, какая именно дисциплина лингвистики ей занимается. Известно только то, что непрямая коммуникация относится к языку в целом, а также то, что систематизация разновидностей ее моделей пока не осуществлялась полноценно и комплексно. Именно поэтому необходимо прибегнуть к междисциплинарному подходу при рассмотрении феномена не прямой коммуникации и средств ее реализации, так как это предполагает анализ не только лингвистических составляющих, но и социальных, культурных, психологических и прочих экстралингвистических факторов.

Благодаря теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, которая в свою очередь опиралась на теорию речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и Г. П. Грайса, язык стал пониматься как когнитивно-коммуникативная деятельность. Развитие прагмалингвистики положило начало школе не прямой коммуникации. «Термин «непрямая коммуникация» включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев, 2006, с. 5].

Стремление лингвистов всегда было направлено на изучение эффекта, которого старается достичь говорящий (оратор, политик и др.), или того, что каким-либо образом цепляет адресата. Именно поэтому семиотическая интерпретация приобрела особую значимость при работе со средствами реализации НК. Одним из важнейших теоретических достижений в сфере семиотических исследований теории НК стала работа В. И. Карасика, в которой он отмечает, что фасцинация занимает ключевую позицию в интерпретации смысла предложения [Карасик, 2002]. Данная языковая категория обозначает, что фокус делается не на том, что содержит высказывание, а на том, как именно выражено и передано это содержание. Таким образом, адресат почувствует в процессе коммуникации творчески. Так как этот аспект может регулироваться, то принято говорить о планируемой и не планируемой НК. Не планируемая НК «понимается как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего, наконец, вследствие обращения к языку, насквозь пронизанному НК», в то время как «планируемая НК используется сознательно, как прием, имеющий

целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта» [Дементьев, 2006, с. 142].

А. В. Олянич пишет, что феномен НК более всего привлекателен как способ косвенного воздействия: «Эффективность воздействия в рамках социальной коммуникации во многом зависит от того, насколько яркие и суггестивно мощны средства и способы такого воздействия, насколько убедителен воздействующий при осуществлении самопрезентации» [Олянич, 2004, с. 288].

Нами было принято решение сфокусироваться на планируемой НК, так как это одна из ключевых суггестивных тактик американского политического дискурса, направленных на наиболее успешное достижение коммуникативных задач и осуществление намерений авторов речи или текста. Н. О. Верещагина и Э. В. Булатова в своих работах предлагают классификацию средств реализации планируемой НК с точки зрения целей и скрытых смыслов, зашифрованных адресантом в сообщении. Планируемая НК может выступать как способы:

- 1) передачи имплицитного содержания (импликации, пресуппозиции, эллиптические или неполные предложения);
- 2) этикетизации речи (эвфемизмы, косвенные речевые акты);
- 3) речевой агрессии (ирония);
- 4) создания выразительности речи (языковая игра, тропы, образные средства) [Верещагина, Булатова, 2014; Булатова, 2005].

ОСОБЕННОСТИ НК В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время политический дискурс становится все более значимым, так как жизнь в современном обществе невозможно представить без политики. Растущий интерес к языку политики можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, это связано с внутренними потребностями лингвистической теории, которая исследует различные аспекты языка, используемого в политических дискурсах. Во-вторых, это вызвано необходимостью разграничения политической коммуникации и манипулятивных приемов, которые могут использоваться в политическом дискурсе. В-третьих, существует потребность в разработке методов анализа политических текстов для более эффективного понимания коммуникативных стратегий политических лидеров и процессов, происходящих в обществе. В целом изучение языка политики имеет большое значение для понимания современных политических процессов и анализа их эффективности.

Когнитивная лингвистика исследует политический дискурс как продукт ментальных процессов, который включает в себя знания и представления о политике или политической идеологии. Т. А. ван Дейк считает, что институциональность является основным признаком политического дискурса, так как политический дискурс ограничен социальной сферой и производится в определенной институциональной обстановке [Dijk, 1998]. Нами было принято решение рассматривать политический дискурс в «широком» смысле и не ограничиваться только институциональностью, так как любой политический текст создается в контексте политической ситуации, с учетом личностных качеств автора, его реальных целей или намерений и особенностей восприятия и интерпретации аудитории.

Институциональное взаимодействие включает в себя применение системы специализированных знаков, которые составляют свой собственный подязык (лексику, фразеологию и паремиологию). Учитывая значимость контекста ситуации и культуры, политический дискурс представляет собой такое явление, которое можно определить следующей формулой: дискурс = подязык + текст + контекст [Шейгал, 2000].

При «широком» же подходе политический дискурс является «суммой речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [Герасименко, 1998, с. 22].

В политическом дискурсе язык можно рассматривать как манипулятивное средство, так как он позволяет политикам расширить свои коммуникативные ресурсы посредством умелого обращения со словами, ведь главная коммуникативная функция сконцентрирована в суггестивном воздействии на адресата, которое означает, что преобразование или концептуализация его политической картины мира происходит скрыто и осуществляется без критической оценки методов этого косвенного влияния.

Важно отметить, что планируемая НК в американском политическом дискурсе направлена в первую очередь на формирование у адресата определенного способа интерпретирования заложенных неявных смыслов, выгодного для самого адресанта и его сторонников. Таким образом, для определения подобных скрытых интенций наряду с традиционными методами стилистического анализа В. В. Виноградова и И. Р. Гальперина необходимо обратиться к современным когнитивно-интерпретативным методам рассмотрения материала.

Нами была принята попытка рассмотреть и проанализировать способы программирования интерпретации у адресата, которое осуществляется с помощью средств планируемой не прямой коммуникации в выгодном для адресанта направлении в текстах инаугурационных речей президентов США XXI в.

Реализация аргументации и формирования определенной политической картины мира происходит за счет тропов и образных средств. Такие отступления от нейтрального изложения информации дают возможность автору не только передавать имплицитное содержание, но и сделать речь более выразительной и убедительной с целью эмоционального и эстетического воздействия.

Так, в первом инаугурационном обращении Б. Обамы¹ благодаря использованию метафоры «вызов в политике = природная катастрофа» как средства планируемой НК происходит уподобление политических процессов явлениям природы. Это позволяет подчеркнуть масштабность проблем, воздействовать на эмоциональное состояние аудитории, вызвав страх и ощущение бессилия, а также продемонстрировать бесстрашие президента перед лицом опасности и его готовность вести страну дальше, несмотря ни на какие трудности. Таким образом, происходит формирование положительного имиджа президента как надежного и отважного человека в глазах слушателей и установление доверительных отношений с аудиторией:

Forty-four Americans have now taken the presidential oath. The words have been spoken during **rising tides of prosperity** and the **still waters of peace**. Yet, every so often the oath is taken amidst **gathering clouds and raging storms**.

Идентифицированные в первом инаугурационном обращении Б. Обамы метонимии выполняют схожую функцию увеличения масштаба проблем, установления чувства ужаса и страха за счет активации концепта «голода» и «гибели», тем самым повысив достижения президента, который берется за подобные сложные вызовы:

To the people of poor nations, we pledge to work alongside you to make your farms flourish and let clean waters flow; to nourish **starved bodies** and feed **hungry minds**.

По мнению Д. Кристалла, наряду с рекламным дискурсом, политический также наиболее приспособлен для преувеличения и приукрашивания

¹ Obama B. H. First Inaugural Address. January 20, 2009. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

событий действительности и сокрытию реального положения дел [Crystall, 1995]. Так, многочисленные эпитеты как средство планируемой НК в инаугурационных обращениях Дж. Буша младшего¹, описывающие и признающие ошибки прошлого, подчеркивающие ценности нации, позволяют ему соединиться с аудиторией на эмоциональном уровне, так как при их интерпретации адресат видит принадлежность президента к тому же этносу и стране, что повышает уровень доверия:

...**flawed** and **fallible** people, **grand** and **enduring** ideals, **unfolding** promise, **insignificant** person, **determined** faces of our soldiers, **permanent** hope of mankind.

Эпитеты во втором инаугурационном обращении Б. Обамы² позволяют имплицитно передать одобрительное отношение президента к меньшинствам, иммигрантам и людям любого происхождения, а также помогают создать впечатление, что в этой стране каждый сможет получить то, к чему стремится. Таким образом, в аудитории растет доверие к президенту:

Our journey is not complete until we find a better way to welcome the **striving, hopeful** immigrants who still see America as a land of opportunity until **bright young** students and engineers are enlisted in our workforce rather than expelled from our country.

Следующее средство планируемой НК, направленное на манипулирование сознанием, – эвфемизация и дисфемизация. Первое направлено на улучшение денотативного значения и убеждение в том, что некоторая ситуация является естественным ходом событий, хоть и сложным, но не требует безотлагательных мер. Так, в первом обращении Б. Обамы понятие «war», которое несет в себе концепты страха, смерти, оружия, разрухи, заменяется на «conflict», что подразумевает лишь затруднительное положение, ссору, но не предполагает лишения людей жизни. Таким образом, это позволяет сместить фокус аудитории от реально проводимой политики в стране на противников и их действия:

To those leaders around the globe who **seek to sow conflict**, or blame their society's ills on the West, know that your people will judge you on what you can build, not what you destroy.

On this day, we gather because we have chosen hope over fear, unity of purpose over **conflict** and discord...

Стратегия дисфемизации же направлена на ухудшение значения денотата, мобилизацию общественного сознания и обозначение своей радикальной позиции по отношению к существующему положению дел, требующему решительных действий. Так, Д. Трамп³ в его инаугурационном обращении имплицитно обозначил свое негативное отношение к иммигрантам и конкурентам на мировом рынке, приняв оборонительную позу по отношению к угрозе, исходящей от них. Такой имидж защитника находит отклик в сердцах многих американцев и сближает президента с аудиторией:

We must protect our borders from the **ravages of other countries** making our products, stealing our companies, and destroying our jobs.

Ирония как форма речевой агрессии является частотным средством НК в политическом дискурсе, что помогает усилить игривый тон заявлений, вызвав негативную реакцию к адресату иронии. Но она несвойственна текстам инаугурационных обращений, так как это противоречит задачам инаугурации и может спровоцировать неверные интерпретации у аудитории.

В своем инаугурационном обращении Д. Трамп обращается к простым людям напрямую, что отделяет его от высокопоставленной элиты и помогает установить доверительную связь с аудиторией. Такого эффекта позволяет достичь лексический повтор, что также придает лозунговый характер и убедительное звучание:

Their **victories** have not been your **victories**. Their **triumphs** have not been your **triumphs**. And while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка рассмотрения лингвистических средств реализации планируемой НК, принципов формирования и действия не прямых коммуникативных единиц в инаугурационных речах президентов США XXI в. позволила заключить следующее:

- НК представляет собой сложную, открытую, неоднородную систему, характеризующуюся многообразием языковых форм, а также

¹ Bush G. W. First Inaugural Address. January 20, 2001. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>;
Bush G. W. Second Inaugural Address. January 20, 2005. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

² Obama B. H. Second Inaugural Address. January 20, 2013. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

³ Trump D. Inaugural Address. January 20, 2017. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

когнитивными, прагмалингвистическими и лингвокультурными установками, требующими дальнейшей интерпретации.

- НК работает как способ передачи имплицитного содержания, этикетизации речи, выражения агрессии и создания выразительности в политическом дискурсе.
- Суггестивный компонент – неотъемлемая черта планируемой НК в американском

политическом дискурсе, который позволяет отключить критическую оценку получаемой информации у аудитории.

- При интерпретации утверждений с использованием средств реализации планируемой НК задействуется процесс инференции знаний, что создает положительное впечатление и ощущение правильности получаемой информации у адресата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
2. Шаховский В. И., Ионова С. В. *Stylistyka*. 2004. № 13. Р. 372–383. Рецензия на книгу: Прямая и непрякая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. Саратов: Колледж, 2003.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004.
5. Верещагина Н. О., Булатова Э. В. Языковые средства непрякой коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2014. № 4 (132). С. 19–28.
6. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
7. Dijk T. A. van. What is political discourse analysis? // *Political linguistics* / ed. J. Blommaert, C. Bulcaen. Amsterdam, 1998. P. 34–35.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) // *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. Москва, 29 марта 1998 года / под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 20–23.
10. Crystall D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

REFERENCES

1. Dementev, V. V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* = Indirect communication. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Shakhovskiy, V. I., Ionova, S. V. (2004). Review on the book: Dementev, V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya*. Saratov: College, 2003. *Stylistyka*, 13, 372–383. (In Russ.)
3. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
4. Olyanich, A. V. (2004). *Presentatsionnaya teoriya diskursa* = Presentational discourse theory. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
5. Vereshchagina, N. O., Bulatova, E. V. (2014). Indirect Communication Linguistic Means in the Dm. Sokolov-Mitrich's Media Texts. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in education, science and culture*, 4(132), 19–28. (In Russ.)
6. Bulatova, E. V. (2005). *Pryamaya i kosvennaya kommunikatsiya v sovremennoy rossiyskoy pechatnoy reklame* = Direct and indirect communication in modern Russian printed advertisements: PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
7. Dijk, T. A. van. (1998). What is political discourse analysis? In Blommaert, J., Bulcaen, C. (eds.), *Political linguistics* (pp. 34–35). Amsterdam.
8. Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* = Semiotics of political discourse: Senior Doctorate in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Gerasimenko, N. A. (1998). *Informatsiya i fastsinatsiya v politicheskom diskurse (k voprosu o funktsionirovaniy bisubstantivnykh predlozheniy)* = Information and fascination in political discourse (the issue of functions of bisubstantial sentences). In Sorokin, Yu. A., Bazylev, V. N. (eds.), *Political discourse in Russia – 2* (pp. 20–23): materials of the workshop, Moscow, 29 March 1998. Moscow: Dialog-MGU. (In Russ.)
10. Crystall, D. (1995). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устьянцева Анастасия Евгеньевна

аспирант кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

преподаватель кафедры второго иностранного языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustyantseva Anastasia Evgenievna

PhD Student, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language

Lecturer, Department of the Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.06.2023	
	22.06.2023	



Колумбийский социолект парлаче в песенном реггетон-дискурсе: лексические и функциональные особенности

О. В. Федосова¹, А. Ю. Кравченко²

^{1,2} *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

¹*fedosova@yandex.ru*

²*AlexD1995@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена недавно открытому языковому феномену – социалекту парлаче национального колумбийского варианта испанского языка. Парлаче рассматривается в синергии с другим явлением современной молодежной культуры Колумбии – музыкальным жанром реггетон, песенный дискурс которого строится на основе парлаче. Авторы анализируют основные словообразовательные модели парлаче, его социолектные и дискурсивные функции на основе песен колумбийского автора-исполнителя Малумы.

Ключевые слова: колумбийский вариант испанского языка, парлаче, молодежный жаргон, колумбийский социолект, функции молодежного жаргона, песенный дискурс, реггетон

Для цитирования: Федосова О. В., Кравченко А. Ю. Колумбийский социолект парлаче в песенном реггетон-дискурсе: лексические и функциональные особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 123–129. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_123

Original article

Colombian Sociolect Parlache in Song Reggaeton Discourse: Lexical and Functional Features

Oksana V. Fedosova¹, Alexandra Yu. Kravchenko²

^{1,2} *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

¹*fedosova@yandex.ru*

²*AlexD1995@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to a recently discovered linguistic phenomenon – the parlache sociolect of the national Colombian variant of the Spanish language. Parlache is considered in synergy with another phenomenon of the modern youth culture of Colombia – the musical genre of reggaeton, the song discourse of which is built on the basis of parlache. The authors analyze the main word-building models of parlache, its sociolectic and discursive functions based on the songs of the Colombian author and performer Maluma.

Keywords: Colombian Spanish, parlache, youth jargon, Colombian sociolect, functions of youth jargon, song discourse, reggaeton

For citation: Fedosova, O. V., Kravchenko, A. Yu. (2023). Colombian Sociolect Parlache in Song Reggaeton Discourse: Lexical and Functional Features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 123–129. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_123

ВВЕДЕНИЕ

Предметом нашего исследования выступает языковой феномен *парлаче* (исп. *parlache*) и его дискурсивные особенности, которые рассматриваются на материале песенного жанра реггетон. Как парлаче, так и реггетон-дискурс – относительно новые языковые феномены, история их появления не насчитывает на настоящий момент и полувека. Соединение реггетон-дискурса и социалекта парлаче в одном исследовании не является случайным. Оба явления оформились на единой национальной почве, имеют схожую основу возникновения и идейную эволюцию. Очевидная взаимосвязь между этими двумя явлениями культуры Колумбии обусловила синтетический подход для их анализа, позволяющий рассмотреть оба явления в их совокупном единстве: молодежный жаргон парлаче рассматривается нами в дискурсе песенного жанра реггетон. Предметом анализа нашей статьи являются словообразовательные модели парлаче и его функционально-дискурсивные особенности в песенно-речевом жанре реггетон. Материалом для данного исследования послужили тексты песен популярного в Колумбии реггетонера Малумы (исп. *Maluma*), размещенные на открытом музыкальном портале Letras de canciones¹, а также ряд специальных лексикографических источников Diccionario de parlache²; Diccionario de uso de parlache³.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА

Новая социально-диалектная разновидность колумбийского варианта испанского языка, парлаче, была открыта относительно недавно, в 1980-х годах прошлого столетия. Следует отметить, что открытие это было случайным, и его заслуга принадлежит не ученым, а кинематографистам. Впервые этим лингвистическим феноменом заинтересовался колумбийский кинорежиссер В. Гавирия, который во время съемок фильма “Родриго Д.: Не имеет будущего” (*Rodrigo D. No Futuro*, 1990) обратил внимание на особый язык, который использовали при общении между собой приглашенные на съемку непрофессиональные артисты. Пораженный открытием режиссер отправил письмо в колумбийский университет Антиокии (Universidad de Antioquia), что и послужило отправной точкой к началу изучения этого лингвистического

феномена. Так, первыми его исследователями стали колумбийские ученые, преподаватели этого университета, Л. С. Кастањеда Наранхо и Х. И. Энао Саласар, им также принадлежит главный вклад в описание и изучение парлаче. Результаты их исследовательской деятельности отражены в публикациях специального словаря парлаче, который на сегодняшний день насчитывает несколько переизданий, причем каждое из них обновляет и дополняет предыдущие версии [Castañeda Naranjo, 2005].

Следует отметить, что отечественная испанистика не осталась в стороне от изучения данного языкового феномена, вскоре после первых новостей о его открытии появились публикации, где отдельные аспекты парлаче получили свое научное освещение [Кутькова, 2013; Кутькова, 2016; Сеницына, 2017].

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАРЛАЧЕ

Социальная основа возникновения этого жаргона – бедное население маргинальных районов города Медельин, молодые, не имеющие образования и профессии люди, приехавшие сюда из провинциальных районов в поисках работы. Всех их объединяло общее чувство уязвимости, неприкаянности и неспособность найти иной заработок, кроме нелегального, нередко связанного с участием в бандитских группировках и наркоторговле. Социальное давление и полицейские репрессии, оказывавшиеся на население бедных районов Медельина, стало причиной их протестного поведения, которое выражалось не только в нарушении социальных норм и правил, но и в стремлении к модификации существующей культуры, в том числе, языковой. Таким образом, в данном маргинальном сообществе сложилась собственная социокультурная среда, и возник так называемый «свой» язык, основанный на сознательном нарушении языковых норм. Главными функциями этого группового языка, как всякого жаргона, стали маркирующая функция (по признаку «свой – чужой») и конспиративная функция, направленная на шифрование информации коммуникативных посланий.

Современные носители парлаче – это, прежде всего, молодые люди от 15 до 26 лет, для которых парлаче стал частью их молодежной субкультуры. С исчезновением первоначальной социально-экономической основы возникновения данного социалекта трансформировались и его функции: сегодня функции парлаче – это объединение и противопоставление одной части общества другой на основе культурного и возрастного

¹ URL: <https://www.letras.com/>

² URL: http://amsacta.cib.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf.

³ Castañeda Naranjo L. S., Henao Salazar J. I. Diccionario de parlache. Medellín: ENVIGADO, 2009; Castañeda Naranjo L. S., Henao Salazar J. I. Diccionario de uso de parlache. Peter Lang, 2015.

признаков. «Молодежные культуры создают свою собственную территорию и овладевают городскими территориями, которые они различают по собственной системе знаков: угол, улица, стена, танцплощадка, дискотека, городской центр, зоны отдыха. Они создают новые слова и устойчивые выражения; меняют интонацию, делают всё, чтобы противостоять взрослым. Чтобы этого добиться, они заимствуют жаргонные лексемы, связанные с наркотиками, преступностью и этническими меньшинствами, но и придумывают новые выражения и понятия посредством метафор, силлабической инверсии и языковых игр» [Feixa, 2012, с. 97]. Выделение парлаче как социолектной языковой разновидности на основе возрастного принципа позволяет характеризовать ее как молодежный жаргон.

Интересна история наименования жаргона парлаче. Его первые исследователи, Л. С. Кастањеда Наранхо и Х. И. Энао Саласар, ссылаются на легенду, рассказанную одним из информантов. Согласно этой легенде, слово *парлаче* тот услышал во сне, в котором ему явился его недавно убитый друг со словами: “No busquen más, el nombre para nuestro parlamento es *parlache*”. – ‘Не ищите больше названия для нашего языка, это *парлаче*’¹ (*El País*, 04.09.2019). С языковой точки зрения, можно предположить, что слово ‘*parlache*’ – стилистический дериват от глагола *parlar* – 1) проговориться, проболтаться; 2) болтать; 3) пустословить, чесать языком². Словарь испанского языка Саламанки дополнительно указывает на наличие пельоративной прагматики у данной словарной единицы³. Коллоквиальный суффикс *-ache*, подобно *-acho/-acha* также имеет пельоративную коннотацию.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРЯ ПАРЛАЧЕ

Жаргонизмы парлаче в основном являются дериватами от единиц лексического фонда колумбийского варианта испанского языка. Среди главных способов словообразования можно выделить следующие:

- Фонологическое словообразование путем добавления, опущения и перестановки фонем (афереза, синкопа, апокопа, парагога, силлабическая инверсия). Так, словарные единицы парлаче образуются в результате различных способов усечения слова: *puñalada* > *ñalada* (афереза), *favor* > *fa*, *policía* > *poli* (апокопа); путем произвольного удлинения слова за счет

дополнительных фонем: *bus* > *bucéfalo*, *sí* > *sisas*, *sisarras*; *no* > *nones*, *nosas* (парагога).

Характерной словообразовательной моделью социолекта является силлабическая инверсия. Примеры такого словообразования, основанного на перестановке слогов, мы встречаем в текстах реггетон-дискурса: *calle* > *lleca*, *vuelta* > *tavuel*, *frente* > *tefren*, *chimba y listo* > *bachim y tolis*, *parque* > *quepar*, *casa* > *saca*, *centro* > *trocen*, *cabeza* > *bezaca*, *chepar* > *parche*.

Мúsica de la lleca

Para que sepan como e' la **tavuel**

Vengo de **Tefren** con todo el power.

Se van por livestream, bien **bachim y tolis**

Pa' lo' que está en la urba' y en el **quepar**

En la saca, pasando la resaca

Pa' la gente en los barrios y en el **trocen**

Y pa' los que le' gusta **darse en la bezaca**

Ya se armó **el chepar**

Maluma. Medallo City

- Морфемное словообразование. Самым распространенным приемом словообразования в парлаче является деривация путем суффиксации, при этом преимущественно используются суффиксы, обладающие дополнительными коннотациями коллоквиальности, экспрессии и оценочности. Набор таких суффиксов достаточно внушителен: *-acho* / *-acha*, *-aco* / *-aca*, *-cico* / *-cica*, *-cito* / *-cita*, *-ecito* / *-ecita*, *cillo* / *-cilla*, *-udo* / *-uda*, *-ezudo* / *-ezuda* и др.: *celular* > *celulacho*, *vino* > *vinacho*, *apartamento* > *apartacho*, *mamá* > *mamacita*, *llave* > *llavecita*, *bella* > *bellaquita*; *cache* > *cachezudo*.

Los despacho por **celulacho** desde el **apartacho**

Si quieren parlache, yo **parlacho**

Pa'l muchacho que sale borracho con **vinacho**

Maluma. Medallo City

- Семантическое словообразование. Поскольку парлаче возник как «тайный язык», в нем широко используется прием ресемантизации, который заключается в полном изменении семантики известных слов путем транспозиции их значений на основе метафорического и метонимического переносов. Например: *ley* «закон» > *ley* «полицейский», *limpio* «чистый» > *limpio* «безоружный», *fierro* «железо» > *fierro* «пистолет, ружье», *melar* «варить патоку, откладывать мед (о пчелах)» > *melar* «есть, обедать», *cráneo* «череп» > *cranear* «думать, придумывать, изобретать», *pillar* «ловить, поймать» > *pillo* «преступник». В свою очередь, такие

¹ URL: https://www.elpais.com/elpais/2019/04/09/eps/1554807267_569228.html

² URL: <https://dle.rae.es/parlar>

³ URL: <https://sal.es.es-academic.com>

лексико-семантические новообразования порождают новые устойчивые выражения: *fierro* «пистолет; ружье» > *con todos los fierros* «во всеоружии, хорошо подготовленный», *estar melo* (от 'melar') > *estar bien / bonito / sabroso / melodioso* «быть в порядке / быть красивым / вкусным / мелодичным») и др.

Con todo el power, **con todos los fierros**
Y pa' que reposen **la mela**
Les ofrezco esta melodía que **está mela**
Me la craneé y espero que no falle
Pa' hablarle al mundo de **Medallo** y sus calles

No pongo pausa, lo escuchan los **pillo'**, lo gozan los polis
Maluma. Medallo City

ФУНКЦИИ ПАРЛАЧЕ В СОВРЕМЕННОМ КОЛУМБИЙСКОМ РЕГГЕТОН-ДИСКУРСЕ

Песенный дискурс является хранителем и транслятором современной культуры и образа мышления. Народная песенная культура отражает особенности национальной картины и манифестирует присущую данной картине мира систему ценностей. Высокая частотность жаргонизмов парлаче в реггетон-дискурсе поэтому не случайна, а обусловлена системой ценностей и представлениями о мире и своем месте в нем современного поколения колумбийской молодежи.

Танцевально-песенный жанр реггетон (исп. *reguetón* от англ. *reggae* плюс испанский аугментативный суффикс *-tón*) – это вариант рэги и хип-хопа на испанском языке. Рожденный потомками ямайских эмигрантов, которые приехали на заработки на строительство Панамского канала, и стремительно перенесшийся в конце 1990-х гг. прошлого столетия в бедные районы Пуэрто-Рико реггетон к 2010 г. завоевал и другие страны Карибского бассейна, включая Колумбию. Через тексты песен реггетон стал выражением андеграундной молодежной культуры, для которой характерна социально-злободневная тематика и отрицание существующей культуры и социальной действительности.

Жаргон парлаче в колумбийском реггетон-дискурсе стал главным способом манифестации этой протестной идеологии молодежной субкультуры, его главная функция – мировоззренческая, что в принципе характерно для молодежного жаргона [Воронкова, Мальцева, Ульянкина, 2020; Коробкова, 2010; Лисовский, 1996]. Использование парлаче в реггетон-дискурсе – это определенный код, позволяющий привлечь, объединить свою аудиторию, согласно возрастному маркеру

и мировоззренческим установкам (сигнификативно-маркирующая функция). Присутствуют также функции самоидентификации и в некоторой степени мистификации и игры. Как уже говорилось выше, с исчезновением криминальной основы возникновения парлаче, исчезла необходимость в традиционной конспиративной, функции этого жаргона, но остался «романтический» след маргинальной культуры, его породившей, и функция конспирации трансформировалась в функцию шифрования как мистификацию. Здесь соединились игра и стремление сохранить свой мир от взрослых, посторонних, непосвященных. Сам автор-исполнитель реггетона Хуан Луис Лондоньо (Maluma) ставит функцию шифрования на первое место, рассуждая о том, почему он обращается к парлаче в своих песнях:

Estoy seguro que como el 90% de las personas no van a entender la letra porque es puro slang, es la forma en la que nosotros hablamos. Son mis raíces, es la forma en la que nosotros hablamos y yo quiero mostrarle a todo el mundo mi cultura y de dónde vengo yo.¹ – Я уверен, что 90 % людей не поймут слова песни, потому что это чистый сленг, так мы говорим. Это мои корни, это форма нашего общения, и я хочу показать миру мою культуру и откуда я родом².

В этом заявлении автора привлекает внимание его признание о желании заявить при помощи парлаче о своей культуре, своей родине, своих корнях на весь мир. В данном случае в реггетон-дискурсе парлаче выступает в несвойственной жаргону культурной функции. И это также мировоззренческая функция: любовь автора к своей малой родине – это часть его мировоззрения и культуры, которую он транслирует в своих песнях.

Expresándome con jerga local
Represento a Medallo a nivel global
Хуан Луис Лондоньо (Maluma). Medallo City

Выражаясь местным языком,
Я представляю Медайо на мировом уровне.

Помимо собственно жаргонных функций парлаче выполняет в реггетон-дискурсе также соответствующие дискурсивные функции. В частности, контактоустанавливающая функция реализуется в использовании разнообразных апеллятивов, с помощью которых автор-исполнитель напрямую обращается к своей аудитории. Например:

¹ URL: <https://www.eluniverso.com/entretenimiento/2020/08/21/nota/7949890/maluma-regresa-sus-raices-musicales-papi-juancho/>

² Зд. и далее перевод наш. – А. К.

Vete pa'l carajo, **parce**, y a mí mejor no me sale' –
Иди ты к черту, чувак, и лучше мне не попадайся

Tranquilo, **manito** –
Спокойно, братишка

Un saludo a los **pirobo'** que no creyeron en mí –
Привет всем жалким трусам, которые в меня
не верили

В приведенном фрагменте текста песни «28» в исполнении Малумы обращение к экспрессивно окрашенным апеллятивам *parce* (чувак), *manito* (братишка) и *pirobo* (жалкий трус) нацелено на сокращение дистанции с молодежной аудиторией и установление тесного контакта с ней.

В тексте песни «Qué chimba» также используется целый ряд апеллятивов парлаче – *parcero* (друг), *llave* (друг), *chimbita* (красавица) – приглашающих всех присоединиться к нему и прогуляться вместе по родному Медельну.

Parcero
Mi **llave**
La buena
Todas las **chimbitas**
Y todos los **parceros**
Prepárense

Важной функцией жаргона парлаче в реггетон-дискурсе является экспрессивная функция, часто она сочетается с оценочной. Так, например, в песенных текстах «Boy Toy», «Salida de escape», «Bella-K» положительная оценка актуализируется в использовании определений *fino* (элегантный, воспитанный), *bellaquita* (красотка):

Conmigo sata, pero en la calle tan **fin**a, divina
Sabes que yo soy un tipo **fin**o
Solo me llamas cuando tú estás **bellaquita** –
Со мной кокетка, но на улице такая элегантная богиня.
Ты знаешь, что я воспитанный мужчина.
Ты мне звонишь только, когда красива.

Отрицательная оценка передается при помощи лексических единиц, обладающих деспективной коннотацией, как в следующем примере, где *pela'o* (pelado) > «нищий парень», *gonorrea* (prezrennyy, ничтожный):

Miren dónde está para'o un **pela'o** de Medellín –
Смотрите, чего достиг нищий парень из Медельина
Хаун Луис Лондоньо (Maluma). Medallo City

Que hablen mierda toa' esa' **gonorrea'** –

Пусть говорят гадости все эти презренные мерзавцы
Хаун Луис Лондоньо (Maluma). Sexo sin titulo

Отдельный интерес представляет креативная, или игровая, функция, связанная с изобретением слов, не имеющих эквивалентов или непосредственных производящих основ в литературном языке. Например: *parcero* (друг, брат) > *parcharse* (собираться с друзьями в определенном месте), *pirobo* (ничтожество, гомосексуалист).

Niña, **parcero**, mi llave, la buena
To'a las chimbitas y todo' los parceros prepárense –
Подруга, брат, мой друг, позитивное настроение.
Все красавицы и все друзья, Готовьтесь
Хаун Луис Лондоньо (Maluma). Qué chimba

Me parcho en la house
A hacer music, pues esa es mi causa –
Я собираюсь с друзьями дома
Сочинять музыку, так как это мое призвание
Хаун Луис Лондоньо (Maluma). Medallo City

Un saludo a **los pirobo'** que no creyeron en mí –
Привет, всем жалким трусам, кто не верил в меня
Хаун Луис Лондоньо (Maluma). 28

Таким образом, жаргон парлаче в песенном жанре реггетон выступает и как самостоятельный дискурс, являясь общим языком молодежной субкультуры и ретранслятором актуальных ценностей поколения молодых людей Колумбии XXI века, и, в то же время, это средство реализации основных дискурсивных функций в жанре реггетон – контактоустанавливающей, экспрессивной, оценочной, игровой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен парлаче в языковой культуре Колумбии XXI в. является заметным культурным и языковым явлением, отражающим особенности ментальности и коммуникативно-речевого поведения современной колумбийской молодежи. С языковой точки зрения он представляет интерес для наблюдения процессов развития языка и обогащения его словаря в синхронии, с точки зрения когнитивной лингвистики – изучение социолекта парлаче дает ключ к реконструкции языковой картины мира современной молодежи Колумбии. Дискурсивный подход к исследованию позволяет исследовать особенности речевого поведения, эволюцию коллективного сознания в XXI веке. Предпринятая нами попытка исследования молодежного жаргона парлаче в составе реггетон-дискурса позволила

выявить разнообразие его функций, их эволюцию на протяжении исторического отрезка. Соединившись с песенным жанром реггетон, социолект парлаче, вопреки желанию авторов песен, перестал быть «локальным жаргоном», а вышел на национальный уровень, превратившись в культурно

значимое явление в Колумбии, что с одной стороны, демонстрирует маргинализацию дискурса и сознания колумбийской молодежи, а с другой – отражает вызов сложившемуся в социуме порядку через манифестацию своей идентичности и национальной принадлежности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Castañeda Naranjo L. S. El Parlache: Resultado de una investigación lexicográfica // Forma y Función. 2005. V. 18. P. 74–101.
2. Кутькова А. В. Парлаче – язык улиц Медельина // Вопросы иберо-романистики: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 13. С. 59–67.
3. Кутькова А. В. Жаргон парлаче: современная история Колумбии глазами лингвиста // Stephanos. 2016. Вып. 4 (18). С. 77–85.
4. Синицына А. М. Колумбийский национальный вариант испанского языка и его территориальные диалекты: языковые особенности // Филология. 2017. Вып. 4 (10). С. 68–73.
5. Feixa C. De jóvenes, bandas y tribus. Barcelona: Ariel. 2012.
6. Воронкова А. А., Мальцева С. М., Ульянкина Е. М. Функциональные особенности молодежного сленга // Балтийский гуманитарный журнал, 2020. Т. 9. Вып. 2 (31). С. 237–240.
7. Коробкова М. А. Молодежные жаргонизмы и их функции в языке // Вестник МГОУ. 2010. С. 101–105.
8. Лисовский Т. В. Социология молодежи: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.

REFERENCES

1. Castañeda Naranjo, L. S. (2005). El Parlache: Resultado de una investigación lexicográfica. Forma y Función, 18, 74–101.
2. Kutkova, A. V. (2013). Parlache – yazyk ulic Medel'ina = Parlache – the language of the streets of Medellin. Issues of Ibero-Romanistics: collection of articles, 13, 59–67. Moscow: MAKSS Press. (In Russ.)
3. Kutkova, A. V. (2016). Zhargon parlache: sovremennaya istoriya Kolumbii glazami lingvista = Parlache jargon: modern history of Colombia through the eyes of a linguist. Stefanos, 4(18), 77–85. (In Russ.)
4. Sinitsyna, A. M. (2017). Colombian national variant of Spanish and its territorial dialects: language peculiarities. Philology, 4(10), 68–73. (In Russ.)
5. Feixa C. (2012). De jóvenes, bandas y tribus. 5ª ed. Barcelona: Ariel.
6. Voronkova, A. A., Maltseva, S. M., Ulyankina, E. M. (2020). Functional features of youth slang of modern students. Baltic Humanitarian Journal, 9, 2(31), 237–240. (In Russ.)
7. Korobkova, M. A. (2010). Molodezhnye zhargonizmy i ih funktsii v yazyke = Youth jargonisms and their functions in the language (pp. 101–105). Vestnik MGOU. (In Russ.)
8. Lisovsky, T. V. (1996). Sociologiya molodezhi: uchebnik = Sociology of youth: textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федосова Оксана Витальевна

доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Кравченко Александра Юрьевна

аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedosova Oksana Vitalievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of the Department of the Spanish Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Kravchenko Alexandra Yurevna

PhD student at the Department of the Spanish Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.06.2023	
принята к публикации	22.06.2023	

Научная статья
 УДК 821.124+811.124
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_130



Латинские сертификаты о подлинности реликвий: история, текст, перевод

М. С. Голикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 golikofff@list.ru

Аннотация. Сертификаты о подлинности реликвий – это документ, содержащий информацию о реликвии и подтверждающий ее подлинность. Такие бумаги, традиционно составляемые на латинском языке, – уникальный образец смешения официального стиля латинского языка Нового Времени, который использовали в Западной Европе в сфере делопроизводства, и церковной латыни. Актуальность темы связана с важностью изучения сертификатов как для перевода на русский язык, который требуется для заверения этого документа в целях верификации подлинности реликвий, так и для получения информации о святых и культе их почитания.

Ключевые слова: сертификат подлинности мощей, мощи, реликвия, реликварий, мощевик

Для цитирования: Голикова М. С. Латинские сертификаты о подлинности реликвий: история, текст, перевод // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 130–137. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_130

Original article

Latin Certificates of Authenticity for Relics: History, Text, Translation

Maria S. Golikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 golikofff@list.ru

Abstract. Relic Certificates of Authenticity is a document containing information about a relic and confirming its authenticity. Such papers, traditionally drawn up in Latin, are a unique example of a mixture of the official style of the Latin language of the New Time, which was used in Western Europe in the field of office work, and Ecclesiastical Latin. The relevance of the topic is related to the importance of studying certificates both for translation into Russian, which is required to certify this document in order to verify the authenticity of the relics, and to obtain information about the saints and the cult of their veneration.

Keywords: certificate of authenticity of relics, relics, relic, reliquary, reliquary of relics

For citation: Golikova, M. S. (2023). Latin Certificates of Authenticity for Relics: History, Text, Translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 130–137. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_130

ВВЕДЕНИЕ

Поклонение святым мощам и реликвиям – это древняя традиция христианской Церкви, следы которой обнаруживаются уже в середине II в. н. э. Мощи, нетленные тела святых, часто разделялись на множество частиц для передачи в другие храмы и епархии, для распространения и почитания святыни в разных областях (это также было связано с христианской традицией служить литургию на мощах мучеников) [Попов, 1997]. В связи с этим уже в первые века христианства возникла необходимость удостоверения подлинности мощей, сохранения и передачи информации о них и в целом реликвий – предметов, связанных со святыми и историей церкви. Свидетельство (сертификат) о подлинности – это документ на латинском языке, распространенный в Католической церкви, сопровождающий реликвию. Этот сертификат обязателен при любой официальной передаче святыни между государствами, церквями, епархиями, приходами, частными лицами. До сих пор Ватикан, который остается главным спонсором, распределителем и регулятором христианских реликвий, выдает его на латинском языке. Поэтому при транспортировке святынь в другие страны (в частности, в Россию) требуется перевод этого документа (в отдельных случаях нотариально заверенный) на современные языки.

Наибольшую ценность представляют сертификаты, которые были выданы при непосредственном отделении частицы от оригинала первоисточника (мощей, артефактов). По этой причине в настоящее время святыни нередко сопровождаются старинными сертификатами о подлинности, которые датируются XVI–XX вв. Понимание содержания, структуры, тонкостей латинских формулировок перевода на русский язык, хронологически обусловленных различий документов – это необходимая информация для решения практических задач: верификации реликвии, определения ее юридического статуса и научно-исследовательских целей – реконструкции истории святого, передвижения его мощей, культа почитания. Французский искусствовед Ив Ганье полагает, что сами сертификаты наряду с другими вещами, связанными с мощами, также могут рассматриваться как часть культа почитания и должны тщательно исследоваться [Gagneux, 2009].

Две практические проблемы, возникшие в последнее время, делают исследование сертификатов особенно актуальным. Хотя кодекс канонического права 1984 года четко запрещает продажу реликвий и определяет надлежащее использование: «Can. 1190, § 1. *Sacras reliquias vendere nefas*

est. Священные реликвии продаже не подлежат» [Кодекс канонического права, 2007, с. 445]. Однако в настоящее время торговля реликвиями снова возродилась и процветает в сложно регулируемом поле интернет-торговли. Наряду с подлинниками на рынке существуют масса подделок, которые часто продаются без сертификатов или сопровождаются поддельными. Вторая сложность – это новые правила, касающиеся поклонения мощам. В 2017 году Католическая церковь выпустила новый документ о церковных ценностях, который запрещает выставлять мощи для поклонения без сертификатов о подлинности [Instruction on Relics in the Church: Authenticity and Preservation, 2017].

Несмотря на широкое распространение и большое количество существующих сертификатов, их исследований было немного. Отдельные аспекты затрагиваются в работах, посвященных конкретным святым и культу их почитания в разные эпохи: [Delisle, 1884; Olds, 2012]; при рассмотрении проблем подлинности и аутентификации мощей и реликвий [Bertrand, 2006; Gagneux, 2009; Freeman, 2011], в трудах, посвященных определенным коллекциям реликвий [Durand, 2020; Alterauge et al., 2016]. Трудность исследования связана с необходимостью анализа большого массива источников для формирования адекватной картины культурно-исторической и филологической трансформации сертификатов. Бурная история Церкви повлияла на то, что систематической регистрации в епархиальных архивах и отдельных собраниях таких документов не существует.

Задачи статьи – проанализировать историю возникновения свидетельств о подлинности, выделить структуру этого документа и представить пример перевода на русский язык. Материалом исследования стали сертификаты о подлинности XVI–XX вв., находящиеся в частных коллекциях, архивах и открытом доступе в Интернете.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕРТИФИКАТОВ О ПОДЛИННОСТИ РЕЛИКВИИ

Вопрос подлинности реликвии всегда был важен для Церкви. С IV века на Востоке и с VIII века на Западе возникла традиция разделять святые тела и реликвии на фрагменты. К концу VII века новообращенные страны – Галлия и Франция были «наводнены католическими святынями» [Thurston, 1907, с. 736]. В эпоху Меровингов еще не существовало особых правил хранения и перемещения реликвий, но уже прослеживаются попытки верификации. Первые удостоверения подлинности относятся к самому примитивному типу. Они состояли из простых этикеток, полосок

пергамента, маленьких *scedulae*, которые крепились на кости, сосуды с жидкостями, материю. На них была лишь надпись с названием реликвии, текст часто был написан на «варварской» латыни с ошибками. Например: «Hic sunt reliquias Santi Victuri episcopi, Festivitate Kalendis Septembris», «Hic sunt patrocina Santi Petri et Paulo Roma civio» [Delisle, 1884, с. 4]. Цель таких документов – не столько подтверждение подлинности, сколько идентификация мощей.

В Средние века расцветает торговля реликвиями. Недобросовестные торговцы везут мощи из римских катакомб и продают их на монастырских ярмарках по всей Европе. Власти предпринимают отдельные попытки регламентировать эту сферу торговли. Например, в 813 году торговый совет Майнца пытался предотвратить кражи реликвий, требуя разрешения на перемещение мощей, но это не остановило порочной тенденции. Яркий пример – римский диакон Деусдона, который организовал процветающий бизнес: по заказу крал реликвии в катакомбах Рима или продавал подделки [Freeman, 2011].

В XI веке Гвиберт Ножанский в труде *De sanctis et pigneribus eorum* (О святых и их поручительствах) пишет:

decessor meus <...> cum corpus Firmini martiris quatinus de theca in thecam transferretur efferet, nullum ibi pitacium, ne unius quidem litterae testimonium quis ibidem iaceret invenit [Bertrand, 2006, с. 365]. – Мой предшественник <...>, когда тело мученика Фирмина переносили из ларца в ларец, не нашел там ни одной надписи, ни одной буквы, которая лежала бы там.

Этот рассказ можно интерпретировать как свидетельство того, что сопровождение реликвий надписями в эту эпоху уже стало традицией. Такие примитивные документы в источниках упоминаются как *breves*, *litterae testimonium*, *cedula* (*scedula*) или даже *tabulae plumbae* или *pittacium* [Du Cange, 1883–1887].

К XI веку начинают появляться сопровождающие реликвии документы, которые не только указывают на то, какому святому они принадлежат, но даже имеют некоторые черты юридической сделки по передаче мощей. Например, один из первых таких сертификатов:

«Omnes has reliquias transtulit dominus Wichmanus abbas Gandensis cenobii, in istud scrinium de duobus scriniolis primo die Kalendarum Augusti et suo firmavit sigillo. Anno incarnationis dominice MLXXX <...> Philippo Francorum rege et Rotberto Flandrensi comite, Radbodo quoque Nouiomensi antistite» [Bertrand, 2006, с. 369]. – Все эти реликвии

переложил в тот ларец из двух ларцов Лорд Вихманнус, аббат монастыря Гента, в первый день календаря Августа и запечатал его своей печатью. В год 1080 от воплощения Господа <...> Филипп, король франков, и Роберт, граф Фландрии, также Радбод, старейшина Нуайона.

Активная торговля реликвиями, имевшая место во времена Крестовых походов, привела к принятию новых законов. Поддельных реликвий и фальшивых удостоверяющих документов было очень много. Четвертый Латеранский собор 1215 года стремился положить конец такому злоупотреблению и постановил, что реликвии нельзя ни продавать, ни выставять напоказ вне реликвария [Fourth Lateran Council, 1215]. Этот пункт о необходимости хранения святынь в мощевике важен для истории сертификатов – так как с этого времени может появиться описание не только частицы, но и ковчега, который создан для определенной святыни и уникален. Это же совет осудил торговлю и покупку реликвий как грех симонии (греховную торговлю духовными вещами, посредством которых человек общается с Богом – следствие непочтительности и неверия). Вот причина того, что при передаче святыни не могло быть документа о купле–продаже, а только сертификат, который в дальнейшем становится важнейшим свидетельством о подлинности реликвии.

Написанное в XVI веке сочинение Жана Кальвина «Трактат о реликвиях» – критика практики почитания мощей, является также источником о надписях и текстах, сопровождающих мощи [Calvin, 1854]. Нападки на почитание мощей в протестантском движении Кальвина, уничтожение его сторонниками многих святынь спровоцировало дальнейшее основательное разбирательство темы почитания и подлинности реликвий и наведения порядка в этой сфере на последовавшем Тридентском соборе. На нем было установлено деление мощей на классы – информация, которая впоследствии станет важной для содержания текста сертификатов.

Кардинал и святой Католической церкви Карло Борромео сыграл ключевую роль в проведении реформ Тридентского собора. В 1577 году он дал конкретные указания относительно реликвариев и содержания реликвий, согласно которым они будут храниться в последующие века. Например, было указано, что реликварии должны быть изготовлены из качественного дерева или какого-либо драгоценного материала и покрыты стеклом, а к мощам должна быть приложена какая-то проверка подлинности [Borromeo, 1577].

С XVI века документ о подлинности стал обычным явлением и был уже достаточно

стандартизирован к началу XVIII века. С этого времени мы можем говорить о появлении именно документа о подлинности, аутентичности (от латинского *autenticus, a, um* – подлинный, достоверный; используется для обозначения запечатанного или выданного властями документа), который называется *certificate of authenticity of relics* на английском; *authentique de relique* на французском и *Echtheitszertifikat* на немецком. В этой форме он и существует до настоящего времени с минимальными изменениями.

СТРУКТУРА ТЕКСТА СЕРТИФИКАТА

Сертификаты – это бумага с текстом, содержащим информацию о реликвии и ее происхождении, физических параметрах и форме, в которую они заключены (ковчег, медальон, ладанка), цели передачи и / или использования реликвии, дате и месте выдачи документа. На видном месте изображается герб института, выдавшего документ, а также имя и церковное положение подписавшего и завершившего подпись соответствующей печатью.

Сертификат хранится отдельно, но иногда встречается и в самой реликварии, на крышке или в основании. Связь с реликвией не всегда легко установить: она могла утратить свой сертификат или, наоборот, сертификат переживает исчезновение реликвии. Иногда несколько сертификатов относятся к одной реликвии, так как свидетельство должно обновляться. Каждый раз при вскрытии ковчега и снятии печатей составляется новый акт, но предыдущие версии редко уничтожаются. Таким образом, несколько подлинников, разделенных временем, могут относиться к одной и той же реликвии.

Размер сертификата зависит от времени создания. Более ранние версии, датируемые XVI–XVII веками, – это написанные полностью от руки документы разного размера (например, свидетельство о подлинности мощей святой Клары, 1747 года [Alterauge et al., 2016]); позднейшие образцы состоят из печатного формуляра со стандартным текстом и частью, заполняемой вручную (сертификаты подлинности двух реликвий святой Терезы из Лизье 1937 и 1950 годов [Thomas Merton Center Collection, URL]). Текст сертификата унифицирован с минимальными изменениями в зависимости от года и епархии, выдающей удостоверение.

Структура документов унифицирована по следующей схеме:

1. В верхней части документа указываются регалии и должность священнослужителя (или офиса папского церемониймейстера), подтверждающего подлинность реликвии.

Это может быть генеральный постулатор религиозного ордена (священник, ответственный за бенификацию) или викарий.

2. Имя.
3. Заверение в подлинности.
4. Описание частицы:
 - а) количество частиц, материи (если реликвия одна (то пишется знак «–»), если несколько – «с»);
 - б) что за реликвия (кости, материя, жидкость);
 - в) имя святого, к которому относится реликвия с титулатурой (святой, апостол, мученик);
 - г) указание, откуда была взята святыня (фраза-клише «из подлинных мест»).
5. Описание реликвария.
6. Разрешение на использования для поклонения верующих.
7. Имя и информация о заверителе, составителе бумаги. Это может быть нотариус или секретарь епархии.
8. Место составления документа (страна, город или епархия), дата.
9. Подпись и печать.

Детали формулировок зависят от специфики места, в котором имеет обращение сертификат. Особенно это касается уже печатных формуляров.

ИЗМЕНЯЕМАЯ ЧАСТЬ СЕРТИФИКАТА

Часть сертификатов, содержащая информацию частного порядка, как правило, заполнялась от руки и часто представляет особую трудность для расшифровки.

1. *Определение места происхождения частицы.* Это может быть как часть тела святого, так и частица одежды, предмет быта. В зависимости от происхождения реликвии делятся на классы. Реликвии первого класса – останки святых, любая часть тела, включая кости, плоть (кожу или органы), волосы и предметы, непосредственно связанные с событиями жизни Христа (ясли, крест и т. д.). Распространенные локации забора частицы:

ex capillis – из волос

ex carne – из плоти

[cravio] corporis – тела

ex indumento – из одежды

ex ossibus – из костей

ex pelle – из кожи

ex praesepis D.N.J.C. (domini nostri Jesu Christi) – из яслей Господа Нашего Иисуса Христа

coronse spinse D.N.J.C. – из тернового венца Господа нашего Иисуса Христа

Реликвии второго класса представляют собой имущество или инструменты, которые принадлежали святому или использовались им при жизни:

ex vestibus – из одежды
ex tunica – из туники
ex pluviali – из плаща (*традиционная одежда монахов Бенедиктинского ордена*)
ex baculo – из посоха
ex strato – из покрывала
de velo – из покрывала
domo – из дома

Реликвии третьего класса (не признанные на Тридентском соборе) – это любой предмет, который соприкасался с останками святого, его могилой или мощевиком. Это могут быть погребальные пелены, использованные при их похоронах, земля, в которой они были погребены:

ex ligneo pulvere mixto pulveri corporis, quem residuum continebat prima capsula funeralis – из древесной пыли, смешанной с остатками праха, из остатков праха из первого хранилища или саркофага
ex tela serica quae tetigit cor – из шелковой материи, которая касалась сердца

2. Форма, в которую заключена и хранится реликвия. Обыкновенно указывается в грамматической форме *ablativus loci*:

arca mortuaria – гробница, ковчег
arca sepulchrali – гроб

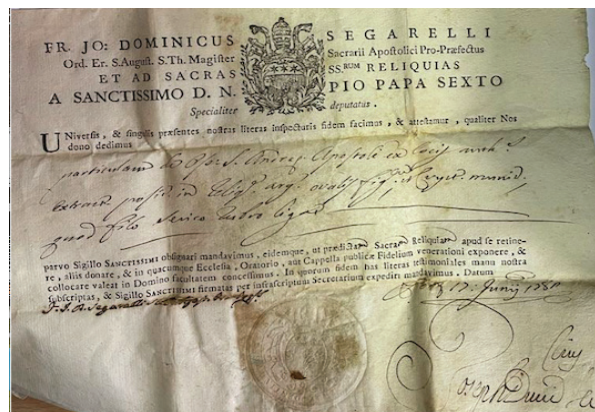


Рис. 1. Сертификат о подлинности частицы мощей святого апостола Андрея. 1781 г.

3. Сокращения в сертификате очень распространены и имеют особую трудность для расшифровки в рукописных вставках. Самые популярные сокращения [Leclercq, 1907]:

Ap./ A. (apostolus) – апостол
C./ Conf. (confessor) – исповедник
E./ Ep. (episcopus) – епископ
M. (martyr) – мученик
PP. (papa) – папа
Reg. (rex / regina) – король или королева
V. (virgo) – дева
Vid. (vidua) – вдова

НЮАНСЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЛАТИНСКОГО СЕРТИФИКАТА (на примере сертификата о подлинности частицы мощей святого апостола Андрея)

Документ конца XVIII века, сопровождающий частицу мощей святого апостола Андрея – типичный образец сертификата о подлинности (см. рис. 1). Прямоугольная бумага 15 на 20 сантиметров с многочисленными рукописными вставками и частичными утратами текста (в связи с этим документ представляет особый интерес как иллюстрация традиции сокращений в латинском тексте и возникающих из-за этого затруднений в интерпретации и переводе). На документе наблюдаются заломы – часто встречающиеся дефекты бумаги, которая перевозилась, передавалась из рук в руки хранителями реликвии.

Fr. Jo: Dominicus Segarelli | Ord. Er. S. August. S. Th. Magister | Sacrarum Apostolicum Pro-Praefectus Et ad Sacras SS. Reliquias | A Sanctissimo D.N. Pio Papa Sexto | Specialiter deputatus. – Брат Дж.: Доминикус Сегарелли | Магистр Священного Богословия Ордена Отшельников Святого Августина | Глава Апостольской Сокровищницы и Священных Реликвий Святых | Святейшего Господина Нашего Папы Пия VI | Специальный посол.

Universis et singulis praesentes nostras litteras inspecturis fidem facimus et attestamus, qualiter Nos dono dedimus particulam de Ap. S. Andrei Apostoli ex locis authenticis extract(am) posit(am) in reliq. arg. ovalis fig. ae, et cryst. munit(am), quod filo serico rubro ligat(am). – Всех и каждого, кто увидит настоящей документ, мы заверяем и подтверждаем, что передали в дар подлинную частицу святого апостола Андрея, положенную в серебряный мощевик овальной формы, заключенную в хрусталь и перевязанную шелковой красной нитью.

Parvo Sigillo Sanctissimi obsignari mandavimus, eidemque, ut praedictam Sacram Relinquam apud se retinere, aliis donare, et in quacumque Ecclesia, Oratorio aut Capella publica Fidelium venerationi exponere et collocare valeat in Domino facultatem concessimus. – Мы поручили запечатать Малой Печатью Святейшего вышеупомянутую священную реликвию, чтобы она могла быть оставлена на сохранение, передана другим, и выставлена в любой церкви, молельне или общественной часовне для почитания верующих во славу Божию.

In quorum fidem has litteras testimoniales manu nostra subscriptas, Sigillo Sanctissimi firmatas, per infrascriptum Secretarium nostrum expediri mandavimus. – В подтверждение этого мы вручили это свидетельство, подписанное собственноручно и скрепленное печатью Святейшего и нижеподписавшимся нашим секретарем.

Datum Romae. 17 Junii 1781 (?).

Дата: Рим, 17 июня 1781 год

Fr. Jo: D. Segarelli | Ord. Er. S. August

Дж. Д. Сегарелли | Орд. Святого Августина.

Печать. Подпись секретаря

Сертификаты подписываются значимыми официальными лицами Церкви, поэтому особенная удача, если удастся идентифицировать «автора» в соответствии с титулатурой или упоминанием в исторических источниках, документах, письмах, мемуарах. Верификация подписи и лица ее поставившего добавляет процент подлинности реликвии и расширяют историю текста. Например, выдачу частицы мощей святого апостола Андрея подписывает Fr. J. D. Segarelli. Мы можем предположить, что это Giovanni (латинский вариант Jovanni) Domenico Segarelli. Упоминание о нем встречается в письме Леопольда Моцарта (отца знаменитого музыканта) своей жене (письмо

№184, Неаполь – Зальцбург, 19 мая 1770 год) [Lettere della famiglia Mozart, URL]. Это Августинский монах, который сопровождал Моцартов в их путешествии из Рима в Неаполь в мае 1770 года. Сегарелли мог продвинуться по карьерной лестнице и достичь должности Главы Апостольской Сокровищницы и Священных Реликвий и подписать этот сертификат. Джованни Сегарелли умер в 1799 году и, если гипотеза о его личности, а также факт упоминания папы Пия VI (1717–1799) верны, то эти детали подкрепляют точность датировки сертификата. Несмотря на то, что год указан неразборчиво, можно с большой долей уверенности утверждать, что документ создан именно в XVIII веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сертификаты о подлинности реликвий – это особый вид документов с собственной историей, структурой и отличиями. Документ прошел путь от информационного текста, идентификационного опознавательного знака для святых останков до сертификата о подлинности XVI–XX веков. Это документ не только информативный, имеющий юридическое и дипломатическое значение, но и артефакт культуры сам по себе, вне зависимости от подлинности информации, содержащейся в нем.

Сертификат имеет строгую структуру, характерные обороты-формулировки, специфические сокращения. Поэтому филологическая экспертиза настолько же важна в процессе подтверждения подлинности, как и другие виды исследований. Перспективы дальнейшего изучения заключаются в классификации и выявлении специфики сертификатов разных эпох. Детализация и категоризация всех филологических нюансов может способствовать пониманию масштаба передвижения и нахождения реликвий (в том числе представленных в Интернете), а также верификации мощей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов И. В. О почитании святых мощей // Журнал Московской патриархии. 1997. № 1. С. 66–73.
2. Gagneux Y. À propos des reliquaires, questions de méthode // In Situ, Revue des patrimoines. 2009. Vol. 11. URL: <https://journals.openedition.org/insitu/9909> (дата обращения: 21.05.2023).
3. Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2007.
4. Instruction on Relics in the Church: Authenticity and Preservation. Rome, 2017. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/csaints/documents/rc_con_csaints_doc_20171208_istruzione-reliquie_en.html (дата обращения: 21.05.2023).
5. Delisle M. L. Authentiques de reliques de l'époque mérovingienne // Mélanges de l'école française de Rome Année. 1884. № 4. P. 3–8.
6. Olds K. The Ambiguities of the Holy: Authenticating Relics in Seventeenth-Century Spain // Renaissance Quarterly. 2012. № 65 (1). P. 135–184.

7. Bertrand P. Authentiques de reliques: authentiques ou reliques? // Dans Le Moyen Age. 2006. № 112. P. 363–374.
8. Freeman Ch. Holy Bones, Holy Dust: How Relics Shaped the History of Medieval Europe. New Haven: Yale University Press, 2011.
9. Durand J. Reliques et reliquaries. Reliques et reliquaires byzantins: de Constantinople à la Flandre et au Hainaut au XIII^e siècle // Arte medieval. 2020. № 4. Vol. 10. P. 81–102.
10. Alterauge A. et al. Testing “Saintly” Authenticity: Investigations on Two Catacomb Saints / Th. Becker, B. Berndt, Ch. Jackowski, S. Lösch // Radiographics. 2016. № 36. P. 573–579.
11. Thurston H. Relics. / The Catholic Encyclopedia. Vol. 12. New York: Robert Appleton Company, 1907. P. 734–738.
12. Du Cange Ch. F. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort: L. Favre, 1883–1887. URL: <http://ducange.enc.sorbonne.fr> (дата обращения: 21.05.2023).
13. Fourth Lateran Council: 1215. URL: <https://www.papalencyclicals.net/councils/ecum12-2.htm> (дата обращения: 21.05.2023).
14. Calvin J. A Treatise on Relics. United Kingdom: Johnstone and Hunter, 1854.
15. Borromeo C. Instructionum fabricæ et supellectilis ecclesiasticæ. Milano: P. Pontius, 1577.
16. Thomas Merton Center Collection. Authentics (certificates of authenticity for relics) for two relics of St. Thérèse of Lisieux (Saint Thérèse of the Child Jesus and the Holy Face, O.C.D.) in Thomas Merton’s possession. URL: <https://merton.bellarmino.edu/s/Merton/item/41019> (дата обращения: 21.05.2023).
17. Leclercq H. Ecclesiastical Abbreviations // The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company, 1907. Vol. 1. P. 64–81.
18. Lettere della famiglia Mozart. URL: <https://mozartiana.org/mozartletters/?page=persone&NNN=1840&CCC=4127#D4127> (дата обращения: 21.05.2023).

REFERENCES

1. Popov, I. V. (1997). O pochitanii svyatykh moshchey = About the veneration of holy relics. Zhurnal Moskovskoi patriarkhii, 1, 66–73. (In Russ.)
2. Gagneux, Y. (2009). À propos des reliquaires, questions de méthode. In Situ, Revue des patrimoines, 11. <https://journals.openedition.org/insitu/9909> (accessed: 21.05.2023).
3. Code of Canon Law. (2007). Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas. (In Russ.)
4. Instruction on Relics in the Church: Authenticity and Preservation. (2017). Rome. https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/csaints/documents/rc_con_csaints_doc_20171208_istruzione-reliquie_en.html (accessed: 21.05.2023).
5. Delisle, M. L. (1884). Authentiques de reliques de l’époque mérovingienne. Mélanges de l’école française de Rome Année, 4, 3–8.
6. Olds, K. (2012). The Ambiguities of the Holy: Authenticating Relics in Seventeenth-Century Spain. Renaissance Quarterly, 65(1), 135–184.
7. Bertrand, P. (2006). Authentiques de reliques: authentiques ou reliques? Dans Le Moyen Age, 112, 363–374.
8. Freeman, Ch. (2011). Holy Bones, Holy Dust: How Relics Shaped the History of Medieval Europe. New Haven: Yale University Press.
9. Durand, J. (2020). Reliques et reliquaries. Reliques et reliquaires byzantins: de Constantinople à la Flandre et au Hainaut au XIII^e siècle. Arte medieval, 4(10), 81–102.
10. Alterauge, A., Becker, Th., Berndt, B., Jackowski, Ch., Lösch, S. (2016). Testing “Saintly” Authenticity: Investigations on Two Catacomb Saints. Radiographics, 36(2), 573–579.
11. Thurston, H. (1907). Relics. The Catholic Encyclopedia (vol. 12, pp. 734–738). New York: Robert Appleton Company.
12. Du Cange, Ch. F. (1883–1887). Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort: L. Favre. <http://ducange.enc.sorbonne.fr> (accessed: 21.05.2023).
13. Fourth Lateran Council. (1215). <https://www.papalencyclicals.net/councils/ecum12-2.htm> (accessed: 21.05.2023).
14. Calvin, J. A. (1854). Treatise on Relics. United Kingdom: Johnstone and Hunter.
15. Borromeo, C. (1577). Instructionum fabricæ et supellectilis ecclesiasticæ. Milano: P. Pontius.
16. Thomas Merton Center Collection. (2023). Authentics (certificates of authenticity for relics) for two relics of St. Thérèse of Lisieux (Saint Thérèse of the Child Jesus and the Holy Face, O.C.D.) in Thomas Merton’s possession. <https://merton.bellarmino.edu/s/Merton/item/41019> (accessed: 21.05.2023).

17. Leclercq H. (1907). Ecclesiastical Abbreviations. The Catholic Encyclopedia (vol. 1, pp. 64–81). New York: Robert Appleton Company.
18. Lettere della famiglia Mozart. (2023). <https://mozartiana.org/mozartletters/?page=persone&NNN=1840&CCC=4127#D4127> (accessed:21.05.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голикова Мария Сергеевна

кандидат философских наук

доцент кафедры классической филологии

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golikova Maria Sergeevna

PhD (Philosophy)

Associate Professor at the Department of Classical Philology

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

00.00.2023
00.00.2023
00.00.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 82.0
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_138



Об интермедиальности в творчестве Паскаля Киньяра

В. В. Фролова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
victoriakorzhakova@gmail.com

Аннотация. Автор анализирует явление интермедиальности и ее проявления в произведениях современного французского писателя Паскаля Киньяра. Описываются истоки интермедиальности в творчестве Киньяра, приводятся различные планы выражения интермедиальности (план содержания, план композиции, экфрасис, план философского восприятия). Также исследуется понятие экфрасиса, его определение и возможные классификации, цитируются примеры из произведений современного французского писателя. Особое внимание уделяется значению музыки для Паскаля Киньяра и сюжетов и композиции его произведений.

Ключевые слова: интермедиальность, экфрасис, постмодерн, роман, маленький трактат, Паскаль Киньяр

Для цитирования: Фролова Виктория Владимировна. Об интермедиальности в творчестве Паскаля Киньяра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 138–143. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_138

Original article

On Intermediality in the Works of Pascal Quignard

Victoria V. Frolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
victoriakorzhakova@gmail.com

Abstract. In this article, the author analyzes the phenomenon of intermediality and its manifestations in the works of the modern French writer Pascal Quignard. The work describes the origins of intermediality in Quignard's work, as well as various plans of expression of intermediality (the plan of content, the plan of composition, ekphrasis, the plan of philosophical perception). The study also focuses on the concept of ekphrasis, its definition and possible classifications and analyzes examples from the works of this modern French writer. Special attention is also paid to the significance of music for Pascal Quignard and the plots and compositions of his works.

Keywords: intermediality, ekphrasis, postmodern, novel, petit traité, Pascal Quignard

For citation: Frolova, Victoria. (2023). On Intermediality in the Works of Pascal Quignard. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 138–143. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_138

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Паскаля Киньяра, современного французского писателя, многообразно и богато, стиль и жанровое своеобразие его произведений необычны, поднимаемые им темы и сюжеты затрагивают разные исторические эпохи, виды искусств, философские, эстетические, лингвистические и психологические (психоаналитические) вопросы. Сама фигура Паскаля Киньяра – эрудита, читателя с богатейшим опытом, автора романов, трактатов, эссе, сказок, музыканта – не дает угаснуть интересу к его творчеству, взглядам и деятельности. Исследованию творчества Паскаля Киньяра посвящены диссертации, статьи и монографии как в России (В. В. Шервашидзе, Н. П. Титова, Э. В. Седых, Л. Е. Муравьева и др.), так и в других странах (Д. Рабате, И. Кристева, М. Дюбюи, Т. Вейкат и др.). В произведениях Паскаля Киньяра пересекаются разные виды искусства, представляя собой богатый материал для изучения вопроса интермедиальности.

В последнее время – сначала за рубежом, а потом и в России – чтобы обозначить то, что ранее называлось «взаимодействием искусств», стали использовать термин «интермедиальность».

Цель данной статьи – описать интермедиальный аспект произведений Паскаля Киньяра, что позволит лучше понять его творчество, а также то, как в современной литературе может происходить процесс взаимодействия искусств.

О ПОНЯТИИ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Необходимо поговорить об истории понятия «интермедиальность» и привести его определение, поскольку данный термин может пониматься как в широком, так и в узком смысле, а увеличение количества и видов носителей информации ведет и к росту числа интерпретаций понятия интермедиальности.

Вопрос интермедиальности изучается большим количеством исследователей по всему миру, о чем свидетельствует проведение конференций по данной тематике, издание сборников статей, а также созданий научных центров, занимающихся непосредственно изучением интермедиальности: Центр изучения интермедиальности в г. Грац (Австрия), Форум интермедиальных исследований (Швеция), Центр исследований интермедиальности в Монреале (Канада) и т. д.

Некоторые ученые пишут о том, что до недавнего времени в интермедиальных исследованиях можно было выделить два основных направления: 1. «Интермедиальность в искусстве (в русле Interarts

Studies) – исследования взаимодействия литературы и других искусств, а также отдельных форм взаимодействия искусств, в которых словесное начало не доминирует <...>. 2. Интермедиальность в медиа (в русле Media Studies) – исследования интермедиальных форм в контексте современных процессов коммуникации, производства, распространения, функционирования и потребления культурной продукции (радио, популярный кинематограф и адаптация классических текстов, телевидение, печатные издания, видео и др.)» [Джумайло, 2018, с. 59–60].

Хотя О. А. Джумайло в своей статье отмечает, что сейчас оба направления смыкаются, важно подчеркнуть, что наше исследование относится к изучению вопросов, описанных в рамках первой категории – интермедиальность в искусстве.

В широком смысле интермедиальность отсылает к любой конфигурации, которая имеет отношение к пересечению границ между носителями информации / средами / медиа («medium») и может быть дифференцирована от понятий интрамедиальности и трансмедиальности [Rajewsky, 2005]. Однако такое широкое определение не вполне подходит для литературоведческого анализа. И. Раевски предлагает выделить три категории интермедиальности: медиальная транспозиция (medial transposition), медиальная комбинация (media combination) и интермедиальные отсылки (intermedial references) [Rajewsky, 2005].

Для целей нашего исследования мы будем понимать под интермедиальностью то, что И. Раевски отнесла к третьей категории – категории интермедиальных отсылок: «отсылки в литературном тексте к фильму, выполненные, например, при помощи называния или имитации определенных кинематографических приемов, таких как зум-кадр, затемнение, наплыв, монтаж. Другие примеры включают так называемую музыкализацию литературы, транспозицию искусств (transposition d'arts), экфрасис, отсылки к живописи в фильме, или к фотографии в живописи, и так далее» [Rajewsky, 2005, с. 52].

ИСТОКИ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА

Многие исследователи творчества Паскаля Киньяра отмечают, насколько важно для писателя взаимодействие и взаимопроникновение разных видов искусств. Этому есть, в частности, биографическое объяснение: Паскаль Киньяр не только эрудит, ученик таких известных представителей французской философии «новой волны», как Эммануил Левинас и Поль Рикер, знаток античной культуры и истории, человек, говорящий на латыни

и древнегреческом, но и «профессиональный музыкант, играющий на нескольких инструментах, и музыкальный теоретик, всегда готовый рассказать, кто и когда добавил виоле да гамба басовую струну – «струну зимнего ветра»¹.

Писатель также попробовал себя в живописи: в книге «Паскаль Киньяр – одиночка» (Pascal Quignard le solitaire) приводятся его воспоминания о том, что с 1964 по 1968 год он писал на полотне, на дереве, на картоне, на крафтовой бумаге, на изорели, на стекле... В итоге Киньяр отказался от живописи, сжег все плоды творчества этого периода, но видно, что его интерес к этому виду искусства остается живым [Rabaté, 2008].

Широкая эрудиция писателя, его знание философии, театрального искусства, графики безусловно накладывают отпечаток на его литературные опыты [Муравьева, 2020] и заставляют выходить не только за пределы классических жанров, но и за пределы одного медиа.

Интерес и любовь писателя к эпохе барокко также могут служить объяснением того, почему в его произведениях часто переплетаются литература, музыка, живопись, гравюра и другие виды человеческого творчества. В работах Киньяра чувствуется барочная рецепция, причем не только на уровне сюжета или выбора персонажей, но и на уровне композиции и логики текста. Изучая материалы о барокко, можно увидеть утверждения о том, что «время барокко – время взаимодействия различных видов искусства, когда “поэзия понималась как говорящая живопись, а живопись как немая поэзия”»².

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА – ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ

Можно обнаружить несколько планов проявления интермедиальности в произведениях французского художника. Во-первых, это план содержания – сюжет, повторяющиеся темы, персонажи. Так, можно выделить целый «музыкальный цикл» произведений, к которым можно отнести, например, романы «Карюс», «Все утра мира», «Вюртембергский салон», «Вилла Амалия», эссе «Урок музыки» и «Ненависть к музыке», хотя список этот неисчерпывающий.

Главными героями эссе «Урок музыки» и романа «Все утра мира» являются музыканты и композиторы XVI века – Жан де Сент-Коломб и Марен Маре.

¹ Мамедов А. Паскаль Киньяр: «Тот, кто бежит дворцов и ищет музыку». URL: <https://www.labyrinth.ru/now/kinyar-mamedov/>

² Петрова О. Г. Курс культурология. Барокко. URL: https://historicus.ru/iskusstvo_barokko

Л. Е. Муравьева пишет, что «сквозным нарративом в творчестве Киньяра, формирующим его “музыкальный цикл”, является нарратив с устойчивой схемой: история о талантливом музыканте, избравшем добровольное изгнание и впоследствии забытым в веках» [Муравьева, 2020, с. 317].

Другими примерами вторжения иных видов искусств в пространство содержания литературного текста можно назвать роман «Терраса в Риме», повествующий об истории Моума Гравера, роман «Лестницы Шамбора», в котором герои отдавались каждый своему виду искусства (коллекционирование, игра на фортепиано, бонсаи и т. д.), эссе «Ненависть к музыке».

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА – СИЛА МУЗЫКИ

Музыка в произведениях Паскаля Киньяра не остается просто темой, гранью сюжета. Она становится будто сверхъестественной силой, которой под силу управлять судьбами героев. Именно музыка виолы да гамба господина де Сент-Коломба возвращает ему возлюбленную, которая приходит вновь и вновь при звуке его игры. Мелодии, сочиненные в моменты горя, траура, возвращают ее, Сент-Коломб становится Орфеем, который благодаря звукам своей лиры смог усыпить Цербера и спуститься в ад в поисках Эвридики. Мы знаем, что в греческом мифе Орфей и поэт, и музыкант, а также что он добавил к своей лире две струны, и общее число струн сравнялось с числом Муз. Эта деталь напоминает нам о том, что, стремясь расширить возможности виолы, де Сент-Коломб добавляет новые струны к этому инструменту. Так музыкант XVII века становится Орфеем, но, в отличие от него, не теряет свою возлюбленную из-за желания поскорее обернуться и посмотреть на нее прежде, чем она выйдет на свет дня [Rabaté, 2008].

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА – ПЛАН КОМПОЗИЦИИ

Музыкализация текста проявляется и на уровне композиции. Так, Доминик Рабате отмечает, композиция романа «Все утра мира» основана на принципе возвращения к определенным сценам, которые становятся будто музыкальными и драматическими мотивами: это и появления госпожи де Сент-Коломб, и моменты уединения в хижине, ночи подслушивания Марена Маре, короткие, похожие на извержение вулкана сцены любви между этим юношей и дочерьми его учителя [там же, 2008].

Живопись также становится определенной «моделью» для Киньяра и превосходно подходит к его фрагментарному стилю, отчасти объясняя его. Анализируя его восприятие картин, мы понимаем, почему стиль его письма нелинеен, будто разорван, основывается на описании отдельных сцен. Выделяя конкретные сцены, Киньяр будто рисует картины, изображая на них изолированные жесты, движения. Такая манера письма сопровождается драматизированным использованием крайне коротких параграфов и глав. Писатель разрезает рассказ, разрывает последовательность повествования, вырезает текст. Во всех книгах Киньяра читателя поражает необычный характер связей, неожиданные переходы в сюжете, вопросы, изолированные фразы, слышащаяся за этим тишина. Письмо заимствует у живописи искусство запечатлеть момент, у музыки – игру связей и разрывов. А писатель таким образом изобретает новый способ рассказать историю и, возможно, новое качество романа [Rabaté, 2008].

Еще одной «моделью для подражания» форме можно считать гравюры: «так, например, замысел его “Маленьких трактатов” сводился к чередованию гравюр в духе Рембрандта и литературных пассажей» [Муравьева, 2020, с. 313]. Здесь стоит оговориться, что жанрово-стилистическое своеобразие произведений, которые можно отнести к категории «маленьких трактатов», должно быть описано более подробно отдельно, здесь мы лишь вскользь коснемся этой темы.

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА – ЭКФРАСИС

Одной из форм воплощения интермедальности в творчестве Паскаля Киньяра стал экфрасис. В данной статье мы будем опираться на определение экфрасиса, приведенное Умберко Эко в труде «Сказать почти то же самое». Это перевод зрительного текста в письменный, «описание произведения изобразительного искусства, будь то скульптура или картина» [Эко, 2006, с. 249].

Тему экфрасиса разрабатывали многие отечественные (Л. М. Геллер, Н. В. Брагинская, О. М. Фрейденберг и др.) и зарубежные исследователи.

Н. П. Титова приводит такую классификацию видов экфрасиса: «В зависимости от вида искусства выделяются четыре вида экфрасиса: живописный, скульптурный, архитектурный, музыкальный» [Титова, 2017, с. 164].

Однако примеры экфрасиса, встречающиеся в произведениях Паскаля Киньяра, заставляют нас опираться в анализе на более широкое

определение этого понятия, данное Н. В. Брагинской: «Экфрасис – это “перевод” с языка изобразительного на язык словесный: при этом не только слово пытается приобрести свойство изобразительности, но и изображение наделяется свойствами повествовательности или предстает как наглядная иллюстрация какого-либо вполне “словесного” смысла» [Брагинская, 1977, с. 263].

К списку изображаемых в словесной форме понятий к скульптуре и картинам добавим музыку и другие виды искусства (например, бонсаи).

Приведем примеры использования экфрасиса у Киньяра.

Бонсаи: «Это было нечто равнозначное Саду камней Рёандзи в Киото, с его четырехугольным двориком, мельчайшим, тщательно разровненным гравием и валунами. Комната площадью сто тридцать квадратных метров приводила на память бескрайнее море, где затерялись островки по имени Япония» (Киньяр П. *Лестницы Шамбора*. Пер. с фр. И. Волевич, 2004, с. 87).

Миниатюра: «Эдуард встал на колени. Вынул драгоценные коробочки. Поднялся, снял пиджак, раскрыл чемодан и извлек оттуда «Зарю в Брюгге», называемую также «Брюггские зори»: растерзанные французы, подернутая туманом вода и ударающий Жак де Шатильон (там же, с. 60).

В романе «Терраса в Риме» даже отдельные главы представляют собой описание гравюр. Отрывок из главы XI:

«Одна из серии гравюр «черной манерой» представляет руины города на скалах. Внизу слева подпись: «Sedens super asinam Lucius. Meaum. sculps. August 1656». Над городом, выше по склону, раскинулось кладбище. Кладбище значительно больше самого города; оно изображено на первом плане, ближе всего к зрителю» (Киньяр П. *Терраса в Риме*. Пер. с фр. И. Волевич, 2005, с. 40).

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА – ПЛАН ФИЛОСОФСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Взаимодействие искусств происходит и на более глубоком, философском уровне. И здесь нам следует обратиться к пониманию Паскалем Киньяром природы музыки и природы языка, к его отношению к тишине. Для Киньяра тишина не противопоставляется языку, но содержит его внутри себя, обволакивает его. А музыка предшествует языку.

Литература заимствует у музыки искусство ритма, расстановки пауз, игры с длительностью звуков, с паузами, которые во французском языке называются «тишиной» [Rabaté, 2008, с. 73].

Сам Киньяр в интервью издательству «Галлимар» сказал, что ему противен принцип классического письма, «в котором тезис и антитезис обязательно ведут к синтезу» [Rencontre avec Pascal Quignard, 2004]. И что ему больше по душе барочное напряжение, где две темы сталкиваются и пляшут, будто в сюитах.

Еще одну важную аналогию нужно провести с живописью XVII века. То, что мы сегодня называем «натюрмортом», тогда во французском называлось «*reinture coite*», что можно дословно перевести как «тихая» или «молчаливая» картина. Изначально картины этого жанра писались на религиозные сюжеты – это были «ваните» («суэта», «тщета»). На таких полотнах изображались предметы, владение которыми может показаться смехотворным, часто встречались такие элементы, как череп, погасшая свеча, которые, как и тишина музыкальных инструментов, символизировали смерть [Ложье, 2020]. Удивительно ли, что в романе «Лестницы Шамбора» Эдуард Фурфоз в родном доме находит взглядом картину именно этого жанра:

«Он поднялся на второй этаж, в гостиную, к которой примыкала курительная. Взял бокал, до краев наполнил его шампанским. Сел в кресло. Над буфетом висела великолепная картина «Мертвый ребенок среди своих игрушек», одно из последних полотен Матейса ван ден Берга, датированное 1686 годом. Эдуард выпил шампанское, не отрывая глаз от картины, вне себя от счастья. Он представил себе, какие шуточки отпустили бы Роза или Пьер,

или Франческа, или Лоранс, или Мужлан, или Джон Эдмунд Денд, если бы они увидели это полотно, эту «Тщету» с такими живыми и такими скорбными красками» (Киньяр П. *Лестницы Шамбора*. Пер. с фр. И. Волевич, 2004, с. 155).

И здесь мы опять сталкиваемся с темой тишины, столь дорогой и важной для П. Киньяра: текст как молчаливые картины, музыка, которая предшествует тишине, обволакивающей речь... Изолируя отдельные фрагменты действительности и разрезая текст, французский писатель одновременно с этим объединяет в своих произведениях разные медиа, эпохи, целые миры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сказать, что интермедийность как одна из форм интертекстуальности имеет большое значение для творчества Паскаля Киньяра. Использование данного принципа обусловлено как биографическими, так и эстетико-философскими причинами и вкусами автора. Интермедийность играет важную роль в формировании стиля и жанровых особенностей его работ, а также отсылает нас к наследию других эпох (в частности, барокко). Одним из средств выражения интермедийности становится экфрасис, в рамках которого в литературном тексте описываются не только картины или скульптуры, но и музыкальные произведения, а также более необычные виды искусства – такие как миниатюрный японский сад бонсаи.

Несомненно, эта тема требует более глубокого анализа, а также включения в исследование и других произведений Паскаля Киньяра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Джумайло О. А. Понятие интермедийности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 58–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-v-sovremennom-nauchnom-znanii>.
2. Rajewsky, I. O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermedialités // Intermediality*. 2005. Vol. 6. P. 43–64. URL: <https://doi.org/10.7202/1005505ar>.
3. Rabaté Dominique. Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris: Editions Bordas / SEJER, 2008.
4. Муравьева Л. Е. О барочной рецепции Паскаля Киньяра // Типология дискурсов: К 75-летию Валерия Игоревича Тюпы: сборник научных статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. С. 312–321.
5. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. А. Н. Ковалю. СПб.: Симпозиум, 2006.
6. Титова Н. П. Образ музыканта и музыкальный экфрасис в романе П. Киньяра «Все утра мира» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2017. № 1 (54). С. 163–171. URL: <https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2017/04/19.-Н.П.-Титова.pdf>.
7. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации). В кн.: Брагинская Н. В. Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

8. Ложье Т. Репрезентация времени в искусстве // Artmajeur. 2020. URL: <https://www.artmajeur.com/ru/magazine/5-istoria-iskusstva/reprezentacia-vremeni-v-iskusstve/330158> (In Russ.)
9. Rencontre avec Pascal Quignard, à l'occasion de la parution de Petits traités. Paris: Gallimard, 2004.

REFERENCES

1. Dzhumailo, O. A. (2018). Concept of Intermedialite and its Modern Scientific Knowledge. Verhnevolzhski philological bulletin, 4, 58–62. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-v-sovremennom-nauchnom-znanii>. (In Russ.)
2. Rajewsky, I. O. (2005). Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. Intermédialités. Intermediality, 6, 43–64. <https://doi.org/10.7202/1005505ar>.
3. Rabaté, D (2008). Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris: Editions Bordas / SEJER.
4. Murav'eva, L. E. (2020). O barochnoi retseptsii Paskalya Kin'yara = About Pascal Quignard's Baroque Reception. In Tipologiya diskursov: K 75-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy (pp. 312–321): collection of papers. Moscow: Russian State University for Humanities. (In Russ.)
5. Eko, U. (2006). Skazat' pochtu to zhe samoe. Poyty o perevode = To say almost the same. Experiments on translation. Transl. from Italian by A. N. Koval'. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
6. Titova, N. P. (2017). The Image of a Musician and Musical Ekphrasis in P. Quignard's Novel "All the World's Mornings". The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 1(54), 163–171. <https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2017/04/19-N.P.-Titova.pdf>.
7. Braginskaya, N. V. (1977). Ekphrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) = Ekphrasis as a type of text (on the problem of structural classification). In Braginskaya, N. V., Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochnoslavyanskii paralleli. Struktura balkanskogo teksta (pp. 259–283). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Lozh'ye, Th. (2020). Reprezentatsiya vremeni v iskusstve = Representation of time in art. Artmajeur. <https://www.artmajeur.com/ru/magazine/5-istoria-iskusstva/reprezentacia-vremeni-v-iskusstve/330158>.
9. Rencontre avec Pascal Quignard, à l'occasion de la parution de Petits traités. (2004). Paris: Gallimard.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролова Виктория Владимировна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
старший преподаватель кафедры перевода французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Frolova Victoria Vladimirovna

Postgraduate student at the Department of Domestic and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Senior Lecturer at the Department of Translation and Interpreting of the French Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2023
17.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 304.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_144



К проблеме дигитализации современного искусства

А. О. Гетманенко

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ana2170@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема использования искусственного интеллекта как инструмента создания произведений искусства. Автор приходит к выводу, что развитие функциональности нейросети с неизбежностью порождает вопросы, требующие дальнейшего анализа и изучения: авторство продуктов, их художественно-смысловая ценность, возможности злоупотребления технологиями с целью усиления манипулятивной силы искусства, а главное – воспитание личности и формирование у нее системы ценностей. Обоснование вышеуказанной проблематики основывается на элементах методологии синергетического, средового и системного подходов.

Ключевые слова: современное искусство, современная культура, дигитализация искусства, искусственный интеллект, нейросеть

Для цитирования: Гетманенко А. О. К проблеме дигитализации современного искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 144–149. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_144

Original article

On the Problem of Digitalization of Contemporary Art

Anastasiia O. Getmanenko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ana2170@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of using artificial intelligence as a tool for creating works of art. The author comes to the conclusion that the development of the functionality of a neural network inevitably gives rise to questions that require further analysis and study: the authorship of products, their artistic and semantic value, the possibility of abusing technologies in order to enhance the manipulative power of art, and most importantly, the education of a person and the formation of a system of values in him. The substantiation of the above issues is based on the elements of the methodology of synergistic, environmental and systemic approaches.

Keywords: contemporary art, contemporary culture, digitalization of art, artificial intelligence, neural network

For citation: Getmanenko, A. O. (2023). On the Problem of Digitalization of Contemporary Art. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 144–149. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_144

ВВЕДЕНИЕ

Дигитализация – внедрение новых технологических средств в процесс создания произведений искусства. Уже сейчас казавшиеся раньше фантастикой примеры создания произведений искусства «искусственным разумом» становятся реальностью: нейросети способны генерировать литературные произведения, сочинять стихотворения, писать картины, снимать фильмы и т. д. Вопрос оценки таких произведений с точки зрения их художественной и культурной ценности является спорным, однако рост их количества, соотносимый со скоростью обработки и генерирования шедевров нейросетями, впечатляет.

Творец произведения искусства – это всегда создатель смыслов. Рассмотрение проблемы творчества в культурологическом аспекте преломляет психические процессы под призмой эстетического отношения. Эстетическое отношение – способность эмоционально переживать и «прочувствовать» явления жизни и окружающего мира. Произведение искусства – это отражение картины мира творца, наполненное семиотическими кодами, раскрываемыми каждым из реципиентов в процессе восприятия и взаимодействия с произведением искусства.

Дигитализация современного искусства – процесс необратимый: современные технологии, а также нарастающие темпы жизни общества требуют наращивания скорости создания произведений искусства, которым человек (творец) объективно не способен соответствовать. Вместе с тем на поверхность выходят два вопроса:

- достаточно ли для создания современного произведения цифрового искусства обладать исключительно знаниями в области цифровых технологий, создавать нейросети и программировать устройства?
- являются ли смыслы, заложенные в них, отражением идеи создателя нейросети? Или технологии создают собственные смыслы в процессе генерации произведений искусства? В таком случае кто является творцом?

Исходя из вышесказанного, **целью исследования** является характеристика проблематики дигитализации искусства в современном социокультурном контексте.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Теоретический анализ трудов отечественных авторов, основанный на общенаучных методах познания (сравнение, абстрагирование, анализ, синтез, индукция, дедукция);

- Системный: понимание культуры как системы, в центре которой стоит человек, а функциональную основу представляют коммуникации, интегрирующие внутренние процессы (в том числе творческую деятельность) и материал культуры [Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии организации, руководства и управления, 2012].
- Средовой подход: под средой также подразумевается культурное пространство (множество феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой [Кармин, 1997], вокруг которого формируется знаковое, семиотическое, наполняющее культуру смыслами [Лотман, 1999].
- Синергетический, в соответствии с которым культура понимается как целостная эмерджентная система, обладающая способностью к самоорганизации и «самотворению» при сохранении идентичности ее элементов [Астафьева, Делокаров, 2000], а также как открытая система, имеющая ресурсы для взаимного обмена с окружающей средой [Гелих, Кнizeва, 2003].

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ РОЛИ ДИГИТАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА

Феномен произведений искусства, созданных посредством использования технологий искусственного интеллекта (нейросетей) – уникальное явление современности.

Конец XX века был ознаменован интенсивным развитием компьютерных технологий, начало XXI века – повсеместным массовым распространением информационных технологий.

Изучая проблему информатизации, исследователи указывают на то, что это «не просто внедрение компьютерной техники в различные области социально-экономической практики, а формирование целостных машинизированных информационных технологий, их массовое «встраивание» в социальный организм и использование, ведущее к новым моделям деятельности» [Каныгин, 1988, с. 2].

Информатизация стимулировала развитие культуры и возникновение новых жанров искусства: графический дизайн, веб-дизайн, звукообработка и написание музыки, виртуальные театральные декорации и пр. В этой связи в контексте нашего исследования под дигитализацией искусства будет пониматься создание произведений посредством использования информационных и компьютерных технологий, в том числе, искусственного интеллекта (нейросетей).

Очевидно, что развитие техники и создание нового информационного глобального пространства требовали возникновения новых форм искусства, которые могли бы стать отражением «духа времени», явиться его художественно-эстетическим оформлением.

Безусловно, дигитализация способствовала упрощению процесса создания, тиражирования, распространения произведений искусства. Однако уже на заре развития компьютерной графики, в 80-е г. XX века, стали подниматься вопросы об авторстве и профессиональной подготовке «художников»: многие из них не имели базового художественного образования, а задачи по композиции, цветосочетанию и пр. решались посредством использования постоянно расширяющегося технического функционала специальных компьютерных программ. Кроме того, отдельные жанры «дигитализированного» искусства (например, звукообработка и графический дизайн) предполагают не создание новых выразительных средств, а оперирование уже заложенными техническими возможностями (набором музыкальных «петель», эффектов, ограниченным набором графических элементов, шрифтов и т. д.). Это привело к тому, что абсолютно любой человек, владеющий компьютерной грамотностью, имел возможность создать произведения. Более того, часть художников (в данном контексте понятие используется в широком смысле – создатели произведений искусства), прошедших академическую школу, не имеют доступа к новым формам и жанрам искусства, так как у них нет навыков работы с программным обеспечением и техникой.

Следует отметить, что на начальном этапе дигитализации информационно-компьютерные технологии рассматривались исключительно как инструменты помощи, способствующие развитию искусства в контексте развивающейся культуры.

Развитие технологий искусственного интеллекта и нейросетей обусловило возникновение нового проблемного поля: является ли искусственный интеллект автором произведения, закладывающим в него собственные смыслы? Основа работы нейросети – работа с заложенной в нее базой данных, то есть, создавая произведение, система действует на основе заложенных в нее алгоритмов, генерируя произведение на основе предзаданных «шаблонов». При этом, как отмечают Г. С. Шумников и Н. А. Смирнова, «искусственный интеллект может решить эту проблему путем добавления «случайных шумов» к изображению, что на самом деле означает, что искусственный интеллект, по существу, воспроизводит оригинал, добавляя некоторые штрихи и заменяя стиль рисунка» [Шумников,

Смирнова, 2021, с. 188]. Таким образом, подчеркивается, что на современном этапе развития технологий искусственный интеллект не является самостоятельным художником, а лишь инструментом, обеспечивающим возможности новых творческих поисков человека: искусственный интеллект воспроизводит алгоритм, но не способен оценивать и осознавать смысл действий.

В этой связи возникает вопрос этики: человек, вносящий определенные данные, необходимые для генерирования продукта нейросетью, не является в полной мере его автором, так как не создает самостоятельно «форму», в которую заключается произведение. Следовательно, возникает эффект «двойного авторства»: человека и искусственного интеллекта. На основе имеющейся базы данных нейросеть создает некую форму закладываемых человеком смыслов, при этом привнося в нее и элемент «технической индивидуальности». Соответствие же «формы – содержанию» напрямую зависит от «обученности» нейросети.

Вместе с тем следует учитывать, что искусственный интеллект как технология ориентирован на универсализм, функциональность и простоту использования, обеспечивающих решение посредством его использования общечеловеческих проблем. Очевидно, что в подобных условиях решение общечеловеческих проблем посредством использования искусственного интеллекта является ориентиром его совершенствования и достижения уровня функционирования, превышающего человеческий. В подобных условиях достижение нейросетью уровня, обеспечивающего способность к анализу и осознанным действиям, видится обозримой перспективой, а значит вполне вероятно, что искусственный интеллект будущего сможет стать полноценным автором произведений.

ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ

Искусство – это смыслы, облеченные в эстетически значимую форму. Произведение искусства в первую очередь ориентировано на трансляцию определенной, заложенной творцом идеи, причем не в случайной, а в специально определенной и подобранной форме. В этом случае форма – лишь элемент художественного языка, а не самоцель.

Искусство часто выступает в качестве инструмента познания мира. Очевидно, что построение ясной картины мира в опоре только на отдельные виды искусства невозможно. При этом само искусство заключает в себе баланс реального (иллюстрирующего действительность) и художественного (эмоционального, интуитивного; с одной

стороны – выражающего позицию и взгляд автора, с другой – стимулирующего зрителя к интеллектуальному поиску). Зритель, являясь реципиентом заложенных автором в произведение смыслов, перекодирует их под призмой индивидуального восприятия, анализирует и включает вновь родившиеся в его сознании образы в собственное мировоззрение. Следовательно, искусство выступает и в роли канала коммуникации, стимула внутреннего диалога: «Внутренний диалог позволяет личности осмыслить контуры собственного жизнетворчества, чтобы прийти к уникальному смыслу «своим неповторимым путем» [Ковбасюк, 2009, с. 30]. таким образом, искусство является пусковым моментом развития способности человека мыслить в различных культурных перспективах. В этой связи значимым становится вопрос ответственности, осознанности художника как творца, важности роли и функции выразительности. При этом существенной задачей художника, как указывают Е. А. Гаврилюк и Н. В. Мартынова, является выявление и усиление выразительности, передаваемой направленной напряженностью, характеризующей визуальную модель [Гаврилюк, Мартынова, 2009].

Человек познает произведения искусства посредством специально-подобранных и используемых творцом художественно-выразительных средств, ориентированных на возникновение у человека эмоционального отклика – эстетического переживания. Данный элемент восприятия характеризуется запуском у реципиента механизмов ассоциативного, логического, образного мышления. Именно поэтому процесс восприятия произведений, как и процесс их создания, относятся к творчеству: способность увидеть и интерпретировать произведение искусства не менее сложна, чем способность создать его. Исследуя процесс восприятия произведений искусства как акт коммуникации, О. Б. Павленкович указывает, что «художественная внутренняя структура произведения должна быть способной формировать восприятие на уровне заложенных в ней мыслей, идей, чувств» [Павленкович, 2009, с. 70].

По нашему мнению, в случае, если человек взаимодействует с объектом искусства, созданным искусственным интеллектом, возникает феномен, когда транслируемые идеи могут не нести авторски закодированных смыслов, а их формальное выражение может привести человека к искаженному пониманию и восприятию.

Отсюда следует, с одной стороны, проблема художественно-формального соответствия данных продуктов предполагаемому содержанию, а с другой – проблема внедрения в нейросеть сторонней

информации и работы алгоритмов (имеются в виду случаи, когда изначально заложенные человеком смыслы искажаются и дополняются, в результате чего продукт имеет совершенно иное художественно-смысловое значение, часто – противоположное, что влечет за собой соответствующий социальный эффект). Здесь представляется важным упомянуть о «суггестивной силе» искусства как о способности гипнотического воздействия на человека, «заражения» чувствами, мыслями, идеями, и о манипулятивной функции искусства – возможности использования его как инструмента пропаганды и управления. В контексте продуктов искусственного интеллекта эти элементы могут быть усилены, а значит, представляется необходимым обеспечение функции контроля массового распространения продуктов, содержащих неоднозначные символы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОДУКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Современное искусство часто становится совокупностью форм, торжеством художественного языка. При этом возникают ситуации, когда стремление к созданию уникального продукта превращается к стремлению к излишней оригинальности форм. Как отмечает А. И. Иконников, оно далеко не всегда способно выступать в роли интеллектуального упражнения или быть инструментом выражения своего взгляда на мир, но, скорее, является «воплощением мечты о торжестве невиданного по своей свежести живописного языка» [Иконников, 2009, с. 14].

Рассматривая искусство XX века как отражение культуры постмодерна, исследователи выделяют такой жанр современного искусства как поп-арт (popular art). Отмечается, что в отличие от произведений искусства в общепринятом понимании, произведения этого жанра являются скорее артефактами – отражением обыденного мышления и обыденного сознания. Поп-арт оперирует объектами реального мира, вещами и действиями, опирается на обыденную жизненную практику, в то время как произведения искусства являются обличением смыслов в эстетически значимую форму. Следовательно, поп-арт опирается на обыденное мышление, а не на художественное. В этой связи возникает следующий дискуссионный вопрос: насколько «продукты», создаваемые посредством использования искусственного интеллекта, являются произведениями искусства? Опираются ли они на художественное мышление зрителя или же являются артефактами, отражающими обыденность?

По нашему мнению, дигитализированные произведения не являются в полной мере художественными, так как их создание обусловлено случайным генерированием нового на основе изначально заданного набора данных и алгоритмов, а также не являются отражением обыденного мышления, поскольку часто генерируемые нейросетью «продукты» не являются отражением реального мира. В данном случае правильнее будет именовать художественные объекты, созданные посредством использования искусственного интеллекта, «художественным продуктом».

Возникновение новых форм искусства с неизбежностью влекло за собой новый опыт чувствования, и тенденцией развития искусства XX века было получение человеком нового чувственного опыта на основе информации, выступающей от разных органов чувств (отсюда берут начало такие жанры, как ассамбляж, инсталляции, боди-арт, инвайромент, акционизм). Новое искусство, активно развивающееся на рубеже XX–XXI вв., подразумевает, что зритель становится активно действующим элементом произведения.

Цифровое искусство влияет на формирование новой системы ценностей. В контексте развития культуры изменение ценностных ориентиров обусловливается также кризисным характером современности: разрушением концепции глобализма, одновременного бытия человека в мире информационного изобилия, иронии, искаженности.

Человек, с одной стороны, становится открытым каналом для восприятия бесконечного потока смыслов, с другой – часто неспособен проанализировать, осознать, сориентироваться в достоверности данных.

Тенденцией развития современного искусства становится потеря авторства, и в этой связи проблематика внедрения технологий искусственного интеллекта представляется остро актуальной: «Перед нами системная концепция искусства, в которой собственно искусства нет: ни художника, ни художественного умения, ни произведения» [Праздников, 2011, с. 17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальность, в которой использование искусственного интеллекта становится нормой, а не фантастикой, уже наступил. Выстраиваясь в современную культуру и определяя векторы ее развития, он стал инструментом, активно используемым художниками, музыкантами и авторами литературных произведений. Развитие функциональности данной системы с неизбежностью порождает вопросы, требующие дальнейшего анализа и изучения: авторство продуктов, их художественно-смысловая ценность, возможности злоупотребления технологиями с целью усиления манипулятивной силы искусства, а главное – воспитание личности и формирование у нее системы ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии организации, руководства и управления. Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М.: Альпина паблишер, 2012.
2. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб.: Лань. 1997.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Астафьева О. Н., Делокаров К. Х. Теория самоорганизации и образование // Лицейское и гимназическое образование. 2000. № 3. С. 92–96.
5. Гелих О. Я., Князева Е. Н. Синергетические основы социального управления // Менеджмент и маркетинг в социальной сфере. Учебное пособие. СПб.: Книжный дом, 2003.
6. Каныгин Ю. М. Информатизация и управление научно-техническим прогрессом. Киев, 1988.
7. Шумников Г. С., Смирнова Н. А. Искусственный интеллект в современном искусстве // Цифровые технологии в культуре и искусстве: материалы студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург, 2021. С. 157–160.
8. Ковбасюк О. В. Смыслы как ресурс развития личности в новом глобальном мире // Современное искусство в полилоге культур: материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2009. С. 24–33.
9. Гаврилюк Е. А., Мартынова Н. В. Роль восприятия и визуального мышления в познании современной действительности будущего художника // Современное искусство в полилоге культур: материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2009. С. 55–57.
10. Павленкович О. Б. Восприятие произведений искусства как акт коммуникации // Современное искусство в полилоге культур: материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2009. С. 68–71.
11. Иконников А. И. Что такое современная живопись? // Современное искусство в полилоге культур: материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2009. С. 9–15.
12. Праздников Г. А. Старое и новое в смысловом пространстве современной художественной культуры // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2011. С. 15–18.

REFERENCES

1. Shchedrovitsky, G. P. (2012). Putevoditel' po osnovnym ponyatiyam i skhemam metodologii organizatsii, rukovodstva i upravleniya. Hrestomatiya po rabotam G. P. Shchedrovitskogo = Guide to the basic concepts and schemes of the methodology of organization, leadership and management. Reader based on the works of G. P. Shchedrovitsky. Moscow: Al'pina publisher. (In Russ.)
2. Karmin, A. S. (1997). Osnovy kul'turologii: morfologiya kul'tury = Fundamentals of Cultural Studies: Morphology of Culture. St. Petersburg: Lan'. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. M. (1999). Vnutri myslyashchih mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya = Inside the thinking worlds: Man – text – semiosphere – history. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
4. Astafeva, O. N., Delokarov K. H. (2000). Teoriya samoorganizatsii i obrazovanie. Licejskoe i gimnazicheskoe obrazovanie = Theory of self-organization and education. Lyceum and gymnasium education, 3, 92–96. (In Russ.)
5. Gelih, O. Ya., Knyazeva, E. N. (2003). Sinergeticheskie osnovy social'nogo upravleniya. Menedzhment i marketing v social'noj sfere = Synergetic foundations of social management. Management and marketing in the social sphere. Tutorial. St. Petersburg: Book House. (In Russ.)
6. Kanygin, Yu. M. (1988). Informatizatsiya i upravlenie nauchno-tekhnicheskimi progressom = Informatization and management of scientific and technological progress. Kiev. (In Russ.)
7. Shumnikov, G. S., Smirnova, N. A. (2021). Iskusstvennyy intellekt v sovremennoy iskusstve = Artificial intelligence in contemporary art. Cifrovye tekhnologii v kul'ture i iskusstve (pp. 157–160): materials of the student scientific and practical conference. Ekaterinburg. (In Russ.)
8. Kovbasyuk, O. V. (2009). Smysly kak resurs razvitiya lichnosti v novom global'nom mire = Meanings as a resource for the development of personality in the new global world. Sovremennoe iskusstvo v poliloge kul'tur (pp. 24–33): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Khabarovsk. (In Russ.)
9. Gavriluk, E. A., Martynova, N. V. (2009). Rol' vospriyatiya i vizual'nogo myshleniya v poznanii sovremennoy dejstvitel'nosti budushchego hudozhnika = The role of perception and visual thinking in the cognition of the modern reality of the future artist. Sovremennoe iskusstvo v poliloge kul'tur (pp. 55–57): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Khabarovsk. (In Russ.)
10. Pavlenkovich, O. B. (2009). Vospriyatie proizvedeniy iskusstva kak akt kommunikatsii = Perception of works of art as an act of communication. Sovremennoe iskusstvo v poliloge kul'tur (pp. 68–71): materials of the International scientific and practical conference. Khabarovsk. (In Russ.)
11. Ikonnikov, A. I. (2009). Chto takoe sovremennaya zhivopis'? = What is contemporary painting? Sovremennoe iskusstvo v poliloge kul'tur (pp. 9–15): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Khabarovsk. (In Russ.)
12. Prazdnikov, G. A. (2011). Staroe i novoe v smyslovom prostranstve sovremennoy hudozhestvennoy kul'tury = Old and new in the semantic space of modern artistic culture. Sovremennoe iskusstvo v kontekste globalizatsii (pp. 15–18): nauka, obrazovanie, hudozhestvennyy rynek: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гетманенко Анастасия Олеговна

кандидат психологических наук

преподаватель кафедры мировой культуры

Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Getmanenko Anastasiia Olegovna

PhD (Psychology)

Lecturer at the Department of World Culture

Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2023
18.06.2023
22.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 008+327
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

Особенности в становлении русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности

А. И. Емельянов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anton.politolog@yandex.ru*

- Аннотация.** В статье автор рассматривает специфику становления и особенности развития русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности и приходит к выводу, что в ходе исторического процесса у обеих цивилизаций образовались как отличительные, так и схожие черты. И русская, и латиноамериканская цивилизации могут принадлежать к так называемым «пограничным типам цивилизации», что обусловило в определенных сферах их схожее историческое развитие и дальнейшую судьбу.
- Ключевые слова:** классическая цивилизация, пограничная цивилизация, русская идентичность, субэкумен, латиноамериканская идентичность, цивилизация
- Для цитирования:** Емельянов А. И. Особенности в становлении русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 150–154. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

Original article

Key Features in the Formation of Russian and Latin American Civilizational Identity

Anton I. Emelianov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
anton.politolog @yandex.ru*

- Abstract.** In the article, the author examines the specifics of the formation and development of the Russian and Latin American civilizational identity. After the conducted research, the author comes to the conclusion that in the course of the historical process, both distinctive and similar features were formed in both civilizations. Both civilizations, both Russian and Latin American, may belong to the so-called “borderline types of civilization”, which caused them in certain areas to have similar historical development and future fate.
- Keywords:** classical civilization, frontier civilization, Russian identity, subecumen, Latin American identity, civilization
- For citation:** Emelianov, A. I. (2023). Key Features in the Formation of Russian and Latin American Civilizational Identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 150–154. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё большую популярность приобретают мнения о том, что государства перестают быть доминирующими акторами в мировой политике и на их место приходят совершенно новые по типу и сущности субъекты – цивилизации. Существует вероятность, что именно от них будут зависеть политическая и геополитическая ситуация в мире, так как они объединяют множество социокультурных групп, включающих целые нации. Если одна из них, например, англосаксонская, объединяется с целью доминирования, то другие, такие как российская, латиноамериканская, объединяются каждая внутри своих массивов, несмотря на лингвистические и культурные различия. В случае возобладания в мире цивилизационной тенденции, вполне вероятно изменение норм международных отношений и международного права, а стало быть, и гегемонии одних стран над другими.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В отличие от традиционного понимания цивилизации как высшей культурной точки развития человечества укрепляются позиции сторонников понимания цивилизаций как предельно широкой социокультурной общности, существующей в определенных пространственно-временных координатах. Характеризуя современные цивилизации, А. Тойнби писал, что цивилизация – это «образование более широкое, чем нация, но менее широкое, чем всё человечество» [Тойнби, 2021, с. 17].

В отличие от традиционного понимания цивилизационного мироустройства, укрепляются позиции сторонников пограничности мировых цивилизаций. Их мнения зиждутся на том, что столкновение западной и восточных цивилизационных центров мирового развития привело к появлению дихотомии Запад – Восток, на периферии которой сформировались пограничные цивилизации России и Латинской Америки. Они впитали в себя различные установки этих тысячелетних цивилизаций, которые успешно укрепились на базе собственных культурных и духовных ценностей. Великие же цивилизации Востока и Запада, которые, несмотря на свою неоднородность, обладают схожими чертами, сближающими их на геополитической карте мира, обладают определенной целостностью и консервируются в виде социокультурных макрообщностей. Известный отечественный исследователь Г. С. Померанц выделил на базе этих макрообщностей ряд «субэкумен»: западно-христианскую, южно-азиатскую индо-буддистскую,

исламскую [Померанц, 2020, с. 10 – 12]. В результате синтеза и непрерывного взаимодействия как внутри этих субэкумен, так и на грани соприкосновения Востока с Западом, оформились традиционные для нас духовные исторические целостности, схожие по мировоззренческому компоненту и подходу к онтологическим проблемам.

Подобные «классические» цивилизации имеют ряд отличий от «пограничных» цивилизаций, оформившихся на периферии мирового политического процесса. Воздействие на них шло сразу с нескольких сторон. Например, в результате подобного воздействия формировались цивилизации многополярного типа, которые подразумевали наличие на общем цивилизационном фундаменте ряда качественно различных частей. Хотя подобные конструкции могут показаться неустойчивыми, история демонстрирует, что их приспособляемость, сформировавшаяся в результате непрерывного воздействия, создала иммунитет к негативной центробежной реакции на влияние других цивилизаций. В ряде случаев, наоборот, закаленность пограничных цивилизаций от влияния извне помогает стать основой центростремительных тенденций, лежащих в основе институционализации в рамках совокупностей государств. В настоящее время отчетливо выделяется ряд подобных цивилизаций: иберо-европейская, балканская, российско-евразийская и латиноамериканская.

Таким образом, на территории пограничных субэкумен происходили процессы симбиоза и синтеза, взаимодействия и противостояния основных типов межцивилизационного воздействия. На этой основе выработались герменевтические барьеры, которыми, в частности, можно охарактеризовать границы русского мира, которые продолжают существовать, несмотря на их противоречивость государственным границам [Сен, 1984]. При этом не формируются новые качества цивилизационной общности, не видоизменяются самоидентификация и самоидентичность, создается четкая шкала «свой–чужой», которая оформляет чужеродные элементы и старается либо поглотить их, либо отвергнуть. Подобный механизм является ничем иным, как внутренним механизмом функционирования цивилизационной системы. Подобный механизм ведет к тому, что у России как представительницы пограничной цивилизации выработана функция по калибровке ростков чужеродных цивилизаций по отношению к своей цивилизационной матрице. Подобная трактовка справедлива и в отношении Латинской Америки [Шемякин, 2001].

Подобная роль пограничных цивилизаций в мировом масштабе подразумевает глобальную значимость как российской, так и латиноамериканской цивилизации. Несмотря на близость Латинской Америки к иберийской Европе, существует ряд черт, сближающих именно наши цивилизации. Во-первых, это значимость природного фактора цивилизаций пограничного типа, исходящая из него слабая способность формирования инновационных элементов, ведущая к пограничности между цивилизацией и варварством (в западном понимании). В условиях пограничных цивилизаций очевидно преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры. Постоянно возникает отсеивание нового через нормы бытия человека и общества. Обе эти пограничные цивилизации сложились и формировались в условиях противостояния глобализации, ставящей своей целью преимущество человека над природой.

В результате можно выделить антиномичность, т. е. противоречивое столкновение полярностей бытия. При попытках включения наших цивилизаций в фарватер развития западной цивилизации происходило столкновение подходов к решению экзистенциальных проблем и ведущее за этим желание высвободиться и абстрагироваться от негативных внешних факторов цивилизационного воздействия. Существующая амбивалентность, т. е. одинаково выраженная направленность одновременно в противоположные, взаимоисключающие стороны, стала одной из определяющих характеристик цивилизационного пограничья [Октавио Пас, 2001].

В то же время доминирование одной из позиций в рамках пограничных цивилизаций весьма условно, т. к. они строятся на базе врожденных противоположностей, которые, с одной стороны, создают условия для расшатывания всей структуры, с другой – создают систему сдержек и противовесов, которая порождает устойчивость этой аморфной структуры. Характерным примером сего можно привести Византию, которая, по словам исследователя С. С. Аверинцева, имела черты пограничья, существуя на границе Востока и Запада. В этом государстве «существовало единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором» [Культура Византии..., 1997, с. 252]. Таким образом, балансирование на грани распада и постоянного желания в укрупнении пространства субэкумены порождает вектор развития, который, в свою очередь, порождает устойчивость в развитии как государства, так и цивилизации.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В российской цивилизации таким образом не раз формировались линии раскола, которые можно выразить в следующих периодах. Во-первых, противостояние славянофилов и западников, которое отразило столкновение различных ценностей западного толка, привязанных России Петром I и традиций Московской Руси, идентифицировавших большую часть населения России. Во-вторых, имел место раскол на базе распространения православия и сохранения языческих мифологических корней, некоторые из которых были в дальнейшем переплетены с канонами православной церкви, что придавало определенные черты русскому православию. В-третьих, стоит отметить столкновение никонианцев со старообрядцами, которое носило более социально-политический, нежели духовный характер. В-четвертых, это обилие вероисповедования на территории России.

В условиях подобных разнородностей должна быть единая линия восприятия действительности, которая создает базис для защиты национальных интересов государства. Должна быть какая-то общая ценность и основа, например, защита государства, своей земли. На западе – родина представляет собой место, где человек пребывает в безопасности и достатке, несмотря на прокламации политиков и общественных деятелей, у них отсутствует сильное чувство тоски по родине за рубежом. Особо стоит отметить отсутствие патернализма и этатизма в их цивилизационном коде, который ставит во главу угла индивидуализм. Это может быть объяснимо тем, что пространство российской территории не поддается контролю [Шемакин, 2001; Данилевский, 1991].

Связь между всеми системами является слабой ввиду наличия противоречий внутри российской цивилизации, поэтому стал необходим компенсаторский механизм, который выражается в механизме противовеса групп граждан, рассматривающих государство высшей ценностью, придающих ему важнейшую роль в централизации государства и выработке единообразных традиций и свойств российской цивилизации. Вторая группа формировалась из числа желающих ограничить проникновение государства во все сферы жизнедеятельности общества. Если задача первых – поддержание и укрепление институтов государственной власти, то вторых – использование воли для единения государства без привлечения центральной власти и ограничения принуждения. Это нельзя назвать простой тенденцией или движением в определенный период истории. Достаточно вспомнить общины казаков, староверов, анархистов, крестьянских

коммун. Всё это является доказательством конгруэнтности национальных традиций и признаков российских цивилизационных парадигм, так как во всех вышеуказанных образованиях существовали институциональные формы, которые имели все перспективы развиваться в нечто большее.

В то же время существует другая крайность, которая выражается в резервах авторитарности русского общества. В критические моменты истории в обществе всегда находится группа, которая инициирует и ведет с особым пристрастием деятельность по обнаружению внутреннего и внешнего врага, изысканию всё новых мобилизационных возможностей нашего государства.

Примером существования всех вышеуказанных процессов является революция 1917 года, когда все течения смогли вырваться наружу. Россия в тот период истории оказалась наполнена «акварелью» разнообразных движений, базировавшихся на принципах воли.

Связь между подсистемами в российской цивилизации гораздо слабее, чем, например, в западной, где каждая часть общества преследует свои интересы и стремится сохранить тот строй, который будет максимально способствовать сохранению площадок для дискуссий элит, делящих сферы влияния как внутри государств, так и за пределами таковых. Подобная унификаторская функция всех мировых цивилизаций отсутствует у нашей цивилизации (и латиноамериканской). Если изучить нашу многовековую историю, то можно обнаружить, что тенденции по унификации всех сфер общества ни к чему не приводили. Это очевидно из-за принципа противовеса, который был заложен в нашей цивилизационной парадигме, начиная с эпохи монголо-татарского нашествия, когда формируемая славянская цивилизация впервые начала принимать в свою семью представителей новых народов. Как раз этот барьер многообразия, заключающийся в большом количестве наций, существующих внутри российской цивилизации, объясняет невозможность преодоления того или иного барьера нашего общества. Барьеры в свою очередь формировались, укреплялись автономиями человеческого сознания разных народов, социальных групп и религиозных течений [Шемякин, 2001].

Также важно помнить о желании народов самосохраниться. Это является базовым желанием любой группы, существующей в рамках цивилизации. Так, согласно пирамиде Маслоу, первоочередным

требованием живого индивида является желание находиться в безопасности, а для общества в рамках цивилизационного противоборства это заключается в желании сохранить себя (затем закрепиться, преувеличить, распространиться, далее идет тенденция к распаду, затем к собиранию, из чего образуется замкнутый круг. Из него можно выйти, если попытаться изменить матрицу народа.

Столкновение плюрализма и роста бюрократии формируют новую систему сдержек и противовесов. Давление запада и желание независимости, победа капитализма, с другой стороны – уравнивание, желание справедливости, нежелание принимать решения, неприязнь индивидуализма. Происходит столкновение власти и собственности, в особенно собственности западного типа.

В цивилизациях «классического» типа главная важная функция социальных институтов – обеспечить организационное закрепление в социальной жизни и практике определенной совокупности ценностных ориентаций, на базе того или иного подхода к решению определенных экзистенциальных проблем. В пограничных же цивилизациях по мере развертывания процессов взаимодействия качественно различных культурных традиций социальные институты приобретают и иную функцию – обеспечения организационных рамок благоприятного соседства различных точек зрения. При интенсификации взаимодействия или внешнего негативного цивилизационного воздействия классических цивилизаций происходит усиление этой функции, чтобы гармонизировать среду внутри цивилизации и подготовить ее для мобилизации. Последнее подразумевается при наличии угрозы для пограничной цивилизации.

После исчезновения СССР прерванный процесс возобновился вновь. Часть населения (большая) переняла принципы дореволюционного царского строя, когда существовал триумvirат (царь, народ, церковь), а предприниматели переняли принципы предпринимательства. Третья сила (государство) начало в последнее время выступать (в особенности институт президента) за сохранение финансов в стране, способствовать вложению денежных средств в экономику страны.

Во всем этом выражается парадокс пограничных цивилизаций – одновременное стремление к максимальной открытости миру и ревностной защите собственной самобытности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Академический проект, 2021.
2. Померанц Г. С. Выход из транса. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

3. Сеа Л. Философия американской истории / пер. с исп. Ю. Н. Гирина. М.: Прогресс, 1984.
4. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
5. Октавио Пас. Избранное / сост. В. Резник. М.: Терра – книжный клуб, 2001.
6. Культура Византии IV – первая половина VII в. / под ред. У. В. Удальцова. М.: Наука, 1997.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

REFERENCES

1. Tojnbi, A. (2021). Postizhenie istorii = Comprehension of history. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
2. Pomeranc, G. S. (2020). Vyhod iz transa = Coming out of a trance. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ. (In Russ.)
3. Sea, L. (1984). Filosofiya amerikanskoy istorii = Philosophy of American History. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Shemyakin, Ya. G. (2001). Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii = Europe and Latin America: Interaction of civilizations in the context of world history. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Oktavio, Pas. (2001). Izbrannoe = Selected works. Moscow: Terra – knizhnyj klub. (In Russ.)
6. Udal'cov, U. V. (ed.). (1997). Kul'tura Vizantii IV – pervaya polovina VII v. = The culture of Byzantium the 4th – the first half of the 7th century. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Danilevskij, N. Ya. (1991). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow: Kniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Антон Игоревич

кандидат политических наук, доцент
заведующий кафедрой зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emelianov Anton Igorevich

PhD (Political Science), Associate Professor
Head of the Department of Foreign Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	17.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.06.2023	
	22.06.2023	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 8 (876)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 8 (876)**

Ответственные редакторы выпуска

А. О. Манухина
кандидат филологических наук, доцент
А. В. Джунковский
кандидат филологических наук

Executive editors

A. O. Manuhina
PhD (Philology), Associate Professor
A. V. Dzhunkovskij
PhD (Philology)

Редактор М. М. Сингал
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor M. M. Singal
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 15.09.2023
Усл. печ. л. 19,4. Формат 60х90/8
Заказ № 58/23

Signed for print: 15.09.2023
Conventional printed sheets: 19,4. Layout format 60x90/8
Order 58/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».